

Н.В.ПИГУЛЕВСКАЯ

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

ВИЗАНТИЯ

СЛАВЯНЕ

Содержание

Предисловие

Нина Викторовна Пигулевская (Г. Д. Курбатов, А. Г. Лундин, А. В. Пайкова, К. Б. Старкова)

Список печатных работ члена-корреспондента АН СССР Н. В. Пигулевской (А. Г. Лундин и Е. Н. Мещерская)

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ Н. В. ПИГУЛЕВСКОЙ

«Шелковая дорога» (Проблемы экономических и культурных связей между Востоком и Западом)

Месопотамия в эллинистическую и парфянскую эпохи

Из истории социальных и религиозных движений в Палестине в римскую эпоху

Хроника псевдо-Дионисия Тельмахрского о Южной Аравии

Византийские поговорки

Византия и славяне

Сирийская хроника VI в. о славянских племенах

Хронография Феофана и сирийские хроники

О сирийской рукописи «Церковной истории» Евсевия Кесарийского в Российской Публичной библиотеке

Сирийская культура средних веков и ее историческое значение

Мартирий Кириака Иерусалимского

Об историческом значении надписи RES 4337

Сирийский текст и греческий перевод мученика Тарбо

Заметка об отношениях между Византией и гуннами в VI в.

Сиро-палестинские фрагменты псалмов 123—124

Примечание

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник включает прежде всего неопубликованные статьи выдающегося советского историка и востоковеда, исследователя античной и средневековой истории и культуры Ближнего Востока члена-корреспондента АН СССР Нины Викторовны Пигулевской. Они написаны в разное время, охватывают, хотя и в разной мере, всю научную деятельность автора и посвящены самым различным темам, отражая многостороннее творчество Н. В. Пигулев-

ской: и переводы памятников сирийской и византийской литературы, и исследования отдельных исторических источников, и обобщающие статьи по истории Ближнего Востока, Византии и славян. Эта публикация практически исчерпывает подготовленные к печати статьи, имевшиеся в архиве Н. В. Пигулевской.

В сборник включены также переводы ряда работ, напечатанных только в зарубежных изданиях. Это позволит советскому читателю полнее представить себе научную деятельность Н. В. Пигулевской и свободнее пользоваться ее работами, полностью сохраняющими свое значение.

Открывают сборник тезисы доклада, подготовленного для V Международного конгресса экономической истории, состоявшегося в Ленинграде в августе 1970 г. Здесь подведен итог многолетним исследованиям Н. В. Пигулевской торговых путей между Европой и Азией в средние века и комплекса экономических и культурно-исторических проблем, связанных с этой торговлей. Одновременно в тезисах содержится программа комплексных исследований «шелкового пути», рассчитанная на сотрудничество ученых различных специальностей и разных стран. Эта программа приобрела за истекшее время еще большую актуальность в связи с открытиями новых материалов и документов.

Работа «Месопотамия в эллинистическую и парфянскую эпохи» написана в 1940 г. как раздел курса лекций, читанного в Ленинградском университете. К сожалению, другие разделы курса не сохранились. Сжатая и живо изложенная общая картина истории Месопотамии со времен Александра Македонского до становления Сасанидской державы до сих пор сохраняет свое научное значение. Большой интерес представляет она как ядро дальнейших исследований Н. В. Пигулевской, отраженных в послевоенные годы в монографии «Города Ирана в раннем средневековье» и соответствующих главах коллективной «Истории Ирана с древнейших времен до конца XVIII в.».

Работа «Из истории социальных и религиозных движений в Палестине в римскую эпоху», написанная в 1923 г., является первым обращением Н. В. Пигулевской к исторической тематике. В этот период, когда марксизм еще не проник достаточно глубоко в академическую науку, в статье чувствуется несомненное влияние социальных преобразований в стране и марксистского исторического метода. Это влияние проявляется и в интересе к социальным силам, поддерживавшим зарождающуюся христианскую идеологию, и во внимании к исторической обстановке, в которой складывалось христианство. Рассматривая Иисуса и его учеников как реальных исторических лиц, автор свое основное внимание уделяет истории народных масс. Тема, избранная Н. В. Пигулевской, важна для марксистского осмысления значительных явлений мировой истории; позже данная тема вновь исследовалась в советской историографии.¹ Уже в это время Н. В. Пигулевская в центр своей статьи ставит проблемы культуры и идеологии — черта, которая характерна для ее исследований.

Н. В. Пигулевская, всегда отличавшаяся высокой требовательностью к себе, не сочла возможным публикацию этой ранней работы, однако составители решили включить ее в сборник как документ, отражающий веху не только на творческом пути автора, но и в истории становления советской историографии Ближнего Востока.

Статья «Хроника псевдо-Дионисия Тельмахрского о Южной Аравии» представляет собой характерный для творчества Н. В. Пигулевской образец органического сочетания филологического и исторического исследования. Вводя в научный обиход важный исторический источник, автор делает его доступным для широкого круга читателей и одновременно дает подробный историографический и исторический анализ памятника. По этому типу построены не только многие статьи Н. В. Пигулевской, но и ряд ее монографий.

Перевод Хроники псевдо-Дионисия был подготовлен Н. В. Пигулевской для книги «Византия на путях в Индию», где он должен был быть помещен в качестве приложения. Позднее для самостоятельной публикации к переводу была подготовлена вводная статья. По-видимому, в связи с немецким изданием книги и это намерение не было осуществлено. Перевод был включен в немецкое издание и на русском языке публикуется первый раз.

Впервые увидит свет небольшая заметка «Византийские поговорки», написанная в 1968 г.

В годы Великой Отечественной войны Н. В. Пигулевская выступала с лекциями и докладами, посвященными проблемам культурных взаимоотношений народов средневековья. Эти работы, показывавшие взаимные влияния разных народов и разных рас, их взаимодействие во всемирно-историческом процессе, рисовавшие выдающуюся культурно-историческую роль

славянских народов, были вкладом ученого в борьбу советского народа против фашизма. Наиболее ярким образцом таких работ и является публикуемая лекция «Византия и славяне», прочитанная 23 декабря 1944 г. в Казани в Государственном университете им. В. И. Ульянова-Ленина. Хотя за истекшие годы эта тема получила большое дальнейшее развитие,² сжатый обзор Н. В. Пигулевской, дающий четкую и ясную общую картину, показывающий задачи и направления дальнейших исследований, до сих пор сохраняет свое значение и представляет интерес.

Статья «Сирийская хроника VI в. о славянских племенах», написанная в 1969 г. и опубликованная только на французском языке, продолжает серию исследований Н. В. Пигулевской, посвященных сирийским источникам о славянах. Она рассматривает одни из самых ранних исторических сведений о славянах, принадлежащие перу современника появления славянских племен в пределах Византии в конце VI в.

Большой интерес представляет работа «Хронография Феофана и сирийские хроники», изданная в 1967 г. в Австрии на английском языке. Здесь проведено последовательное сравнение греческой хронографии Феофана и сирийской хроники псевдо-Дионисия Тельмахрского, что позволило автору показать общность источников этих двух сочинений и даже реконструировать некоторые разделы не дошедшего до нас текста одного из источников. Вывод Н. В. Пигулевской, что «византийская литература — понятие несравнимо более широкое, чем греко-византийская литература», имеет особое значение. Этот новый подход открывает дальнейшие перспективы изучения не только византийской литературы, но и многих других средневековых литератур.

Одна из первых научных работ Н. В. Пигулевской «О сирийской рукописи „Церковной истории“ Евсевия Кесарийского в Российской Публичной библиотеке» давно стала библиографической редкостью. Между тем она представляет интерес и как описание ценнейшей сирийской рукописи в хранилищах Ленинграда, и как образец монографического исследования рукописи. Эта работа отмечает начало творческого пути выдающегося советского историка и показывает, на какой солидной основе скрупулезного филологического и историографического анализа возводились впоследствии ее исторические работы, поражающие широтой охвата проблем и смелостью обобщений.

В еще большей мере библиографической редкостью стала статья «Сирийская культура средних веков и ее историческое значение». Очерк содержит первую не только в советской, но и в мировой науке характеристику сирийской культуры средневековья и ее роли в общем процессе исторического и культурного развития человечества. Она поражает широтой охвата: и хронологического, включая весь период средневековья, и территориального, от Китая до Западной Европы, и разнообразием сюжетов.

Одновременно статья представляет собой необычайно разностороннюю и детально разработанную программу деятельности в области сириологии, рассчитанную на много лет. Вся последующая деятельность Н. В. Пигулевской посвящена разработке проблем, намеченных в данной статье. Здесь можно найти иногда довольно подробные, иногда выраженные лишь намеком истоки большей части последующих работ Н. В. Пигулевской — от кратких заметок, как например «Заметка об отношениях между Византией и гуннами в VI в.», публикуемая в настоящем сборнике, до важнейших монографий, как «Города Ирана в раннем средневековье» (1956 г.) и «Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв.» (1964 г.). Углубленному исследованию этих проблем Н. В. Пигулевская посвятила свою последнюю, итоговую монографию — «Культура сирийцев в средние века».

Впервые публикуемый на русском языке «Мартирий Кириака Иерусалимского», изданный в Париже в 1928 г., вновь вводит читателя в круг проблем взаимодействия различных литератур Ближнего Востока в раннем средневековье. Основываясь на рукописи Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. В. Пигулевская проводит сравнение сирийской, греческой и латинской версий памятника. Она убедительно показывает его греческое происхождение и изменения, которые он претерпел в сирийской среде, возвратившиеся впоследствии в греческие версии. Статья показывает роль агиографических сочинений и как важнейшего исторического источника, и как отдельного этапа в сложении художественной литературы.

Те же проблемы разрабатываются и в статье 1969 г. «Сирийский текст и греческий перевод мартирия Тарбо», опубликованной в сборнике, посвященном юбилею проф. Ф. Альхайма.

Вопросу о международных экономических и культурных связях посвящена статья «Об историческом значении надписи RES 4337», завершенная Н. В. Пигулевской в последний день жизни. Если «Шелковая дорога» дает постановку этих проблем в общем плане, на материале многих стран и периодов истории, то эта статья содержит анализ эпиграфического памятника, знаменитого южноарабского «торгового кодекса» из Тимна¹.

На конкретном материале Н. В. Пигулевская показывает организацию торговли и сбора пошлин в Южной Аравии и вводит это в широкий исторический контекст «пути благовоний», соединяющего Индию и Африку со странами Средиземноморья. Статья была подготовлена для сборника, посвященного юбилею проф. Велскопф, и на русском языке публикуется впервые.

Проблемам культурных отношений различных народов путем передачи религиозных идей посвящена «Заметка об отношениях между Византией и гуннами в VI в.».

Статья «Сиро-палестинские фрагменты псалмов 123—124», также впервые публикуемая на русском языке, дает подробное описание одной из ценнейших сирийских рукописей, хранящихся в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, особенно интересной в настоящее время, когда открытие кумранских документов вызвало усиленное внимание ученых к древним сирийским версиям сочинений христианского канона.

Состав сборника отражает многообразие научных интересов Н. В. Пигулевской и позволяет проследить ее творческий путь, ведущий от углубленного исследования исторического материала и методики историографического исследования источников к широким историческим обобщениям.

Сборнику предпослана первая в нашей литературе развернутая научная биография Н. В. Пигулевской, написанная ее коллегами и ближайшими учениками, и полная библиография ее работ.

Сборник подготовлен Византийской группой при Ленинградском отделении Института истории СССР АН СССР и Кабинетом Ближнего Востока при Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР. Основную работу по отбору статей и подготовке к публикации рукописей личного архива Н. В. Пигулевской провели Г. Л. Курбатов (ЛГУ), И. Н. Лебедева (БАН СССР), А. Г. Лундин и К. Б. Старкова (ЛЮ ИВАН СССР). В подготовке статей и их переводов на русский язык активно участвовали сотрудники Кабинета Ближнего Востока Е. Н. Мешерская, А. В. Пайкова, Р. Г. Рылова и И. Ш. Шифман.

НИНА ВИКТОРОВНА ПИГУЛЕВСКАЯ

Нина Викторовна Пигулевская (Стебницкая) родилась 14 (1) января 1894 г. в Петербурге в семье Виктора Иеронимовича и Софьи Христофоровны Стебницких. Род Стебницких дал русскому обществу выдающихся научных деятелей, в том числе академика П. Л. Капицу. Дед Нины Викторовны — Иероним Иванович Стебницкий — член-корреспондент Академии наук, был известным географом-топографом. Он особенно интересовался проблемой конфигурации Земли и оставил в этой и смежных областях видные исследования. Отец Нины Викторовны получил юридическое образование и выбрал профессию юрисконсульта, занимаясь в то же время историей юриспруденции с этнографическим уклоном: его научной специальностью являлось изучение обычного права у кавказских горцев, и в этой области он оставил ряд трудов.

Нина Викторовна выросла в большой и дружной семье. В возрасте 10 лет после начальной подготовки в школе О. П. Конради Нина Стебницкая поступила в частную женскую гимназию М. Н. Стоюниной, где учились ее старшие сестры. Эта гимназия славилась прекрасной постановкой учебного процесса, ее начальница стремилась привлечь к преподаванию в своем учебном заведении лучшие педагогические силы Петербурга и сама была видным педагогом-воспитателем. Преподаванию всеобщей и русской истории в школе уделялось особо большое внимание. Из стен этой гимназии вышли многие деятельницы русской и советской науки и культуры.

В 1909 г. семья Стебницких понесла тяжелую утрату: умер ее глава. Перед Н. В. встал ряд забот, связанных с ухудшением материального положения, в первую очередь забота о возможности продолжать образование. Нина Викторовна была вынуждена сочетать свои школьные занятия с частными уроками. Весной 1911 г. Н. В. Стебницкая кончила гимназию с золотой медалью. Уже имея сознательный план продолжения образования со специализацией в области истории, в последнем, VIII классе Нина Викторовна прошла факультативный курс латыни и за один год подготовилась за полный курс латинской словесности по программе мужской

гимназии. Осенью 1912 г. она с успехом поступила на историко-филологический факультет Высших женских (Бестужевских) курсов, единственного в России женского университета. Преподавание на курсах вели многие выдающиеся ученые того времени. Там читали специальные курсы и руководили семинарами такие историки и филологи, как И. М. Гревс (средневековая история), О. А. Добиаш-Рожественская (латинская письменность и палеография), Ф. Ф. Зелинский (античная история и словесность), И. Д. Андреев и А. В. Карташев (история церкви и идейных течений раннего средневековья).

В числе наиболее замечательных спецкурсов по группе всеобщей истории, где занималась Нина Викторовна, следует назвать занятия историей и экономикой средневекового города, которые вел на материале Италии И. М. Гревс.

После четырех лет обучения, прослушав общие курсы истории древности, средневековья и нового времени, Нина Викторовна выбрала в качестве более узкой специальности историю раннехристианской и византийской церкви. В этой редкой для женщины области она получила блестящую подготовку на кафедре И. Д. Андреева и после окончания курсов в 1918 г. была оставлена для приготовления к профессорской деятельности.

Помимо латыни, во время пребывания на курсах Н. В. серьезно изучила греческий язык как в античной форме, так и в форме, усвоенной византийской письменностью. Ее руководителем в занятиях языками была С. В. Меликова-Голстая. Поставив перед собой задачу изучения раннехристианской церкви с ее многообразными формами на разных этапах существования при противоречивых идейных течениях внутри нее, сочетавшихся с идейной борьбой с отживавшим язычеством и ранее сложившимися монотеистическими религиями на территории Ближнего Востока, Нина Викторовна поняла необходимость овладеть восточными языками, чтобы в подлиннике усвоить важнейшие для этой области знания источники. Глубокое изучение подлинных материалов в первую очередь требовало знания древнееврейского и сирийского языков, затем уже арабского и эфиопского. В то время единственным местом, где велось преподавание этих предметов на очень высоком уровне, был восточный факультет университета.

В 1918 г. Н. В. начала занятия восточными языками под руководством академика П. К. Коковцова. Элементарные курсы древнееврейского и сирийского языков она прослушала у М. Н. Соколова и А. П. Алявдина, но чтением памятников Библии с ней занимался П. К. Коковцов, у которого Нина Викторовна читала кн. Исаяи, Псалмы и кн. Иова, наиболее трудный текст всего библейского канона. Огромной эрудиции П. К. Коковцова, точности его филологического анализа и строгой доказательности выводов из наблюдений над источником Н. В. несомненно многим обязана и отразила это в своих работах.¹ С П. К. Коковцовым ее связывала дружба, длившаяся много лет до самой кончины последнего в блокадные дни Ленинграда (1 января 1942 г.).² Самоотверженной энергии Нины Викторовны в первую очередь советская семитология обязана сохранением архива с научным наследием П. К. Коковцова.³

На преобразованных восточном и филологическом факультетах университета, которые слились в 1920 г. в единый факультет общественных наук, преподавание семитологических дисциплин велось П. К. Коковцовым и И. Ю. Крачковским. В 1922 г. Нина Викторовна, окончив университет, продолжала регулярно заниматься чтением и анализом семитоязычных памятников. Так она изучала библейско-арамейский и палестинский диалекты арамейского языка, читая кн. Даниила и Таргум Онкелос.

Незаурядные успехи, достигнутые Н. В. в овладении научным методом анализа исторических и религиозных памятников как иудейских, так и христианских учений, показывает архив ее ранних работ. Среди докладов, статей, конспектов и подготовительных материалов для исследований выделяются три темы, связанные между собою идейным и фактическим содержанием, все они отражают исследование источников и социальных корней христианства в пору его зарождения: 1) апокрифические «Оды Соломона»; 2) проблема авторства Евангелия от Иоанна; 3) Иисус и «народ земли» ('am-ha'āreṣ) в Евангелии и апостольской проповеди. Названия этих проблем показывают, как серьезно Н. В. подходила к истории христианства, стремясь выяснить и определить кардинальные причины и следствия появления нового учения в недрах древнего иудейского общества, прошедшего к тому времени более чем тысячелетний путь развития. В работе над апокрифом «Оды Соломона» Н. В. намечает связь памятника с Евангелием от Иоанна, прослеживая общность идей обоих источников. Ее исследование сближает памятники во времени, устанавливая гораздо более раннее время возникновения Евангелия от Иоанна, чем тогда принято было думать.

Многие наблюдения Нины Викторовны подтверждаются теперь источниками, открытыми в пещерах Хирбет-Кумрана. При анализе авторства Евангелия от Иоанна Н. В. приходит к выводу о реальности изображения среды, исторических обстоятельств, в которых возник памятник. Отсюда вытекает ее заключение о том, что в основе памятник действительно принадлежит апостолу Иоанну. Помимо статьи, которая, по-видимому, представляла введение к «Одам Соломона», определяя их историю, место в апокрифической литературе, Нина Викторовна составила комментарий к ним, целиком основанный на филологическом исследовании греческого и сирийских псалмов, найденных и опубликованных Р. Гаррисом в 1909 г. Наибольшее внимание Н. В. уделила проблеме отношений между массой иудейского народа и привилегированным кругом книжников и фарисеев. Она использует все три основных исторических источника: Иосифа Флавия, Евангелие и Талмуд, вернее Мишну. В центре проблемы находится термин *'am-ha'āreš*, который Н. В. определяет как название основной массы сельского населения Палестины. В своем анализе источников автор приходит к заключению, что термин отражает взгляд фарисеев на трудовую часть иудейского общества. Она показывает социальные корни идейной основы проповеди Иисуса и близость последней к подлинным воззрениям большей части сельского населения Иудеи и Галилеи. Личность Иисуса в Евангелии отразила основные противоречия между интересами господствующей группы и массы народа, критически к ней настроенной.

В двадцатые годы Н. В., естественно, еще не сложилась как историк-марксист. Однако ее ранние работы поражают умением выявить в источниках отражение важнейших социальных явлений. Многие тезисы этих исследований вызывают в настоящее время особый интерес в связи с возросшим вниманием к идеологии иудейского и эллинистического общества Палестины вследствие открытия рукописей Мертвого моря.

Первое время Н. В. подписывала свои работы двойной фамилией, но с 1923 г. известна как Н. В. Пигулевская (в 1918 г. она вышла замуж за Г. В. Пигулевского, специалиста в области органической химии, в дальнейшем профессора Ленинградского государственного университета). Ее первая печатная работа целиком гебраистического характера и явно отражает результат занятий с П. К. Коковцовым. Это небольшая научно-популярная статья «Восток и евреи в книге Исаяи», опубликованная в журнале «Восток», в последнем выпуске серии, где востоковеды нашей страны знакомили широкого читателя и специалистов с результатами исследования истории и культуры Востока и с образцами лучших памятников литературы всех стран и народов Востока. Статья Н. В. насыщена стихами Исаяи в ее собственном переводе высокого достоинства. Очерк посвящен внешней и внутренней политике Иудеи и дает обзор ее международного положения в первой половине VIII в. до н. э. Автор показала интерес Исаяи к социальной жизни своего народа, окружающих стран, в первую очередь Египта. Статья вызвала интерес, потому что здесь Н. В. одна из первых в советском востоковедении связывает идейное направление пророческой проповеди с крупнейшими социально-экономическими изменениями в жизни маленького восточного государства.

Уже тогда Н. В. Пигулевская совмещала интенсивную научную работу с общественной. В конце 1918 г. Петроградский райсовет поручил ей организовать школу грамоты при писчебумажной и переплетной фабрике «Светоч». Нина Викторовна с честью выполняла поручение и в течение нескольких лет вела занятия в группе, состоявшей из 30 человек, большей частью женщин-работниц.

Еще до окончания университета Н. В. поступила в Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки на должность хранителя восточных рукописей.

Научная деятельность Н. В. Пигулевской как сиролога началась в стенах Публичной библиотеки с изучения и описания сирийских рукописей. Первой опубликованной сирологической работой была статья «О сирийской рукописи „Церковной истории" Евсевия Кесарийского в Российской Публичной библиотеке» (1926 г.), посвященная описанию и анализу одной из древнейших датированных сирийских рукописей. С этого времени и до конца жизни Н. В. увлеченно и плодотворно работала в этой области, впервые показав сирийскую культуру во всем ее объеме и многообразии. Сирийские хроники и истории, легенды и агиографы, алхимия и медицина, юридические памятники и деловые документы, путевые заметки и статуты Академии — нет ни одной сферы культурной деятельности сирийцев, на которой Нина Викторовна не остановила бы своего внимания, ни одного сколько-нибудь значительного явления, которое не нашло бы отражения в ее многочисленных работах. Целое созвездие ярких представителей сирийской образованности встает со страниц, написанных пером исследователя: врач Сергей

Решайнский и лексикограф Хунейн ибн Исхак, безвестный летописец Иешу Стилит и блестящий ученый-энциклопедист Бар Эбрей, историки, агиографы, переводчики, учителя сирийской школы и деятели церкви.

В самом начале творческого пути Н. В. Пигулевской посчастливилось сделать открытие, о котором она всегда вспоминала с большим волнением. В VII в. один из видных епископов и писателей несторианской церкви Мартириус Сахдона был лишен сана. Почти все его сочинения были утеряны, и только в уникальной Страсбургской рукописи сохранились «Книга совершенной жизни», пять писем и советы мудрости, однако и они обрывались на середине шестого изречения, и вряд ли можно было ожидать, что когда-нибудь отыщутся недостающие страницы. В 1926 г. на заседании Коллегии востоковедов Н. В. Пигулевская выступила с сообщением о том, что в Публичной библиотеке находятся два пергаментных листа, которые, как ею было установлено, являются концом Страсбургской рукописи. В следующем году это сообщение было опубликовано в «Oriens christianus», а в 1928 г. появилась статья «Жизнь Сахдоны», повествующая о жизненном пути этого ученого и выдающегося общественного деятеля того времени.

Говоря о том, что Нине Викторовне выпало счастье сделать такую находку, мы вовсе не имеем в виду элемента какой-то случайности: это был закономерный результат серьезных, углубленных штудий молодого ученого, которому предстояло еще не раз пережить волнение и большую радость новых открытий.

В 1927 г. на заседании Общества древней письменности Н. В. Пигулевская выступила с докладом о филигранях сирийских рукописей, который впоследствии был опубликован в виде статьи с одноименным названием. Тщательное изучение сирийских рукописей, в частности материала, служившего для письма, привело ее к выводу, что метод датировки с помощью водяных знаков, который использовался для датировки русских, славянских и других рукописей, может быть с успехом применен и при исследовании восточных (сирийских, арабских, персидских) рукописных памятников. Эта статья, содержащая приложение с перечнем датированных сирийских рукописей и указанием филиграней бумаги, на которой они написаны, может служить ценным пособием для палеографического исследования и датировки ближневосточных рукописных текстов.

С 1936 г. Н. В. Пигулевская работает в Библиотеке им. М. Горького при Ленинградском университете и одновременно продолжает знакомство с собранием сирийских рукописей Института востоковедения АН СССР. Еще в июне 1935 г. на заседании Рукописного отдела института она прочитала доклад, посвященный трем фрагментам, написанным сирийскими буквами и найденным экспедицией Русского археологического общества во время раскопок 1908—1909 гг. в Хара-Хото. Материал этот позднее был опубликован.

Изданные Н. В. Пигулевской фрагменты интересны тем, что это единственные известные нам рукописи, где на одном и том же листе сирийский текст написан как в горизонтальном, так и в вертикальном направлениях. Фрагменты сирийской рукописи из Хара-Хото являются последним и бесспорным, как показала Н. В., свидетельством того, что сирийцы не только писали, но и читали в вертикальном направлении.⁴

Успехи исследований Н. В. Пигулевской были отмечены присуждением ей 14 апреля 1938 г. по представлению академиков П. К. Коковцова и И. Ю. Крачковского ученой степени кандидата филологических наук без защиты диссертации.

Ко времени работы Нины Викторовны в Библиотеке им. М. Горького относится публикация статьи «Сирийская алхимическая литература средневековья» (1936 г.), положившей начало серии исследований в области научной и культурной деятельности сирийцев. В них Нина Викторовна ставила две основные задачи: дать характеристику этой самобытной культуры и раскрыть причины ее столь широкого распространения от «вечного города» Рима до границ «Небесной империи». Еще в XIX в. о сирийской литературе существовало предвзятое мнение как о малозначительной и однообразной, а о сирийцах — как о людях посредственных, «не блиставших ни в военном деле, ни в науках, ни в искусстве».⁵

Начиная с первой своей работы, посвященной сирийской науке, и затем во всех последующих Н. В. Пигулевская показывает несостоятельность этого суждения.

Сирийцы переводили как с греческого, так и с пехлеви. К числу этих переводов относятся сочинения отцов церкви и агиографические тексты, философские трактаты Аристотеля и Платона, медицинские своды Галена и Гиппократы, а также произведения собственно литературные, как «Илиада» и «Одиссея», басни Эзопа, изречения Менандра, «Калила и Димна» и др.

Сирийские переводы сохранили ряд греческих и персидских сочинений, подлинники которых до нас не дошли. Познакомившись с достижениями греческой науки, сирийцы передали свои знания арабам, а через арабов эти знания пришли на Запад. Если бы роль сирийцев состояла в одном лишь посредничестве, то и тогда ее можно было бы оценить как значительный вклад в историю мировой культуры. Однако они создали свою самобытную культуру, которая была всесторонне исследована и освещена в работах Н. В. Пигулевской.

Ее первой обобщающей работой в этой области, открывшей перспективы новых исследований, стала опубликованная в 1941 г. статья «Сирийская культура средних веков и ее историческое значение». Большое внимание она уделяла научным, особенно историческим, сочинениям сирийцев, в которых содержатся сведения по истории различных стран и областей — Междуречья, Ирана, Закавказья, Средиземноморского бассейна, Аравийского полуострова, Средней Азии, Индии и Дальнего Востока. Н. В. Пигулевской переведены и детально исследованы хроники Иешу Стилита, части хроник Иоанна Эфесского, Захарии Митиленского и Михаила Сирийца, Эдесская хроника VI в., хроника 1234 г. и др. Подчеркивая значение сирийских хроник, Нина Викторовна отмечает, что сведения, приводимые ими, подчас уникальны, так как византийские источники соответствующего периода сосредоточены на жизни столицы и приводят, как правило, официальную дворцовую версию, для арабов же характерна оценка событий с точки зрения отношений, сложившихся в халифате. Сирийские источники лишены особой тенденциозности, авторы их сообщают факты, очевидцами которых были сами, приводят рассказы современников со множеством ярких, живых подробностей, которые отсутствуют в сочинениях официальных историков.

Нина Викторовна показала значение сирийских источников для истории нашей страны, в частности среднеазиатских и прикаспийских областей, граничивших с Ираном, а также областей Кавказа и Закавказья, особенно Армении, торговые связи которой с сирийцами сложились в глубокой древности. Важность этой группы источников становится ясной, если принять во внимание крайне ограниченное число исторических памятников на среднеперсидском языке империи Сасанидов и тот факт, что армянские источники подвергались многократным переработкам и были интерполированы.

Этой теме посвящены работы Н. В. Пигулевской «Сирийский источник VI в. о народах Кавказа» (1939 г.). «Авары и славяне в сирийской историографии» (1941 г.) и обобщающее исследование «Сирийские источники по истории народов СССР» (1941 г.).

Конец 30-х годов был переломным периодом в исследовательской биографии Н. В. Пигулевской. Многолетнее изучение рукописного наследия греко-сиро-арабских источников сделало из нее блестящего источниковеда, известного исследователя и публикатора многих важных в научном отношении и впервые оцененных ею памятников. Н. В. Пигулевская сложилась к этому времени и как специалист, в полной мере овладевший методикой не только чисто филологического, но и комплексного историко-филологического исследования. Всестороннее изучение источников позволило ученому накопить богатейший фактический материал для широких исторических исследований, привлечь к решению важнейших исторических проблем данные и источники, до тех пор не привлекавшие должного внимания.

1938—1939 годы были временем перехода Н. В. Пигулевской к широкой исторической, общей ближневосточной проблематике. Можно говорить о рождении именно в эти годы Н. В. Пигулевской как специалиста по истории Ближнего Востока. История сирийцев и арабов, Ирана и Византии, их взаимоотношений, всей системы международных отношений на Ближнем Востоке от эллинистической эпохи до раннего средневековья оказывается в круге научных интересов ученого. В эти годы Н. В. окончательно складывается и как историк Ирана, и как византист со своим чрезвычайно широким и глубоко оригинальным кругом научных интересов.

Немалую роль в переходе Н. В. Пигулевской к широким историческим исследованиям сыграло и начало в эти годы ее преподавательской деятельности в Ленинградском государственном университете на восточном факультете. Нина Викторовна оказалась блестящим педагогом и наставником начинающих. Она обладала не только даром увлечь своих слушателей, донести до них неповторимый аромат источника, живое ощущение атмосферы эпохи, которое закладывало отчетливые представления о том, что и как могло быть в эту эпоху, в этих исторических условиях, какие связи были для нее доминирующими и определяющими и без понимания и учета которых нельзя правильно оценить место и роль любого исторического явления. Это чувство эпохи, умение передать его слушателям делало лекции и занятия Нины Викторов-

ны и своеобразными, и увлекательными. Они исподволь прививали чувство историзма, без которого всякая история становится логической схемой, «умственной конструкцией».

Не удивительно, что Н. В. Пигулевская оказалась в числе тех ученых, блестящих исследователей, которые, внося собственный вклад в науку, создали и свою школу. Круг ее учеников постоянно расширялся. И диапазон ее научных интересов, и душевная щедрость побуждали ее не жалеть времени на помощь научной молодежи.

В предлагаемом читателю сборнике публикуется едва ли не самая ранняя статья Н. В., посвященная судьбам античности на Ближнем Востоке, «Месопотамия в эллинистическую и парфянскую эпохи», где выражены ее представления о специфике развития ближневосточных областей.

С 1939 г. Н. В. Пигулевская, кроме специальных курсов и занятий по сириологии, стала читать обобщающие курсы. Первым из них был «Передняя Азия в IV—VII вв. н. э.», где в сравнительном аспекте рассмотрена история Византии и Ирана, развития их взаимоотношений. Это было и первое ее византиноведческое исследование.

В том же году за завершенное крупное историческое исследование «Месопотамия на рубеже V—VI вв.» Н. В. Пигулевской было присвоено звание доктора исторических наук. Изданное в 1940 г., оно явилось новым этапом в изучении этого периода, позволившем по-новому осмыслить ряд важнейших социальных явлений в жизни Ближнего Востока и ранней Византии. Используя неизученный ранее материал, который содержала хроника Иешу Стилита, Н. В. Пигулевская дала последовательный исторический и экономический очерк Месопотамии, раскрыла систему социальных отношений в ней, систему налогообложения и управления. В плане византиноведческом это был первый подступ Н. В. Пигулевской к коренным проблемам социально-экономической истории Византии. В этой работе были рассмотрены и характер аграрных отношений на рубеже V—VI вв., роль общины, поместья, различных категорий землевладельцев и землевладения, специфичных для восточных областей Византии. По существу в этой работе впервые в историографии были по-марксистски поставлены и проблемы специфики развития ранневизантийского города, его преемственности с античным и эллинистическим городом, состояния и развития ремесла, торговли, налоговой политики в конце V—начале VI в. Можно с полным основанием утверждать, что Н. В. Пигулевская положила начало глубокому изучению экономики и развития социально-политических отношений в ранне-византийском городе.

От этой работы тянутся многие нити к последующим широким исследованиям Н. В. Пигулевской по истории Византии и Ирана в VI—VII вв. Н. В. стала постепенно раскрывать последовательную картину развития отношений и взаимодействия Византии и ее могущественнейшего соседа на Востоке. И если говорить о вкладе Н. В. в предвоенное развитие советской византистики, то необходимо должным образом оценить то, что она привлекла к изучению важнейших проблем истории Византии и Ирана весь комплекс сирозычных источников.

Исследование последних углубило изучение политики Ирана и Византии на Кавказе, в Причерноморье, а позднее и в Эфиопии. Результатом этого исследования явилась, в частности, уже упоминавшаяся публикация Н. В. Пигулевской «Сирийские источники по истории народов СССР», положившая начало также ее последовательным изысканиям и в области византийско-славянских отношений. Труды Н. В., посвященные этим сюжетам, явились новым шагом на пути изучения «этнической» карты Ближнего Востока. В центре ее внимания находились взаимоотношения Византии и Ирана с кочевыми племенами. Отсюда берет начало изучение политики Византии в отдаленных областях Востока, ее торговых интересов и связей — это первые шаги Н. В. к «Византии на путях в Индию» и проблемам «шелкового пути».

В 1941 г. выходит ее работа «Оборона городов Месопотамии в VI в.», примечательная тем, что в ней Н. В. впервые обратилась к изучению города-крепости и организации обороны городов, в известной степени предварив теорию Э. Кирстена о «городах-крепостях» постюстиниановской Византии. Тем самым Н. В. Пигулевская не только расширила представления о ранневизантийском городе, роли государственной и военной организации в его жизни в ранневизантийский период, но и смогла в дальнейшем глубже вскрыть картину внутренних отношений и внутренней борьбы в городе восточных провинций в эпоху иранских вторжений и арабских завоеваний.

Энергия и большие организаторские способности Н. В. в полной мере проявились во время Великой Отечественной войны на посту заместителя директора Института востоковед-

ния АН СССР. В годы блокады Ленинграда ее инициатива, глубокая преданность своему делу сыграли немалую роль в организации работ по спасению и сохранению рукописных богатств института.

Годы войны были для Н. В. Пигулевской и временем продолжения исследовательской работы, и временем своего рода подведения итогов проделанного, и временем создания новой программы. Эта программа была развернута ею в докладе «Византия и Восток», прочитанном на сессии Отделения истории и философии АН СССР 5—6 мая 1944 г. в Москве. Здесь Н. В. Пигулевская ставила широкие задачи осмысления места и роли Византии во всемирной истории, ее положения между Западом и Востоком, своеобразия и неповторимости ее истории и культуры — с одной стороны, и ее влияния на развитие Востока и Запада — с другой. «Византия выросла на наследии, оставленном ей латинским Римом и эллинистическими монархиями», — таков был исходный тезис, лежавший в основе представлений Н. В. о Византии. В то же время она отмечала и восточный характер Византии. В докладе впервые были широко и последовательно проанализированы важнейшие формы и типы связей Византии с Востоком, реально раскрыто марксистское понимание понятия «Христианский Восток», показано сходство многих форм общественных отношений и институтов, нарисованы реальные перспективы дальнейшего изучения основных общественных институтов Византии и Ближнего Востока. Нина Викторовна убедительно продемонстрировала это на материале «Сирийского законника»⁶ и показала, какое научное значение имеет изучение сирийской литературы для выяснения важнейших вопросов истории Византии и ближневосточных стран. Для раннесредневекового периода «характеристика общественных отношений граничивших с Византией народов и государств часто оказывается возможной лишь на основании византийских источников».⁷

В докладе были поставлены и проблемы роли и значения византийской культуры, значения сирийской культуры для изучения распространения античного наследия и византийских влияний. «По своему положению и значимости, — говорила Н. В. Пигулевская, — Византия должна занимать центральное место в истории средневековья, будучи востоком для латинского Запада и западом для Ближнего и Дальнего Востока».⁸

Намеченную программу исследований Н. В. Пигулевская осуществляла очень энергично, привлекая к разработке и начинающих ученых.

В годы войны Н. В. Пигулевская интенсивно работает над проблемами развития взаимоотношений раннесредневекового Ирана и Византии.⁹

В 1944 г. она возвращается в Ленинград, где читает в университете курсы по истории средневекового Востока, активно включается в деятельность византийской группы, возглавляет созданный ею Кабинет Ближнего Востока Института востоковедения АН СССР, становится непременным участником всех византиноведческих сессий Отделения истории и философии АН СССР.

Послевоенный период — время расцвета творческой активности Н. В., появления фундаментальных монографий, составляющих единый комплекс исследований по истории раннесредневекового Ближнего Востока и Византии, преподавательской и организаторской деятельности.

Н. В. Пигулевская ведет большую работу на кафедре истории стран Ближнего Востока и на историческом факультете. В 1945 г. ее усилиями (совместно с М. В. Левченко и О. Л. Вайнштейном) в Ленинградском университете была создана кафедра византиноведения и развернута продуманная программа подготовки специалистов в этой области.¹⁰

В 1946 г. выходит завершающий цикл ее предвоенных и военного времени исследований труд «Византия и Иран на рубеже VI и VII вв.». В книге была дана широкая характеристика социально-экономического развития Византии в VI в., обращено внимание на острый социально-политический кризис в конце VI—начале VII в. Изучение его проявлений привело Н. В. к выводу, что окончательный перелом в развитии Византии в направлении формирования феодальных отношений происходит именно в этот период. Н. В. Пигулевская подробно рассматривает вопросы развития и организации ремесла и торговли в Византии, положения торговоремесленного населения, большое внимание уделяет проблемам борьбы партий, выяснению ее социально-политического значения.¹¹ Н. В. не только «синхронно» и взаимосвязанно показала развитие Византии и Ирана в VI в., сходное и различное в их социально-экономической эволюции, состояние глубокого кризиса, связанного с изживанием старых, ушедших в прошлое отношений, но и те в конечном счете ими определявшиеся обстоятельства, которые обусловили ослабление Византии, временный успех иранских вторжений, а затем и быструю утрату ими

своих завоеваний, причины разгрома Ирана арабами.

За эту работу и всю совокупность предшествующих исследований Н. В. Пигулевская в 1946 г. была избрана членом-корреспондентом АН СССР и в том же году стала профессором Ленинградского университета.

В послевоенные годы Н. В. активно включается в изучение основных проблем истории Византии. Она обогатила советское византиноведение тем, что ввела в него целый комплекс сирязычных и восточных источников. Она немало сделала и для подготовки молодых кадров в университете, тесно связав византиноведение с ориенталистикой. Н. В. Пигулевская не только читала лекции по истории Ближнего Востока, Византии и Ирана, но и принимала активное участие в составлении первого советского учебного пособия по истории Византии¹² и коллективного труда по истории Ирана.¹³

С 1947 г. Н. В. Пигулевская становится неперенным членом редколлегии «Византийского временника». С этого времени появляется серия ее работ по проблемам товарного производства, ремесла и торговли, состояния товарно-денежных отношений и международным торговым связям Византии.¹⁴ Эти работы Н. В. были неразрывно связаны с изучением уровня общественно-экономического развития соседних с Византией народов — химьяритов, эфиопов и т. д. В результате стала складываться общая картина экономических отношений, общественного развития на всем Ближнем Востоке.

Исследовав экономическое состояние ранней Византии, ее ремесла и торговли, Н. В. показала ее реальные возможности и потребности, внутренние основы положения и значения Византии на международных торговых путях. Изучение состояния торговли в сопредельных с Византией странах позволило Н. В. составить реальную картину, выявить все звенья системы торговых связей от Китая, Индии до Эфиопии. Так родилась новая монография Н. В. «Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV—VI вв.». Изучение социально-экономической истории Ближнего Востока в рамках общих закономерностей мировой истории поставило в центр внимания исследователя главный момент, отличавший Восточно-римскую империю от Западноримской: наличие сильно развитой торговли, игравшей важную роль в экономике и политике всех государств Ближнего Востока.

Подробный анализ торговых отношений ранней Византийской империи, организации торговли, характера товаров, значения торговли основывался на детальном рассмотрении ряда малоизученных греческих, латинских и особенно сирийских источников. При этом автору удалось доказать сирийское происхождение ряда сочинений, сохранившихся только на греческом или латинском языках.

Н. В. Пигулевская подробно изучила морские и сухопутные торговые пути в Китай и особенно в Индию, игравшую первостепенную роль в торговле стран Средиземноморья. Впервые история этих отдаленных стран была столь органически связана с историей Византии, с ее политическими и социальными событиями. Всесторонне исследуя эти вопросы, Н. В. Пигулевская подробно осветила также представления этой эпохи о земле и вселенной, выделив в них два направления: ученое, связанное с традицией эллинистической науки, и «популярное», бытовавшее в торгово-ремесленных кругах и жестко связанное с библейской традицией.

Особое место в книге заняла глава «Перепутье», посвященная роли Южной Аравии и Эфиопии в международной торговле III—VI вв. Н. В. соединила данные южноарабских эпиграфических памятников и греко-сирийских агиографических сочинений, что позволило ей нарисовать живую картину жизни Южной Аравии в VI в. и дать глубокое исследование социальных отношений. Оригинальным было привлечение «Книги химьяритов» — уникального сирийского памятника VI в., который с тех пор стал важнейшим источником по истории Южной Аравии этого периода. Н. В. Пигулевская вышла за пределы обычного эллинистическо-римского культурного ареала и привлекла материал обществ с независимым параллельным путем развития. Таким образом, тезис о единстве процесса исторического развития человечества получил весьма серьезную аргументацию, еще недостаточно оцененную в общеисторической литературе.

Изучение торговли усилило внимание автора к проблеме города; особенно интересно исследование Н. В. Пигулевской социальных отношений в Неджране, первом из городов Аравии, привлечшем внимание ученых.

Монография «Византия на путях в Индию» оказала огромное влияние на дальнейшее развитие науки. Она вызвала к жизни серию специальных исследований источников, важность которых была продемонстрирована в работе,¹⁵ а также последующую разработку ряда про-

блем, поставленных автором.¹⁶ Этот поток работ не прекращается до сих пор; однако монография Н. В. Пигулевской не потеряла своего значения, о чем свидетельствует появление немецкого перевода почти через 20 лет после первой публикации.¹⁷ Книга показала не только роль Византии в международной торговле с Востоком, но и значимость международной торговли для экономики Византии. Она подвела своего рода экономический «фундамент» и под внешней политикой Византии на Востоке, обнажив ее подосновы.

Именно в эти годы выходят многочисленные обобщающие статьи Н. В. Пигулевской, касающиеся формационной принадлежности и характера ближневосточного общества (например, «К вопросу о разложении рабовладельческой формации на Ближнем Востоке», «Проблемы распада рабовладельческого общества и формирования феодальных отношений на Ближнем Востоке», «Зарождение феодальных отношений на Ближнем Востоке»). Ее исследования сосредоточились на истории перехода от рабовладельческой системы хозяйства к феодальной на всей территории Ближнего Востока — наиболее экономически развитой области мира в тот исторический период.

Труды Н. В. Пигулевской отличает решительный отказ от «европоцентристской» точки зрения на историю, отказ не декларативный, что еще часто встречается в работах, ограниченных кругом греко-латинских источников, а глубоко органичный, поскольку в центр исследования ставятся и источники на восточных языках, в первую очередь сирийские, а также арабские и среднеперсидские.

История взаимоотношений арабов с Ираном и Византией, предыстория арабских завоеваний закономерно вытекали из изучения Н. В. взаимоотношений Византии и Ирана. И не случайно вслед за появлением «Византии и Ирана» выходит статья, как бы намечающая «приступ» к новой теме — «К вопросу об общественных отношениях на Ближнем Востоке перед арабским завоеванием».

Другая линия интересов вела Н. В. Пигулевскую к проблемам города, специфике его развития на Ближнем Востоке. Уже с конца 30-х годов развитие сирийского города позднеантичного и раннесредневекового периодов занимает видное место в исследованиях Нины Викторовны. В послевоенные годы она впервые поставила на материале Месопотамии и других областей проблемы исторической преемственности в развитии города от доэллинистического к эллинистическому и далее к римскому и раннесредневековому.¹⁸ Она раскрыла взаимодействие местных черт городской организации и политических форм, привнесенных греками, при возникновении характерной для эллинизма полисной структуры. Теоретическое значение имели выводы Н. В. Пигулевской, что полисный строй возникает на базе спонтанного внутреннего развития и там, где греческое влияние практически отсутствовало или было крайне незначительным. Полисный строй, следовательно, не был специфически греческим явлением, а его появление не обязательно обуславливается воздействием эллинской цивилизации. На этой основе Н. В. подошла и к изучению дальнейшего развития ближневосточного города.

Истории города в поздней античности и раннем средневековье посвящена монография Н. В. Пигулевской «Города Ирана в раннем средневековье» (1956 г.). Здесь предметом исследования стали города сасанидского Ирана. Обширный раздел, посвященный городу эллинистического и парфянского времени, создал исследованию надежную базу.

Работа Н. В. Пигулевской показала единство исторического развития всего Ближнего Востока в раннем средневековье, единый характер социальных процессов на этой территории и всю условность традиционных границ между «Востоком» и «Западом». Обширный конкретно-исторический материал, выявленный и интерпретированный автором, наглядно продемонстрировал, что различия в ходе исторического развития определяются не культурно-историческими, а социально-экономическими условиями. Разные пути сложения феодального общества определялись не границей между Римско-Византийской империей и парфянским и сасанидским Ираном, не принадлежностью к разным «культурным ареалам», а разницей между натуральным хозяйством, преобладавшим в Европе, и сохранением и дальнейшим развитием торговых отношений и ремесленного производства на Ближнем Востоке.

Этот вывод важен для истории смены экономических формаций потому, что в период раннего средневековья Иран и Византия сохранили и упрочили свое положение наиболее развитых экономически, социально и культурно стран мира.

Как и другие работы Н. В. Пигулевской, монография «Города Ирана...» отличается привлечением большого числа малоизученных и недооцененных исторических источников. Из памятников сирийской письменности следует выделить местные хроники отдельных городов,

например хронику Адиабены и историю города Карка де бет Селох, а также агиологические памятники, рисующие живую картину повседневной жизни разных слоев населения, в том числе и низших социальных слоев, весьма редко попадающих в поле зрения обычных исторических сочинений.

Особенно плодотворным оказалось исследование юридических памятников сасанидского Ирана: сирийского юридического сборника Ишобохта и в связи с ним пехлевийского судебного «Матикан-и хазар датастан». Н. В. Пигулевская впервые привлекла эти ценнейшие памятники к историческому исследованию и приложила много трудов, чтобы ввести их в научный оборот, посвятив им, в частности, свои доклады на XXIII и XXIV Международных конгрессах востоковедов в Кембридже и Мюнхене.¹⁹ Необходимо выделить также детальное исследование маздакитского движения, его социального характера, классовых сил и идеологических корней. Всестороннее изучение этого крупнейшего народного движения в сасанидском Иране позволило Н. В. Пигулевской охарактеризовать его как движение, направленное против феодального подчинения крестьянских общин. Эта оценка оказала сильное влияние на последующие работы, посвященные маздакизму.

Влияние монографии «Города Ирана...» на дальнейшее развитие науки было едва ли не более сильным, чем предыдущей, чему в немалой степени способствовало появление французского перевода.²⁰ Книга стимулировала исследования взаимоотношений Парфии и Рима,²¹ маздакитского движения,²² повышение интереса к социальной истории сасанидского Ирана и идеологических движений в Иране.²³ Особенно сильный толчок работа Н. В. Пигулевской дала исследованию юридических памятников.²⁴

«Города Ирана...» имели большое значение и для советского византиноведения. И не только потому, что в этой книге систематически прослеживалось развитие городов крупнейшего восточного соседа, торгового партнера и соперника Византии IV—VI вв. В обширном вводном разделе монографии были обобщены основные особенности развития греко-восточного города I—III вв., чрезвычайно важные и для уяснения специфики развития византийского. Исследование Н. В. организации ремесла и торговли, торгово-ремесленных объединений, форм общественно-политической жизни иранских городов IV—VI вв. позволили выявить как известные общие черты, так и существенные различия в развитии городов Византии и Ирана.

Занимаясь этими проблемами, Н. В. Пигулевская пришла и к изучению внутреннего развития византийского города. В конце 40-х—начале 50-х годов советское византиноведение особое внимание уделяло истории города, поскольку ее разработка намного отставала от изучения аграрных отношений.²⁵

Н. В. Пигулевская внесла большой вклад в изучение ранневизантийского города как центра товарного производства — производства на широкий международный «рынок» и, опираясь на весь сравнительный ближневосточный материал, в изучение развития византийского города в эпоху перехода от поздней античности к раннему феодализму.

Публикации и исследования Эдесской хроники и других источников по истории развития городов Византии были продолжением серии работ Н. В., непосредственно подводивших ее к проблеме «деревня и город» в Византии. Представления Н. В. Пигулевской о внутреннем развитии ранневизантийского города, сохранявшего мощные античные и эллинистические традиции в своей социальной и политической жизни, были суммированы ею в первой части коллективного доклада делегации советских ученых «Город и деревня в Византии в IV—XII вв.», представленного XII Международному конгрессу византиноведения в 1961 г. Ближневосточный город продолжал оставаться в центре внимания Н. В. до последних лет жизни. С обобщающим докладом «Город Ближнего Востока в раннем средневековье» Н. В. Пигулевская выступила в 1968 г. на посвященной городу сессии «Спорные вопросы истории античного и средневекового города» Научного совета по проблемам закономерностей исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой. Н. В. Пигулевская оказала немалое влияние на формирование и развитие интереса к истории города у своих учеников и младших коллег (О. Г. Большаков, Г. Л. Курбатов, И. Ш. Шифман и др.).

После выхода в свет «Городов Ирана...» ведущей исследовательской темой Н. В. Пигулевской становится история арабов, история арабских племен «между Византией и Ираном». К изучению их истории и истории взаимоотношений с Византией Н. В. привлекла весь комплекс византийских источников. Уже в 1960 г. она выступает на XXV Международном конгрессе востоковедов с докладом «Арабы у границ Византии в IV в.». Этот доклад положил начало серии исследований, объединенных затем в новой монографии «Арабы у границ Византии и

Ирана в IV—VI вв.». Автор максимально широко привлекла данные византийских источников для выяснения развития общественных отношений, общественного строя арабов, характера их связи с Византией. Эта работа не только восполнила пробел нашей историографии в изучении доисламского периода истории арабов — пробел, который и в мировой историографии не был восполнен послевоенными статьями А. А. Васильева и др. Н. В. вскрыла причины и предпосылки арабского завоевания восточных провинций, многообразные связи, его подготовившие и облегчившие, от экономических до идеологических. Особенно интересными являются разделы, посвященные христианизации арабов и роли арабов-христиан. В монографии были выяснены значение арабов как самостоятельной силы на Ближнем Востоке в эпоху, предшествующую созданию ислама, их участие в жизни великих держав, уровень их социального и культурного развития. В этой работе были подведены итоги почти тридцатилетних исследований.²⁶

Посвященная теме, неоднократно привлекавшей внимание ученых,²⁷ книга Н. В. Пигулевской оказалась подлинно новаторской уже по самой постановке проблемы. Автор не замыкается в рамках Аравии, как это делали многочисленные исследователи-арабисты, рассматривавшие историю арабских племен и государств лишь как предысторию ислама, и не ограничивается историей «буферных государств» Лахмидов и Гассанидов как простых придатков к истории Ирана и Византии. Н. В. Пигулевская рассматривает историю арабов в IV—VI вв., охватывая всю территорию Аравии — от Йемена до Сирии, в неразрывной связи с историей великих держав — как «третью силу на Ближнем Востоке».²⁸

И эта книга вводит в научный оборот значительный круг новых источников; среди них следует выделить сирийские и греческие агиографические сочинения, дающие ценнейшие сведения о внутренней жизни арабских племен, описания их становищ и перекочевков, празднеств и бедствий, данные о социальном строе и культурной жизни. Большое место занял и южно-арабский эпиграфический материал, впервые привлеченный для изучения общественного строя Аравии.

Особое внимание уделено социальному строю Аравии в его взаимосвязи с экономическим развитием всего Ближнего Востока. Н. В. Пигулевская показала, что «так называемой магометанской революции предшествовали глубокие социальные сдвиги в обеих великих державах Передней Азии».²⁹ В Аравии на протяжении IV—VI вв. также совершались весьма существенные изменения: проходил процесс образования классов, усиливалось социальное расслоение, что создавало необходимые предпосылки для нового этапа развития общества. Исследование Н. В. наглядно продемонстрировало взаимосвязь этих процессов.

Весьма существенно и выявление культурного воздействия Византии и Ирана на арабские кочевые и полукочевые племена. Христианизация части арабов становилась формой политического сближения с ними не только Византии, но и Ирана; в западных областях, в сфере влияния Византии, христианство было монофизитским, как и в восточных провинциях империи; в Междуречье распространялось несторианство, допускавшееся и в Иране.

Общественное развитие арабов достигло того уровня, когда отчетливо проявилась потребность в религии надплеменного характера для консолидации разрозненных племен. Однако христианство, разделенное на ветви, слишком связанные с различными внешними политическими силами, не могло выполнить этой функции. Мусульманство отвечало и этой потребности, и уровню культурного развития арабских племен.

Различные аспекты доисламской истории арабов были освещены Н. В. Пигулевской в докладах на XI Международном конгрессе византинистов в Мюнхене и на XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве и получили международный резонанс.³⁰ Монография «Арабы у границ Византии и Ирана» завершила исследование возникновения и становления феодальных отношений на Ближнем Востоке. Она на многие годы останется незаменимым источником идей и материалов для всех исследователей данной проблемы.

Это была еще одна фундаментальная работа, освещавшая восточные связи и положение на восточных границах Византии в канун арабских завоеваний. Интересы Н. В. теперь все более решительно переносились за грань VI—VII вв., к изучению «темных веков» византийской истории и всей эпопеи арабо-византийских отношений VII в.

Названные исследования Н. В. Пигулевской убедительно раскрывают ее метод, стиль, присущее ей умение, казалось бы, из несущественного, второстепенного источника извлечь принципиально важные выводы, а на основании серии таких исследований дать широкую, яркую и убедительную картину развития общества. Все обобщающие работы Н. В. привлекают к себе внимание не только свежестью постановки проблем и вопросов, но и конкретностью, оби-

лием вновь привлеченного или заново интерпретированного материала.

Н. В. Пигулевская была неутомимым искателем новых источников, и ее выводы и труды неразрывно связаны с огромной и кропотливой работой над рукописями и анализом их ценности как исторических источников.

Раскрытие рукописных сокровищ, хранящихся в собраниях Ленинграда, посвящен ряд статей и публикаций Н. В. Пигулевской. Ей принадлежат описание сирийских светских рукописей (1945 г.), описание и характеристика сирийского сборника агиологических памятников и легенд (1957 г.). Венцом работы Н. В. в этой области является «Каталог сирийских рукописей Ленинграда», который включает характеристику сирийских рукописей, хранящихся в фондах Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина и Института востоковедения АН СССР, и представляет в ряде случаев ценные, глубокие исследования сирийских памятников, далеко выходящие за пределы простого описания.

Заслугой Н. В. Пигулевской является то, что она ввела в научный обиход ряд сирийских агиографических сочинений и жизнеописаний, доказав правомерность их исследования в качестве исторических источников, скептическое отношение в оценке которых проскальзывает иногда в высказываниях ученых и в настоящее время. Агиографы и биографии наряду с легендарным, сказочным элементом содержат исторический материал и детали бытового характера, говорящие историку подчас гораздо больше, чем сухой перечень голых фактов. В таких сочинениях можно отыскать сведения, неизвестные по другим источникам, например подробное описание «железных ворот», сохранившееся только в сирийской легенде об Александре Македонском. В ней нашли отражение реальные сведения о строительстве крепостных сооружений, возводившихся в горных ущельях Кавказа для защиты от вторжения с севера гуннских племен. Анализу сирийской «Александрии» посвящены статьи Н. В. Пигулевской «Сирийская легенда об Александре Македонском» (1958 г.) и «„Железные ворота“ Александра Македонского» (1960 г.). Материал сиро-персидских мучеников, в частности мученичество епископа Ктесифона Симеона бар Саббаэ, каругбеда Поси и других, использован в монографии Н. В. Пигулевской «Города Ирана в раннем средневековье».

К жанру агиографии относится также история мар Ябалахи и раббан Саумы, совершивших удивительное путешествие из Пекина в Багдад. Описание их путешествия, составленное неизвестным автором, ранее редко привлекалось в качестве исторического источника, а между тем, как показала работа Н. В. Пигулевской, оно содержит богатый материал о событиях и жизни на Ближнем Востоке, в Средней Азии и Китае в конце XIII—начале XIV в. Н. В. высоко оценила этот памятник как занимательное литературное сочинение, как превосходный образец сирийского классического языка и как обширный свод разнообразных сведений по истории, географии и экономике названных областей.

С первого взгляда кажется, что монография «История мар Ябалахи III и раббан Саумы» (1958 г.) отклоняется от основной, последовательно проводимой темы работ Н. В. Пигулевской. Действительно, в ней даны перевод и исследование литературного памятника XIV в., важного источника по истории государства ильханов. Однако и эта книга связана глубоким внутренним единством с основным направлением исследований Н. В. Пигулевской — изучением экономических и культурных связей Востока и Запада.

История двух уйгуров-несториан, отправившихся из Пекина на поклонение святыням в Иерусалим, в паломничество, затянувшееся на всю жизнь, описание их деятельности на Ближнем Востоке и даже в Европе — один из ярчайших примеров контактов между Востоком и Западом. Уйгурское происхождение и знание монгольского языка оказались столь ценными для деятельности несториан, заинтересованных в покровительстве монгольских ханов, что возвысили этих монахов до высочайших чинов в несторианской церковной иерархии, перевесив и незнание сирийского языка, и недостаток клерикального образования. Мар Ябалаха III стал католиком несториан, а раббан Саума — его ближайшим помощником. Христианство раббан Саумы сделало его удобным и надежным послом ильхана Аргуна в Европу, к римскому папе Гонорию IV и христианским европейским правителям: французскому королю Филиппу IV Красивому, Карлу II и английскому королю Эдуарду I (которого раббан Саума, впрочем, встретил во Франции).

Перевод Н. В. Пигулевской сделал доступным русскому читателю этот интереснейший памятник, который можно сравнить с описанием путешествия Марко Поло.

Придавая большое значение сирийской историографии, Н. В. предполагала посвятить ей специальное исследование. В ее работах послевоенных лет заметное место занимала и про-

блема истории Руси по данным сирийских и византийских источников. В сборнике памяти академика Б. Д. Грекова ею была опубликована статья «Имя „Рус" в сирийском источнике VI в.». В настоящем сборнике помещаются лекция Н. В. «Византия и славяне» и исследование «Сирийская хроника VI в. о славянских племенах».

Нина Викторовна уделяла внимание и сирийской повествовательной литературе. Она редактировала переводы на русский язык и была автором предисловий к сборникам, составленным из произведений сирийской беллетристики.³¹

Она много писала о совершенстве и гибкости сирийского языка, успешно выполнявшего роль языка торговли и дипломатии на всем Ближнем Востоке, пригодного для передачи отвлеченных философских понятий и точной медицинской терминологии, способного выразить любые эмоции живой разговорной речи.

Она показала влияние сирийского алфавита на письмо народов, населявших Среднюю Азию и Дальний Восток.

Если провести ретроспективный обзор многочисленных сириологических исследований Н. В. Пигулевской, можно выделить два основных направления в ее работе: описание сирийских рукописей и изучение культуры сирийцев. Оба направления постоянно разрабатывались и развивались Н. В. Пигулевской на протяжении всей жизни, получив логическое завершение в двух больших итоговых работах — «Каталог сирийских рукописей Ленинграда» (1960 г.) и «Культура сирийцев в средние века».

Последние годы жизни Н. В. Пигулевской были посвящены работе над монографией «Культура сирийцев в средние века». Автор стремилась всесторонне изучить духовную культуру сирийцев — народа, сыгравшего видную роль в культурной жизни Ближнего Востока. На протяжении многих веков они были посредниками между Востоком и Западом, между парфянским и сасанидским Ираном и Римской и Византийской империями, между Византией и Арабским халифатом, между Ближним и Дальним Востоком. Сирийцы познакомили арабов с наследием античной науки — с трудами Платона и Аристотеля, Галена и Гиппократов. И лишь в арабско-еврейской передаче и переработке узнала о них через несколько веков средневековая Европа, а в эпоху Возрождения Европа познакомилась уже с оригиналами многих из этих сочинений. Сирийцы принесли к границам Китая и Индии христианскую идеологию, а на Ближний Восток — манихейские идеи, игравшие важнейшую роль в социальной борьбе раннего средневековья. И во всех этих областях сирийцы были не просто передаточным звеном, но и творческим элементом, вносили свой значительный вклад в разработку и изменение идей и учений. Это определяет значение сирийской культуры для изучения истории всего человечества.

В работе, к сожалению не завершенной, Н. В. Пигулевская рассматривает культуру не как механическое соединение или параллельное развитие литературы и историографии, религии и науки, а как совокупность знаний и представлений, идеологии и морали, как систему знаний о мире и норм поведения. Поэтому Н. В. не ограничивается изучением научных достижений и выдающихся литературных произведений, перечислением вершин культуры, а уделяет не меньшее внимание уровню культуры народа, что включает и степень распространения грамотности, и объем знаний культурного человека, т. е. вопросы, весьма трудно поддающиеся определению, когда речь идет об обществах древности и средних веков. Н. В. Пигулевская сохранила и развила все важнейшие особенности марксистского исторического подхода при изучении столь сложной и многогранной области, как духовная культура народа.

Нина Викторовна начинает исследование культуры сирийцев с изучения школы, т. е. с системы передачи знаний, организации обучения, определения его ступеней и границ, круга изучаемых наук и объема знаний. Эти данные позволяют с наибольшей полнотой представить себе уровень культуры и степень ее распространенности.

Начав с низшей школы, с обучения элементарной грамотности, Н. В. Пигулевская особое внимание уделила Нисибийской академии — средневековому университету, сохранившему нам наиболее ранний университетский устав — «Правила Нисибийской академии». Этот устав рисует яркую картину жизни академии: нравы студентов и преподавателей, характер обучения и перечень изучавшихся наук; в нем упоминаются даже первые студенческие волнения и борьба за реформу высшего образования.

Хотя образование на всех ступенях, от низшего до высшего, носит клерикальный характер и находится в руках церкви, оно показывает неразрывность духовных и светских наук, необходимых как для сохранения церковной традиции, так и для общих социальных и произ-

водственных интересов сирийцев. Грамотность служила прежде всего интересам культа, но была необходима и для работы мастерской, и для ведения торговых дел. Те же производственные потребности вызвали развитие и распространение сложных технических знаний: алхимических, географических и агрономических, астрономических и математических, не говоря уже о медицинских.

Неразрывная связь духовных и светских наук в системе образования определяет то значение, которое приобретают экзегеза и богословские споры ветвей христианства, несторианства и монофизитства: зачастую они являются той «надводной частью айсберга» культуры, которая позволяет определить движения всего массива и даже составить представление о «подводных течениях», вызывающих это движение.

Н. В. Пигулевская подробно исследует также достижения сирийской науки в области медицины и философии, географии и космогонии, алхимии и земледелия, деятельность Бар Дайсана и Сергия Решайнского, Хунайна ибн Исхака и Михаила Сирийца. Особенно большое внимание Н. В. уделила переводческой деятельности сирийцев, которая связывала античную науку со средневековой арабской, индийскую и иранскую с византийской и т. п., играя активную роль в передаче знаний и идей между множеством народов, от Армении до Эфиопии и от Египта до Китая.

Н. В. Пигулевская увязывает эту культурную деятельность с экономической, с перво-степенной ролью сирийцев в международной торговле, поэтому в работе тщательно прослеживаются данные о торговле сирийцев и их расселении вдоль торговых путей, по «великому шелковому пути» через Иран, Среднюю Азию и Синьцзян до Китая, а также по «дороге ароматов» и пряностей через Красное море и Аравийский полуостров в Эфиопию и Йемен и далее в Индию. К сожалению, остался ненаписанным раздел, который должен был показать деятельность сирийцев в средневековой Западной Европе. Но и без этого раздела работа наглядно показывает интенсивность экономических и культурных связей уже в раннем средневековье и первые шаги процесса слияния отдельных очагов человеческой цивилизации в единую мировую экономическую и культурную систему.

Научная деятельность Н. В. Пигулевской с начала 50-х годов была неразрывно связана с Ленинградским отделением Института востоковедения АН СССР. Здесь под ее руководством была подготовлена и создана группа молодых специалистов, работающих над проблемами истории и филологии стран Ближнего Востока в древности и в средневековье. Начало деятельности группы совпадает с организацией Ленинградского отделения ИВ АН СССР в 1955 г.; в 1958 г. официально она была выделена как Кабинет Ближнего Востока.

Кабинет Ближнего Востока выступил прежде всего как база комплексного изучения стран Ближнего Востока. В нем прошли подготовку многочисленные специалисты в различных отраслях востоковедения, в том числе и только зарождавшихся в Советском Союзе. В Кабинете Ближнего Востока впервые в нашей стране было поставлено изучение сабеистики и кумранских документов. Здесь были подготовлены специалисты, изучающие связи Сирии и Закавказья, начато изучение связей сирийской и древнерусской литературы, ведется изучение арабо-еврейских рукописей и т. д. Под руководством Н. В. Пигулевской было подготовлено 4 доктора наук и более 10 кандидатов. Ее ученики работают не только в научных учреждениях Ленинграда, но и в республиках Закавказья (в Баку — доктор исторических наук Р. А. Гусейнов, в Ереване — доктор филологических наук Г. Мелконян и кандидат филологических наук Л. А. Тер-Петросян, и др.).

Кабинет Ближнего Востока под руководством Н. В. Пигулевской в короткий срок превратился в один из центров советской семитологии; на XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве он был представлен четырьмя докладами (Н. В. Пигулевская, К. Б. Старкова, Г. М. Глускина, А. Г. Лундин).

Деятельность Н. В. Пигулевской не исчерпывалась ее работой по руководству Кабинетом Ближнего Востока или рамками Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, где она руководила и исторической секцией. Она занимала также пост уполномоченного по Ленинграду по Отделению истории.

Нина Викторовна придавала большое значение и уделяла много сил и времени своей работе на посту вице-президента Российского палестинского общества и ответственного редактора «Палестинского сборника», продолжавшейся почти 20 лет. Практически Н. В. Пигулевская руководила всей научной деятельностью Палестинского общества, которое под ее эгидой объединяло деятельность исследователей Ближнего Востока. На заседаниях Российского

палестинского общества впервые в Советском Союзе обсуждались находки рукописей Мертвого моря и проблемы сабеистики. Особо отметим заседание, посвященное столетию со дня рождения крупнейшего русского семитолога академика П. К. Коковцова, состоявшееся 1 марта 1962 г.³²

«Палестинский сборник» за неполные 20 лет превратился в один из авторитетнейших советских востоковедных журналов, завоевавший широкое международное признание. Н. В. Пигулевская подготовила и отредактировала 24 выпуска сборника. Систематически издаваемые сборники внесли огромный вклад в развитие советской науки. Здесь нашли поддержку такие новые для советского востоковедения направления, как угаритоведение, кумранистика, сабеистика. Н. В. постоянно привлекала к участию в журнале начинающих специалистов. Не будет преувеличением сказать, что каждый из выпусков «Палестинского сборника» открывал для советской науки новые имена.

Начавшаяся с 1960 г. публикация монографий (наряду со сборниками) еще больше увеличила научное значение этого издания. В нем увидели свет такие выдающиеся работы, как «Каталог сирийских рукописей Ленинграда» Н. В. Пигулевской (1960, вып. 6), «Словарь диалекта бухарских арабов» И. Н. Винникова (1962, вып. 10), «Частная собственность в представлении египтян Старого царства» Ю. Я. Перепелкина (1966, вып. 16).

В послевоенный период, особенно в 50—60-е годы, велика была роль Н. В. Пигулевской и в развитии советского византиноведения. Она была одним из инициаторов совместных изданий и многих начинаний ленинградских византинистов, изучения памятников и рукописей ленинградских хранилищ, подготовки коллективного труда по истории византийской культуры. При ее содействии и нередко по ее инициативе создавались те значительные византиноведческие исследования, которые публиковались на страницах «Византийского временника» и «Палестинского сборника», в котором актуальные научные проблемы истории «Христианского Востока» получили впервые глубоко научное и последовательно марксистское освещение.

Не только уже упоминавшиеся исследования Н. В. приобрели заслуженную международную известность и наиболее крупные из них были переведены за рубежом. Большим авторитетом пользовались ее обзоры и рецензии на наиболее фундаментальные работы зарубежных исследователей, в которых Н. В. Пигулевская выделяла то, что имело действительно важное значение для развития и обогащения нашей науки. Примером может служить рецензия Н. В. на фундаментальное исследование Ж. Чаленко, которая привлекла внимание нашей науки к материалам и выводам этой работы.³³

Н. В. Пигулевская была не только одним из активнейших участников и организаторов всесоюзных византиноведческих сессий. С 1958 г. и до последних дней она возглавляла и координировала деятельность Ленинградской византийской группы — большого и разнородного по направлениям своей работы и проблематике коллектива. Она активно привлекала к работе научную молодежь. По инициативе Н. В. группа в 1970 г. подготовила выпуск «Палестинского сборника» «Византия и Восток», где вводились в научный оборот новые данные, новые материалы по истории и культуре Византии из ленинградских фондов и хранилищ.

Широкими и многогранными были научные связи Н. В. Пигулевской со многими ведущими научными учреждениями и хранилищами — Рукописным отделом ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и Отделом рукописей и редкой книги БАН СССР, где по ее инициативе велась работа по изучению и публикации рукописного наследия; Ленинградским государственным университетом, где Н. В. читала курсы по истории и культуре Ближнего Востока и Византии, сириологии. Путь многих из учеников Н. В. Пигулевской пролегал от студенческой скамьи до совместной работы с Н. В. в академических учреждениях и рукописных хранилищах. Опираясь на их поддержку и научное участие, Н. В. с 1967 г. разработала и выдвинула программу комплексного изучения всех связей Запада и Востока, к исследованию которых она планировала широко привлечь ученых из союзных республик. Соответствующие планы были предложены ею Отделению исторических наук АН СССР. Программа этих исследований частично содержится в публикуемом в настоящем сборнике проспекте «Шелковая дорога».

Высокий международный авторитет Н. В., широта ее научных интересов и неистощимая энергия позволили ей сыграть видную роль в расширении научных связей и укреплении международного авторитета и престижа советского востоковедения и византиноведения. Она была в числе тех, кто разрушал стену предубеждения, сложившегося в западной византинистике против советского византиноведения, и шаг за шагом вынуждал признать его достижения и высокий авторитет во многих областях исторической науки. Н. В. Пигулевская, являясь чле-

ном Национального комитета историков Советского Союза, вела большую организационную работу по укреплению международных связей нашей науки. Многие из ее работ были опубликованы в международных журналах, а ряд ее монографий появился за рубежом отдельными изданиями. Участница Мюнхенского и Оксфордского международных византиноведческих конгрессов, Н. В. Пигулевская была одной из тех, кто заложил основы активной международной деятельности советской византиноведческой науки, сыграл немалую роль в укреплении творческого содружества ученых социалистических стран. Она выступала с докладами и лекциями в Риме, Праге, Париже, оппонировала по работам зарубежных коллег.

Нина Викторовна была организатором и руководителем секции византиноведения и смежных дисциплин на XXV Международном конгрессе востоковедов. Ее работа и доклады в Восточном институте в Риме, в Коллеж де Франс и Сорбонне высоко поднимали престиж советской исторической науки. Н. В. Пигулевская была членом Французского азиатского общества, была награждена персональной памятной медалью Collège de France.

Нина Викторовна Пигулевская ушла из жизни 17 февраля 1970 г., когда ее новые творческие планы уже начинали складываться в четкую программу всестороннего изучения связей Запада и Востока. Исследования Н. В. раскрывают общую картину и закономерности исторического и культурного развития Ближнего Востока, Византии в эпоху перехода от античности к средневековью, раннесредневековой истории всего Ближнего Востока, общего и специфического в его развитии. В этом непреходящая ценность работ Н. В. Пигулевской.

Плодотворная научная и организационная деятельность Н. В. Пигулевской неоднократно высоко оценивалась Академией наук СССР и отмечалась правительственными наградами.

Основные интересы Н. В. Пигулевской на протяжении всей жизни сосредоточивались в сфере сириологии. И в эту область она внесла наибольший вклад, в корне изменив сам характер науки. Ее труды превратили сириологию из вспомогательной области христианского богословия, какой она и до сих пор остается в трудах некоторых западных ученых, в отрасль истории Ближнего Востока. Н. В. Пигулевская показала особую важность сирийских источников для изучения Византии и Ирана, Аравии и Закавказья, Средней Азии и Индии, для решения общеисторических проблем социальной истории и истории культуры. Ее труды продемонстрировали значение сирийских источников для изучения древнерусской и древнеармянской литературы, истории Азербайджана и Казахстана и положили начало углубленным исследованиям в этих областях.

Научное наследие Н. В. Пигулевской останется предметом глубокого изучения, незаменимым справочником и кладезем новых идей.

**СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ
ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР
Н. В. ПИГУЛЕВСКОЙ**

1925

1. Восток и евреи в книге Исаяи. — Восток, 1925, V, с. 132—139.

1926

2. О выставках в научных библиотеках. — Библиотечное обозрение, 1926, № 2, с. 121—129.
3. О сирийской рукописи «Церковной истории» Евсевия Кесарийского в Российской Публичной библиотеке. — Восточный сборник Государственной Публичной библиотеки, 1926, № 1, с. 115—122, табл. I—III.

1927

4. Das Ende der Strassburger Sahdona-Handschrift. — Oriens christianus, Ser. III, 1927, Bd. I, S. 293—309.

1928

5. Жизнь Сахдоны. (Из истории несторианства VII века). — Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР, 1928, III, с. 91—108.

1929

6. Le Martyre de Saint Cyriaque de Jérusalem. — Revue de l'Orient chrétien, 1929, VI (26), p. 305—356.

1934

7. Fragments syro-palestiniens des psaumes CXXIII—CXXIV. — Revue biblique, 1934, t. 43, N 4, p. 519—527, pl. XXX bis.

1936

8. Сирийская алхимическая литература средневековья. — Архив истории науки и техники, 1936, вып. 9, с. 329—342.

9. *Peç.* Thompson. The Bire and Romance of Alchemy. London, 1932. — Архив истории науки и техники, 1936, вып. 9, с. 382—383.

1937

10. К вопросу о податной реформе Хосроя Анушервана. — Вестник древней истории, 1937, № 1, с. 143—154.

11. Арабы VI в. по сирийским источникам. (Вторая сессия Ассоциации арабистов. Тезисы). Л., 1937, с. 21—22.

12. Филигранные сирийских рукописей. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1937, с. 419—434.

13. Les manuscrits syriaques bibliques de Léningrad. — Revue biblique, 1937, t. 47, № 1—2, p. 83—92, 214—226.

1938

14. К истории социальных и экономических отношений в Месопотамии VI в. — Вестник древней истории, 1938, № 3 (4), с. 149—161.

15. Fragments syriaques et syro-turcs de Hara-Hoto et de Tourfan. — Revue de l'Orient chrétien, 1938, X, p. 3—46.

1939

16. Месопотамия на рубеже V и VI вв. н. э. (Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник). — Основные положения диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Л., 1939, с. 1—6.

17. Анонимная сирийская хроника о времени Сасанидов. (Сирийские источники по истории Ирана и Византии). — Записки Института востоковедения АН СССР, 1939, VII, с. 55—78.

18. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа. — Вестник древней истории, 1939, № 1, с. 107—115.

1940

19. Сирийский и сиро-тюркский фрагменты из Хара-Хото и Турфана. — Советское востоковедение, 1940, 1, с. 212—234, табл. I—III.

20. Месопотамия на рубеже V и VI вв. — Труды Института востоковедения АН СССР, 1940, XXXI, с. 1—176.

1941

21. Оборона городов Месопотамии в VI в. — Ученые записки ЛГУ, 1941, № 86, серия исторических наук, вып. 12, с. 46—80.

22. Арабы VI в. по сирийским источникам. — Труды второй сессии ассоциации арабистов. Труды Института востоковедения АН СССР, 1941, XXXVI, с. 49—70.

23. Авары и славяне в сирийской историографии. — Советское востоковедение, 1941, II, с. 27—36.

24. Сирийские источники по истории народов СССР. (Автореферат). — Историк-марксист, 1941, № 4, с. 92—96.

25. Сирийские источники по истории народов СССР. — Труды Института востоковедения АН СССР, 1941, XLI, с. 1—172.

26. Угасающий Вавилон. — Ученые записки ЛГУ, 1941, № 78, серия исторических наук, вып. 9, с. 42—48.

27. Сирийская культура средних веков и ее историческое значение. — Советская наука, 1941, № 2, с. 28—38.

1942

28. Павел Константинович Коковцов. Некролог. — Вестник Академии наук СССР, Казань, 1942, № 4, с. 103—107.

29. Сирийские фрагменты из Хара-Хото. — Журнал «Моко», т. 9, ч. 9, Сёва 17 г. (1942). (Пер. на яп. яз. Фудзиеда Акира статьи «Сирийский и сиро-тюркский фрагменты из Хара-Хото и Турфана» из «Советского востоковедения» (1940, № 1)).

1944

30. Маздакитское движение. — Известия Академии наук СССР, серия истории и философии, 1944, IV, с. 171—181.

31. Фрагменты полиглотты. — Рабочая хроника Института востоковедения за I полугодие 1944 года (Ташкент), 1944, 1, с. 1—17.

32. Византия и Восток. — Научная сессия, посвященная 125-летию Ленинградского университета (Тезисы докладов). Л., 1944, с. 1—2.

33. Иран и Византия к концу VI и началу VII в. — Рабочая хроника Института востоковедения за I полугодие 1944 года (Ташкент), 1944, 1, с. 17—18.

1945

34. Сирийские рукописи Ленинграда (гражданские рукописи). — Советское востоковедение, 1945, III, с.

242—259.

35. Рец. Крачковский И. Ю. Над арабскими рукописями. — Вестник Академии наук СССР, 1945, № 3, с. 113—114.

1946

36. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. — Труды Института востоковедения, 1946, XLVI, с. 1—291.

37. Сирийский врач Сергей Решайнский. — Научный бюллетень Ленинградского государственного университета, 1946, № 7, с. 36, 37.

1947

38. Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв. — Византийский временник, 1947, I (26), с. 184—214.

39. Академик Павел Константинович Коковцов и его школа. — Вестник Ленинградского университета, 1947, № 5, с. 106—118.

40. Сирийская хроника времени Сасанидов. — Журнал «Пейям-е ноу», 1947, № 1, 2, 3. (Пер. на перс. яз.).

41. Мар Аба I. К истории культуры VI в. н. э. — Советское востоковедение, 1947, V, с. 73—84.

1948

42. Эфиопия и Химьяр в их взаимоотношениях с Восточноримской империей. — Вестник древней истории, 1948, № 1, с. 87—97.

43. К вопросу об общественных отношениях на Ближнем Востоке перед арабским завоеванием. — Вестник Ленинградского университета, 1948, № 4, с. 66—77.

1949

44. Новые арамейские памятники из Гермуполя. — Вестник древней истории, 1949, № 2, с. 267, 268.

45. Общественные отношения в Неджране в начале VI в. н. э. — Советское востоковедение, 1949, VI, с. 199—226.

46. Первоисточники истории кушито-химьяритских войн. К истории торговли и дипломатии Византии на Востоке. — Византийский временник, 1949, II (27), с. 74—93.

47. Сирийский врач Сергей Решайнский. К истории сирийской научной литературы VI в. — Ученые записки ЛГУ, 1949, № 98, серия востоковедческих наук, вып. 1, с. 43—64.

1950

48. К вопросу о разложении рабовладельческой формации на Ближнем Востоке. — Вопросы истории, 1950, № 4, с. 44—54.

49. Законы химьяритов. — Византийский временник, 1950, III (28), с. 51—61.

1951

50. К вопросу об организации и формах торговли и кредита в ранней Византии. — Византийский временник, 1951, IV (29), с. 84—90.

51. Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М.—Л., 1951. Введение и раздел 1, с. 9—61.

52. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV—VI вв. М.—Л., 1951, 410 с.+ карта.

1952

53. Восстание в Хузистане при Хосрове I. — Краткие сообщения Института востоковедения, 1952, № 4, с. 3—10.

54. Сирийский законник. (История памятника). — Ученые записки ЛГУ, 1952, № 128, серия востоковедческих наук, вып. 3, с. 52—63.

55. К вопросу о борьбе демонов в ранней Византии (критический обзор). — Византийский временник, 1952, V (30), с. 216—222.

56. Имя «Рус» в сирийском источнике VI в. н. э. — В кн.: Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952, с. 42—48.

1953

57. Проблемы распада рабовладельческого общества и формирования феодальных отношений на Ближнем Востоке. — Вопросы истории, 1953, № 3, с. 50—62.

1954

58. Греко-сиро-арабская рукопись IX века. (Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов). М., 1954, 1—22 (с англ. переводом).

59. Переходные формы рабовладения в Иране по сирийскому сборнику пехлевийского права. (Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов). М., 1954, с. 1—30 (с англ. переводом).

60. История основания города Карка де бет Селох. — Ученые записки ЛГУ, 1954, № 179, серия востоковедческих наук, вып. 4, с. 215—229.

61. Греко-сиро-арабская рукопись IX в. — Палестинский сборник, 1954, вып. 1 (63), с. 59—90, табл. 1—8.

1955

62. Идея равенства в учении маздакитов. — В кн.: Из истории социально-политических идей. К семидесятипятилетию академика В. П. Волгина. М., 1955, с. 97—101.
63. Из истории экономических отношений Ирана в IV—VI вв. — Краткие сообщения Института востоковедения, 1955, XIV, с. 46—57.
64. К вопросу о городах Ирана в раннем средневековье. — Советское востоковедение, 1955, № 6, с. 72—80.

1956

65. Иран в III в. н. э. и возникновение городов. — Ученые записки ЛГУ, 1956, № 195, серия востоковедческих наук, вып. 6, с. 114—122.
66. К вопросу о феодальной собственности на землю в Иране. — Вестник Ленинградского университета, 1956, № 8, с. 79—84.
67. Производство шелка в Византии и Иране в IV в. — Византийский временник, 1956, X (35), с. 3—8.
68. История мар Ябалахи и Саумы. — Палестинский сборник, 1956, вып. 2 (64—65), с. 97—108.
69. Проблема кризиса рабовладельческого строя и генезиса феодализма. — Вопросы истории, 1956, № 9, с. 191—195.
70. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956, с. 1—366.
71. Economic relations in Iran during the IV—VI centuries A. D. — K. R. Cama Oriental Institute, Bombay, 1956, 38, p. 1—22.

1957

72. Сирийский сборник агиологических памятников и легенд. — Труды Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1957, т. 2 (V), с. 17—20.
73. Die Sammlung der syrischen Rechtsurkunden des Ischobocht und der Matikan. (Vortrag auf dem XXIV Internationalen Orientalistenkongress). Moskau, 1957, S. 1—7.
74. Международный конгресс востоковедов. — Вестник Академии наук СССР, 1957, № 12, с. 66—68.
75. Предисловие. — В кн.: Феофилакт Симокатта. История. М., 1957, с. 5—20.
76. Ред. и предисл. Абуль Фарадж. Книга занимательных историй. М., 1957. Изд. 2. М., 1961.

1958

77. Сирийская легенда об Александре Македонском. — Палестинский сборник, 1958, вып. 3 (66), с. 75—97.
78. Археология сирийской деревни. *Рец.*: Tchalenko G. Villages antiques de la Syrie du nord. Le massif du Bélus à l'époque romaine, I—II. Paris, 1953. — Палестинский сборник, 1958, вып. 3 (66), с. 220—223.
79. Юридические памятники эпохи Сасанидов. (Пехлевийский сборник «Матикан» и сирийский сборник Ишобохта). — В кн.: Памяти академика Игнатия Юлиановича Крачковского. Л., 1958, с. 163—175.
80. *Рец.* Альтгейм и Штиль. История финансов поздней античности. Франкфурт-на-Майне, 1957, 428 с. (F. Altheim und R. Stiehl. Finanzgeschichte der Spätantike). — Вопросы истории, 1958, № 5, с. 174—178.
81. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958. Гл. I. Рабовладельческое общество в Иране; гл. II. Разложение рабовладельческого строя и образование раннефеодального общества в Иране (III—VI вв.), с. 7—75.
82. История мар Ябалахи III и раббан Саумы. Исследование, перевод с сирийского и примечания Н. В. Пигулевской. М., 1958, с. 1—162.
83. Зарождение феодальных отношений на Ближнем Востоке. — Ученые записки Института востоковедения, 1958, XVI, с. 5—30.
84. *Рец.* Otakar Klima. Mazdak. Geschichte einer sozialen Bewegung im Sassanidischen Persien. Praha, 1957. — Советское востоковедение, 1958, № 5, с. 175—177.
85. Генезис феодализма. — Сб. «Дорен сэн сякай но сё мондаи», Токио, 1958, с. 247—266. (Пер. на яп. яз. Е. Каяма статьи «Проблема кризиса рабовладельческого строя и генезиса феодализма» из «Вопросов истории» (1956, № 9)).
86. Сирийская легенда об Александре Македонском. — Материалы I Всесоюзной научной конференции востоковедов в Ташкенте 4—11 июня 1957 г. Ташкент, 1958. с. 608—614.

1959

87. Выдающийся советский востоковед (к 70-летию со дня рождения академика В. В. Струве). — Ленинградская правда, 4 II 1959.
88. Эдесская хроника. — Палестинский сборник, 1959, 4 (67), с. 79—96.
89. XI Международный конгресс византинистов в Мюнхене. — Вопросы истории, 1959, № 8, с. 204—205.
90. *Рец.* Pirenne J. La Grèce et Saba. Une nouvelle base pour la chronologie sud-arabe. Paris, 1955; Pirenne S. Paléographie des inscriptions sud-arabes. Contribution à la chronologie et l'histoire de l'Arabie du Sud Antique, t. I Bruxelles, 1956. — Проблемы востоковедения. 1959, № 6, с. 186—190.
91. Die Sammlung der syrischen Rechtsurkunden des Ischobocht und des Matikan. (Akten des XXIV Internationalen Orientalisten-Kongresses, 1957). Wiesbaden, 1959, S. 219—221.

1960

92. Учение о докапиталистических формациях на Ближнем и Среднем Востоке в трудах ленинградских востоковедов. — Ученые записки Института востоковедения, 1960, XXV, с. 192—203.

93. «Железные ворота» Александра Македонского. — В кн.: Исследования по истории культуры народов Востока. (Сборник в честь академика И. А. Орбели). М.—Л., 1960, с. 423—426.

94. Арабы у границ Византии в IV в. (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР). М., 1960, с. 1—9. См. также: Труды XXV Международного конгресса востоковедов, Москва, 9—16 августа 1960 г., т. I. М., 1962, с. 443—449.

95. Les Arabes à la frontière de Byzance au IV siècle. (XXV Congrès International des orientalistes. Conférences présentées par la délégation de l'URSS). Moscou, 1960, p. 1—9.

96. Die byzantinische Diplomatie und die Araber (vor dem VII. Jahrhundert). (Akten des XI Internationalen Byzantinischen Kongress, 1958). München, 1960, S. 458—465.

97. Арабы у границ Византии в IV в. — Палестинский сборник, 1960, вып. 5 (68), с. 45—65.

98. Выдающийся труд по источниковедению. *Рец.* Gyula Moravcsik. Byzantinoturcica, I, II. Berlin, 1958. — Палестинский сборник, 1960, вып. 5 (68), с. 147—150.

99. Каталог сирийских рукописей Ленинграда. — Палестинский сборник, 1960, вып. 6 (69), с. 1—230.

100. Поездка во Францию в марте 1960 г. — Проблемы востоковедения, 1960, № 6, с. 201, 202.

101. *Ред. и предисл.* Вильскер Л. Е. и Белов А. М. От Ахикара до Джано. Л., 1960.

102. Les rapports sociaux à Nedjran au début du VI s. Chr. — Journal of the economic and social history of the Orient, 1960, vol. III, pt. 2, p. 113—130; 1961, vol. IV, pt. 1, p. 1—14.

1961

103. Греческие и сирийские источники по истории северных арабских племен IV—VI веков. — Краткие сообщения Института народов Азии. 1961, XLVII, с. 64—70.

104. Город и деревня в Византии в IV—VI вв. — Город и деревня в Византии в IV—XII вв. Коллективный доклад делегации советских ученых. (XII Congrès International des Etudes Byzantines). Belgrade, 1961, p. 1—8.

105. Объединим усилия ориенталистов. — Азия и Африка сегодня, 1961, № 8, с. 51.

106. Ред. и предисл. Лундин А. Г. Южная Аравия в VI веке.—Палестинский сборник, 1961, вып. 8 (71).

1962

107. Академик В. В. Струве — Древний мир. Сборник статей. (Академику В. В. Струве). М.—Л., 1962, с. 5—6.

108. К вопросу о «письменных» народах древности. — Древний мир. Сборник статей. (Академику В. В. Струве). М.—Л., 1962, с. 336—339.

109. Византийские историки об арабах V в. — Палестинский сборник, 1962, вып. 7 (70), с. 89—100.

110. Byzantino-syriaca. Die byzantinischen Quellender syrischen Chronik von Josua Stylites. — Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae, X, fasc. 1—3, Budapest, 1962, p. 211—217.

111. *Рец.* Луконин В. Г. Иран в эпоху Сасанидов. Л., 1961. — Народы Азии и Африки, 1962, №3, с. 211—215.

112. Проблемы зарождения и развития феодализма на Ближнем Востоке. — Вопросы истории, 1962, № 6 с. 107—116.

113. Киндиты и лахмиды в V в. и начале VI в. — Палестинский сборник, 1962, вып. 9 (72), с. 80—104.

1963

114. Новые источники по истории, северных арабских племен в IV—VI вв. (Тезисы доклада). — Межвузовская научная конференция по историографии и источниковедению. 22—25 января 1963 г. Л., 1963, с. 13—15.

115. Les villes de l'Etat Iranien aux époques Parthe et Sasanide. Contribution à l'histoire sociale de la Basse Antiquité. Paris, 1963.

116. Les Arabes à la frontière de Byzance au IV siècle. — Труды XXV Международного конгресса востоковедов, I. М., 1962, с. 443—449.

117. Несторианские памятники. — Эпиграфика Киргизии, 1963, вып. 1, с. 43—58. (Совместно с А. В. Пайковой).

118. Mar Aba I. Une page de l'histoire de la civilisation au VI siècle de l'ère nouvelle. — Mélanges Massés (Teheran), 1963.

119. *Ред.* Шифман И. Ш. Возникновение Карфагенской державы. — Палестинский сборник, 1963, вып. 12 (75).

120. К хронологии славянских передвижений VI в. — Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. (Сборник статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова). М., 1963, с. 44—46.

1964

121. Политика Византии на Эритрейском море. — Палестинский сборник, 1964, вып. 11 (74), с. 74—93.

122. Итоги и перспективы советской сириологии. — В кн.: Конференция по семитским языкам 26—28 октября 1964 г. Тезисы. М., 1964, с. 61.

123. Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв. М.—Л., 1964, с. 1—336.

124. Академик П. К. Коковцов (к столетию со дня рождения и двадцатилетию со дня смерти). — Палестинский сборник, 1964, вып. 11 (74), с. 170—174.

125. Le sort du Phoinikon. — Сборник радова Византолошког института, 1964, VIII, 2. (Mélanges G. Ostrogorsky, II). Београд, p. 341—346.

1965

126. Итоги и перспективы отечественной сириологии. — Семитские языки, вып. 2, ч. I. М., 1965, с. 75—81.

127. Сирийская средневековая школа. — Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. Тезисы научной конференции Восточного факультета ЛГУ, 1964/65 уч. год. Л., 1965, с. 73—74.

128. О новых источниках по истории Ближнего и Среднего Востока. — *Историография и источниковедение истории стран Азии*, I. Материалы межвузовской научной конференции 25—27 января 1963 г. Л., 1965, с. 126—130.

129. Проблемы исторической науки и работа исторической секции Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР. — *Вопросы истории*, 1965, № 8, с. 133—136.

130. Интересная работа по истории русско-среднеазиатских отношений. *Рец.* М. Ю. Юлдашев. К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией. Ташкент, 1964. — *Общественные науки в Узбекистане*, 1965, № 4, с. 74.

131. Гностические тексты. *Рец.* L'Évangile selon Thomas. Texte copte établie et traduit par A. Guillaumout, H. Ch. Puech, G. Guispel, W. Till et Yassah 'Abd al-Masih. Leiden, 1959. — Палестинский сборник, 1965, вып. 13 (76), с. 205—207.

132. *Рец.* Wolska W. La topographie chrétienne de Cosmas Indicopleustes. Theologie et science au VI s. — *Bibliothèque bysantine publiée sous la direction de P. Lemerle, Etudes 3*, Paris, 1962 — Палестинский сборник, 1965, вып. 13 (76), с. 212—214.

133. *Рец.* Altheim F., Stiehl R. Die Araber in der alten Welt I. Berlin, 1964. — Палестинский сборник, 1965, вып. 13 (76) с. 215—216.

134. К вопросу об азиатском способе производства. (По поводу книги: M. Godelier. La notion de «mode de production asiatique» et les schémas marxistes d'évolution des sociétés. — *Les Cahiers du centre d'études et de recherches marxistes*. Paris, 1964). — *Вестник древней истории*, 1965, № 3, с. 83—89.

135. *Рец.* Otakar Klima. Manis Zeit und Leben. Prag, 1963. — Палестинский сборник, 1965, вып. 13 (76), с. 207—211.

136. *Ред.* Рылова Р. Г. Грамматика сирийского языка Ильи Тирханского (XI в.). — Палестинский сборник, 1965, вып. 14 (77).

137. *Ред.* Шифман И. Ш. Финикийские мореходы. М., 1965.

1966

138. Академик Василий Васильевич Струве. — Палестинский сборник, 1966, вып. 15 (78), с. 3—4.

139. *Рец.* Корпус боспорских надписей. — *Вопросы истории*, 1966, № 1, с. 180—182.

140. Проблемы истории древнего мира на XII конгрессе исторических наук в Вене. — *Вестник древней истории*, 1966, № 2, с. 237—238.

141. Устав старейшего средневекового университета — Правила Нисибийской Академии. — Тезисы научной конференции Восточного факультета ЛГУ, 1965/66 уч. год. Л., 1966, с. 87.

142. Сирийская средневековая школа. — Палестинский сборник, 1966, вып. 15 (78), с. 130—140.

143. Востоковедение в «вечном городе». — Палестинский сборник, 1966, вып. 15 (78), с. 247—249.

144. *Рец.* Guillaumout A. Les «Kephalaia gnostica» d'Évagre le Politique et l'histoire de l'originisme chez les grecs et les syriens. — Палестинский сборник, 1966, вып. 15 (78), с. 244—247.

145. *Рец.* Липшиц Е. Э. Эклога. — *Byzantinoslavica*, 1966, XXVII, 1, p. 177—181.

146. Еще раз о сиро-тюркском. — *Тюркологический сборник*. М., 1966, с. 228—232.

1967

147. Живая речь в сирийских средневековых хрониках. Историко-филологические исследования. — *Сборник в честь акад. Н. И. Конрада*. М., 1967, с. 321—324.

148. Бардесан — ученый, философ и поэт (154—222 гг. н. э.). — Тезисы юбилейной научной конференции Восточного факультета. Л., 1967, с. 89—91.

149. История Нисибийской академии. — Палестинский сборник, 1967, вып. 17 (80), с. 90—109.

150. *Рец.* Leroy J. Les manuscrits syriaques à peintures, conservés dans les bibliothèques d'Europe et d'Orient. Paris, 1964. — Палестинский сборник, 1967, вып. 17 (80), с. 188—189.

151. *Рец.* Halkin E. Euphémie de Chalcédoine. Légendes Byzantines. Bruxelles, 1965. — Палестинский сборник, 1967, вып. 17 (80), с. 189—190.

152. *Рец.* Travaux et mémoires I. Directeur P. Lemerle. Sorbonne, Paris, 1965. — Палестинский сборник, 1967, вып. 17 (80), с. 192—194.

153. XIII Византийский международный конгресс в Оксфорде 5—10 сентября 1966 г. — Палестинский сборник, 1967, вып. 17 (80), с. 194—196.

154. *Рец.* Altheim F. und Stiehl R. Die Araber in der Alten Welt, II. Berlin, 1965. — Палестинский сборник, 1967, вып. 17 (80), с. 190—197.

155. *Рец.* Pseudo-Kodinos. Traité des offices. Introduction, texte et traduction par Jean Verpeaux. — Палестинский сборник, 1967, вып. 17 (80), с. 197—198.

156. Theophanes's Chronographia and the Syrian Chronicles. — *Jahrbuch der Osterreichischen Byzantinischen Gesellschaft*, XVI. Graz—Wien—Köln, 1967, p. 55—60.

1968

157. Памятники сирийской письменности. — *Вестник Академии наук СССР*, 1968, № 2, с. 67—72.

158. Eine byzantinische Oktoechos in syrischer Übersetzung. (Byzantino-syriaca II). *Byzantinische Forschungen*, III. Budapest, 1968, p. 168—172.

159. Заседание Бюро Отделения истории АН СССР в Ленинграде. — *Вопросы истории*, 1968, № 8, с. 150—153.

160. Шапур II и советник Гухиштазад. — В кн.: Ближний и Средний Восток. (Сборник статей в честь 70-

летия проф. И. П. Петрушевского). М., 1968, с. 98—101.

161. Bank A. V., Granstrem J. E., Kurbatov G. L., Pigulevskaya N. V. Byzantine studies. M., 1968, 24 p. (Fifty years of Soviet Orient, stud. (brief reviews). Bibliogr.: p. 15—24).

162. Город Ближнего Востока в раннем средневековье. — Научная сессия «Спорные вопросы истории античного и средневекового города». — Тезисы докладов. Июнь 1968 г. Л., 1968, с. 17—22.

163. *Ред.* Лебедева И. Н. Поздние греческие хроники и их русские и восточные переводы. — Палестинский сборник, 1968, вып. 18 (81).

1969

164. Город Ближнего Востока в раннем средневековье. — Вестник древней истории, 1969, № 1, с. 65—70.

165. Сирийская хроника пс. Дионисия Тельмахрского и византийская историография. — Палестинский сборник, 1969, вып. 19 (82), с. 118—126.

166. Byzanz auf den Wegen nach Indien. Aus der Geschichte des byzantinischen Handels mit dem Orient vom 4. bis 6. Jahrhundert. Berlin—Amsterdam, 1969, S. 1—360.

167. Note sur les relations de Byzance et des Huns au VI-e s. — Revue des Etudes sud-est Européennes, 1969, t. VII, № 1, Bucarest, p. 199—203.

168. *Рец.* Ahrweiler H. Byzance et la mer. Le marine de guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VII—XV siècles. Paris, 1966. — Палестинский сборник, 1969, вып. 19 (82), с. 199—202.

169. *Рец.* De Santos Otero, Aurelio. Das Kirchenslavische Evangelium des Thomas. Berlin, 1967. — Палестинский сборник, 1969, вып. 19 (82), с. 195—196.

170. *Рец.* Rodinson M. Islam et Capitalisme. Paris, 1966, 304 p. — Вопросы истории, 1969, № 6, с. 206—208.

171. *Ред. и предисл.* Еланская А. И. Коптские рукописи Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — Палестинский сборник, 1969, вып. 20 (83).

1970

172. Иран в III—VII вв. — В кн.: История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970, гл. 7, с. 112—121 (совместно с Колесниковым А. И.).

173. *Рец.* Alexander P. I. The Oracle of Baalbek. The Tiburtine Sibyl in greek dress. Dumbarton Oaks Studies, 1967. — Палестинский сборник, 1970, вып. 21 (84), с. 252.

174. *Рец.* Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Greek text ed. by Gy. Moravcsik. Engl. transl. by R.I. G. Jenkins. Dumbarton. Oaks, 1967. — Палестинский сборник, 1970, вып. 21 (84), с. 253.

175. *Рец.* Nurudinovic B. Bibliografija Jugoslovenske Orientalistike (1945—1960). Orientalni Inst. u Sarajevu, Sarajevo, 1968. — Палестинский сборник, 1970, вып. 21 (84), с. 255.

176. *Рец.* Travaux et mémoires, 2. Publ. par le Centre de recherche d'hist. et civil. byzant. Paris, 1967. — Палестинский сборник, 1970, вып. 21 (84), с. 253—255.

177. Une chronique syrienne du VIe siècle sur les tribus Slaves. — Folia Orientalia, 1970, t. XII, p. 211—214.

178. Syrischer Text und griechische Übersetzung der Märtyrerakten der heiligen Tarbo (Syriaca—Byzantina III). — Beiträge zur Alten Geschichte und deren Nachleben, Bd. II, Berlin, 1970, p. 96—100.

179. *Ред. и предисл.* Колесников А. И. Иран в начале VII века. — Палестинский сборник, 1970, вып. 22 (85).

1971

180. Византия и Восток. — Палестинский сборник, 1971, вып. 23 (86), с. 3—16.

181. *Ред.* Лундин А. Г. Государство мукаррибов Саба?. М., 1971.

1972

182. Сирология. — В кн.: Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972. с. 560—567.

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ Н. В. ПИГУЛЕВСКОЙ

К печати подготовлена монография «Культура сирийцев в средние века».

«ШЕЛКОВАЯ ДОРОГА»

(Проблемы экономических и культурных связей между Востоком и Западом)

1. Изучение экономических отношений, культурных связей и взаимных влияний отдельных стран и народов в прошлом тесно связано с исследованием торговых путей, по которым шел обмен продуктами производства, товарами. Важной сухопутной магистралью для древности и средневековья являлась «шелковая дорога», соединявшая Запад и Восток.

2. Шелк, как драгоценный материал для производства тканей, и шелковые ткани были

известны еще Риму. В западной части «шелковая дорога» связана со Средиземноморским бассейном, с торговлей Европы. Несомненно большую роль сыграл шелк в развитии текстильного производства Италии и Фландрии в средневековье.

3. Ближний Восток оказался связанным со Средним и Дальним Востоком «шелковой дорогой». Если «путь ароматов» вдоль западного побережья Аравийского полуострова и по Красному морю доставлял товары из страны «царицы Савской», «черной Африки» и Эфиопии в Переднюю Азию, то Египет и приморская Сирия были богаты красящими веществами (все виды пурпура). В Константинополе в первую очередь, в Сирии, Египте, Закавказье ряд городских центров сосредоточил производство тканей, их окраску, разрисовку, причем шелк занял одно из первых мест как предмет роскоши.

4. Средний Восток, населенный иранскими и тюркскими племенами, участвовал самым активным образом в движении по «шелковой дороге». Эфталиты, согды, тюрки, хазары, позднее мощный тюркский каганат оставили следы своего участия в этой торговле в курганах, ступах и захоронениях вдоль всего пути.

5. Индия оказалась также причастной к торговле шелком, производство и употребление которого были ей хорошо известны. Малабарское побережье и остров Тапробан известны по многочисленным источникам как центры обмена. Шелка из Индии распространялись морским путем, по Персидскому заливу или к берегам Южной Аравии, «перепутья» из Индии в Византию. Другой путь по суше нес ее товары через Афганистан в Иран.

6. Самый шелк производился только на Дальнем Востоке — в Китае и отчасти в Японии. Интересен вопрос выработки шелка: процессы производства, определенные способы обработки сырья, рецептура производства, связанная с алхимией, особенности красящих веществ, употребляемых для отделки шелка. Тайна, окружавшая выработку шелка в «Небесной империи», вызывала желание ее разгадать, и соответственные попытки были сделаны согдами, эфталитами, тюрками.

7. В обмене участвовали Синьцзян, государство тангутов, народы и племена, смывые воинственными походами монголов. Караваны снаряжались представителями разных народов, в их вождении и в обмене товарами принимали участие арабы, армяне, славяне.

8. Роль восточных товаров — шелковых тканей, шелка-сырца, пряностей (гвоздика), ароматов (ладан) — в экономической жизни Западной Европы велика. Продажа, обработка и использование этих товаров занимают многие ремесленные цехи и торговые гильдии. Достаточно вспомнить о византийской Книге эпарха, о торговле Италии, Франции, Англии, Фландрии в средние века. В крестовых походах экономические, материальные интересы были непосредственно связаны с торговлей шелком и ароматами.

9. На «шелковой дороге» происходили тесные взаимные культурные контакты между народами, обмен различными идеологическими представлениями, столкновения обычаев, нравов и традиций. Отсюда и распространяются рассказы о диких зверях, растениях, камнях, сообщения о чудесах, путешествиях, о невиданных странах.

Встречи на «шелковой дороге» породили знакомство и заимствования в области архитектуры и искусства. Именно в оазисах этой дороги найдены рукописи, свидетельствующие о путях проникновения алфавитов, здесь наличествуют смешанные написания, заимствования в языке, усвоение чуждых слов, терминов. Особое значение имеет вопрос о взаимопроникновении разных религиозных систем, их встречах и взаимном влиянии на великом торговом пути. «Шелковая дорога» разрушает миф об особом, совершенно обособленном, недоступном для посторонних влияний развитии Китая, который был связан этой магистралью с целым миром «Запада» — Средним и Ближним Востоком, с Европой.

МЕСОПОТАМИЯ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКУЮ И ПАРФЯНСКУЮ ЭПОХИ

Источниками истории Месопотамии в эллинистическое и парфянское время в первую очередь являются греческие и римские историки, сохранившие сведения вообще об этом периоде.

Немногие данные об экономическом состоянии и социальных отношениях в южном Междуречье могут быть извлечены из клинописных табличек, отмечающих частноторговые сделки и банковские операции. Сведения о Вавилоне IV в. до н. э. дают две клинописные хроники этого времени, сохранившиеся лишь фрагментарно.

Для парфянского времени выдающееся значение имеют немногочисленные надписи из

Пайкули, в которых парфянский пехлеви зафиксирован системой арамейских идеограмм.

Существенны сведения о конце II в. до н. э., сообщенные Чжан Цянем, китайским послом, побывавшим в Средней Азии и в отдельных областях Парфии.

Выдающееся значение имеет изучение монет этого времени, которое способствует не только установлению точных дат, но дает возможность указать, в каких городах производилась чеканка. Изображения и легенды на монетах приводят к выводам решающего характера по политической и социально-экономической истории Месопотамии.

Среди памятников материальной культуры главное место принадлежит добытым на раскопках в Дура-Еуропосе, небольшой крепости на Евфрате. Здесь удалось открыть целый город со зданиями, многочисленными надписями, фресками. Найдены утварь, монеты, рукописи на греческом, латинском и арамейском языках.

Перечисленные памятники являются специальными источниками для истории Месопотамии.

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

Необходимость решительно покончить с исконной помехой эллинистической экспансии в Азию была прекрасно понята Александром. Борьба с Персией Ахеменидов привела его в Малую Азию (334 г. до н. э.), покорение которой было только первым этапом борьбы. Прибрежные малоазиатские города без осложнений перешли в подданство Македонии, так как власть персов была номинальной. Осенью 333 г. битва при Иссе (Киликия) открыла Александру путь в Финикию. Летом 332 г. был взят Тир. С 331 г. греко-македонцы стали твердой ногой в Египте. Осуществление этого плана лишало персидский флот его базы и облегчало условия для продвижения войск Александра в глубь Азии, в Междуречье в первую очередь. Его задачей было нагнать Дария и окончательно разбить его силы. Обойдя сирийскую пустыню и продвигаясь по пути Тир—Дамаск—Хомс (Эмесса), греко-македонские войска достигли Топсака на Евфрате в июле 331 г. Жаркое время года вынудило Александра следовать дальше по северной дороге, через Нисибю (Нисибин) на Арбелу (Ирбил, Ербил). В 18 милях к северо-востоку от древней Ниневии (Мосул) у небольшого селения Гавгамелы 1 октября 331 г. произошла решительная битва. Войска Дария после сражения при Иссе были значительно пополнены. Конница составляла главную силу его армии, она слагалась из конных персидских полков, кадусиев и других союзников Дария с Яксарта (Сырдарья), жителей Бактрии, Согдианы и Арахозии. Последняя предоставила и вооруженных слонов, особенно страшных для пешего войска. Александр располагал не более чем 7000 конного и около 40 000 пешего войска. Перед боем греко-македонские войска отдохнули, персы же провели ночь в бодрствовании. Удачный фланговый маневр дал Александру преимущество. Персидским войскам был нанесен решительный удар, они обратились в беспорядочное бегство, преследуемые македонцами. Только у Арбелы остановил свое продвижение Александр: было очевидно, что персидская армия оправиться от тяжелого поражения уже не могла.

О защите южного Междуречья Дарий уже не думал. Бывший сатрап Киликии и Сирии Мазей отступил со своими отрядами в Вавилон, на правый берег Евфрата. Старые стены города не могли служить действенной защитой. Считая дело потерянным, Мазей сам вышел на встречу Александру и был вознагражден: он был назначен сатрапом Вавилонии. Военное и финансовое управление новой провинцией было, впрочем, поручено двум македонцам.

Точно так же поступил Александр и в Сузах, где ему достались неисчислимые богатства сокровищницы персидских царей. В конце 331 г. греко-македонские силы двинулись в глубь Ирана; со взятием Персеполя власть Ахеменидов окончилась. В дальнейшем настойчивое сопротивление было оказано только в Бактрии и Согдиане. С берегов Инда через Гедрозию и Карманию Александр возвращался обратно, остановившись вновь в Сузах. Весной 323 г. Александр прибыл в Вавилон, не столько занятый организацией своего огромного и сложного государства, сколько сборами в новый поход, в Аравию, но переутомленный организм 33-летнего царя не выдержал лихорадки: Александр умер 13 июня 323 г. в вавилонском дворце Навуходоносора.

Еще при нем завоеванные области получили единообразное административное управление, в котором выражено стремление разделить военную и финансовую власть. Если во главе провинций Александр ставил сатрапов, то они рассматривались как чиновники, которые обязаны были соответствующим отчетом. Зимой 331 г. в Междуречье были установлены две сатрапии — Месопотамия (северная) и Вавилония (южная). При Ахеменидах — Кире, Камби-

зе, в первые годы Дария — все Междуречье составляло одну административную единицу, вавилонскую сатрапию, в состав которой входила и Адиабена, область к востоку от Тигра, тяготевавшая к городу Арбела. Две македонские сатрапии Междуречья имели собственные географические наименования: северная часть — Ассирия, южная — Вавилон. Первая получила на греческом название «Сирии междуречной», отчего ее стали называть сокращенно Междуречьем, Месопотамией, обозначая только северную часть пространства, заключенного между Тигром и Евфратом. При делении сатрапии в 321 г. в Трипарадейзе к Месопотамии была присоединена Адиабена. На восток от Тигра при Селевкидах была организована самостоятельная административная единица, названная Паропотамией (Polyb. V, 48, 16; 69, 5).¹

Известно, какое исключительное значение в истории имеет основание городов. Эпоха Александра и его преемников была временем, когда возникновение новых городских центров в Передней Азии шло особенно оживленно. Обычно город строился не на пустом месте, уже существующее селение укреплялось, обносилось стеной, в пределах которой закладывались новые здания государственного и общественного назначения. Менялось юридическое положение селений, они получали права полиса и новое имя, данное основателем. Старое название обычно не забывалось, оно продолжало бытовать наряду с новым. Можно указать на ряд крупных городов в Месопотамии и Вавилонии, часть которых была основана в эллинистическую эпоху и продолжала существовать в поздней античности и в средневековье. На пути из Антиохии сирийской на Эдессу и Нисибю при переправе через Евфрат находятся Зейгма на правом и Апамея на левом берегу. Последняя была отстроена Селевком I Никатором (311—280 гг. до н. э.) на месте современного селения Беречик и получила имя его жены. Возможно, что Батнан, или Серуг, был известен Плинию (V, 24, 86) и Страбону (16, 747—748) как Антемузий, топонимически связанный с Македонией, и как Македонуполис, местоположение которого в Месопотамии все еще не установлено. Никефорион (Калиник, Ракка) связывается традицией с Селевком I Никатором, как его основателем; это крепость, имевшая важное стратегическое значение. Одна из главных дорог из Дамаска в Месопотамию пересекала Евфрат у селения Дура. Военачальник Александра Никатор превратил это селение в крепость, «греки называют этот город Еуроπος», — говорит о нем Исидор. В настоящее время раскопки в Дура-Еуропосе дали исключительно интересные данные, существенные для истории Передней Азии. Древний город Осроена (Орхай, Орфа) в эллинистическое время получил название Эдесса и дополнительно имя Антиохии, впрочем быстро исчезнувшее. Эллинизация Эдессы связывается со временем Селевка I и Антиоха IV (175—163 гг. до н. э.). В Харране (Карры), стоявшем на перепутье дорог из Эдессы в Никефорион и из Батнана на Феодосиополь (Решайну), была македонская колония. Жители ее помнили об этом еще в римскую эпоху, во время похода Помпея. Древний город Междуречья Нисибия в эллинистическое время был известен и под именем Антиохии Мигдонийской. В течение нескольких столетий здесь существовала македонская колония; при Антиохе IV Нисибия получила права полиса.² В центре Междуречья, где Тигр и Евфрат сближаются, чтобы вновь разойтись в нижнем своем течении, находятся Селевкия и Ктесифон, разделенные Тигром. Будущая столица парфянских царей представляется Страбону (16, 743) селением, но уже писатели II в. н. э. считают Ктесифон эллинистическим городом. Селевкия, с которой он сливался своими предместьями, была основана Селевком I на месте старого, еще вавилонского города Опис, известного в качестве крупного торгового центра. Географическое положение, ремесленно-производственное значение Селевкии сделали ее столицей селевкидской Месопотамии.

Более того, древний Вавилон захирел от присутствия этой блестящей соседки, даже часть его жителей была насильно переселена в Селевкию. Тем не менее и в эллинистическое время Вавилон обновлялся, на что указывает обнаруженный в нем при раскопках амфитеатр.

В южной Месопотамии можно указать еще на Апамею — город, возникший в эллинистическое время. Центром сасанидской провинции Бет-Гармай был город Карка де бет Селох (в последней части названия предполагают сокращение имени Селевка — Селох). Помимо этого, можно назвать много небольших селений, крепостей, фрурий, стоянок, расположенных вдоль военно-торговых магистралей Передней Азии, скрещивавшихся в Двуречье. Они обнаружены археологическими разысканиями, указывающими на то, что эти пункты, существовавшие в римское время, возникли в эллинистическую и парфянскую эпохи, а в ряде случаев и задолго до них. Необходимо иметь в виду, что в Двуречье древняя ассирийско-вавилонская культура оставила глубокий след, свои традиции, высокое развитие ремесла и торговли. После завоеваний Александра новой была лишь организация города как государственного объединения,

как полиса, который составляли свободные граждане. Образование новых городов происходило на основе старых селений и старых же городов. Новые здания строились рядом со строениями уже существовавшего селения, становившегося теперь пригородом или предместьем. Организация полиса, в состав которого не входили ни чужеземцы, ни рабы, была обусловлена наличием греческого населения, греко-македонской колонии, которой предоставлялись права полиса. Синойкизм (слияние нескольких селений в единую новую организацию) имел, по видимому, место в устройстве Селевкии, Урбанизация была в то же время и эллинизацией новых областей, способом их ассимилировать и колонизовать. Для царя это было наиболее действенным способом утвердить свою экономическую мощь и политическое господство. Город выплачивал царю определенную сумму податей, а земля, предоставляемая городу, была собственностью царя.

В новых городах и Александр, и его преемники селили военнопленных, обычно далеко от родных мест. Раненых и больных воинов из греко-македонской армии также оставляли в городах, где они укрепляли имевшиеся греческие колонии, так как основным населением этих центров было восточное население. Естественный рост городов был возможен только при участии местного населения. Широкая возможность открывалась и для дальнейших переселений из Эллады и Македонии. Известны факты принудительного переселения из одного города в другой, как это имело место при Селевке I Никаторе из Вавилона в Селевкию, или из отдаленных областей в город, как это известно про Тигранокерт, пополненный за счет 12 городов Каппадокии и варварских народов Адиабены, Ассирии и Гордиены. Новые эллинистические колонии возникали среди восточного населения (сирийцев, арабов, армян). Рассыпанные по селениям и укрепленным пунктам, они оставались верными своему языку и культуре. Греческий язык был языком городов, языком правящей верхушки, войска, пришельцев-колонистов, но местные восточные наречия и письменность не уступали своего места. Разные этнические элементы в значительной части смешивались, о чем говорят греческие и арамейские надписи и граффити в Дюра-Еуропосе. Но можно отметить и то, что через 250 лет после основания часть жителей Карры считала себя македонцами и гордилась этим. Социальная основа жизни Востока, экономические связи и отношения сохранялись незабываемыми и после завоевания Александра. Деревня оставалась верна родному языку и традициям.

В Междуречье арамейский язык сохранил права гражданства наряду с греческим. Насколько неизменно протекала жизнь в глубине провинций, свидетельствуют поздние клинописные памятники из Вавилона. Это частные деловые документы: контракты, денежные сделки, запродажные. По старому вавилонскому образцу крестьянину выдается расписка в получении от него такого-то количества зерна. Письменно подтверждается предоставление известного числа рабов для перестройки и ремонта храма. Основой благосостояния верхушки оставалось в полной мере рабовладение. В южной части Междуречья, собственно Вавилонии, пульс жизни продолжал биться. Наиболее плодородная область ее начинается именно от места сближения Тигра с Евфратом. Оросительные системы продолжали действовать, как и сложные шлюзы на Тигре. Приходившие сюда в качестве воинов македонцы брались за свое исконное занятие — земледелие.

Последние месяцы жизни Александр был занят заботами о водных магистралях нижнего Междуречья, приведением в порядок ирригационной системы. Близ Вавилона он задумал вырыть гигантский бассейн, чтобы туда могли заходить суда, и построить там доки. При Александре и диадохах Вавилон пользовался большой славой, роскошь его садов и дворцов была исключительной. В нем, как и в других городах, затевались грандиозные постройки крепостей, стен, амфитеатров, храмов. Для этой цели использовался труд рабов, о чем свидетельствуют клинописные таблички IV в. из Вавилона.

Большое значение имел тот факт, что и Александр, и первые Селевкиды располагали огромными массами военнопленных, обращенных в рабов и выполнявших эти грандиозные работы. Они составляли резерв, из которого непрерывно черпались силы для осуществления публичных работ. Хотя греко-македонскому населению и должно было принадлежать главенствующее положение, но несомненно выдающуюся роль в дальнейшем развитии экономической мощи Востока сыграло местное население — персы, сирийцы, армяне, халды, евреи.

С 321 по 316 г. до н. э. сатрапом Вавилонии был Селевк. В 280 г. до н. э. он умер уже царем Сирии, Месопотамии и Ирана. Двуречье стало центром его государства, а в Селевкии, намечавшейся столице, скрещивались многочисленные пути, связывавшие Дальний Восток со Средиземноморьем. «Царский путь» из Средней Азии в Селевкию и далее в Антиохию не за-

растал, его оживление способствовало развитию торговых отношений, ремесла и всякого рода производства в этих областях.

Основное население возникшей на месте древнего Описа на Тире Селевкии составляли сирийцы и отчасти евреи. Как в центре сатрапии, в ней находился стратег и эпистат города, ведавший гарнизоном. Греческая часть населения была организована в полис, с обычным советом 300 и герусией. Сирийцы и евреи имели самостоятельное, независимое от полиса положение, составляя свои особые корпорации. С течением времени город получал самостоятельность, в некоторых случаях землю, примыкавшую к городу, и, наконец, право чеканить монету. Существенные подробности о жизни Междуречья сообщает фрагментарно сохранившаяся Вавилонская хроника 321—312 гг. до н. э. Антигон в ожесточенной борьбе с Селевком разграбил Вавилон и прилегавшую к нему область. В 315—314 гг. положение населения было настолько тягостным, что хроника упоминает о ценах на зерно, отмечая его исключительную дороговизну. Самой цены не сохранилось, так как табличка дефектная. Другой исторический документ относится ко времени царствования Антиоха I Сотера, к 276—274 гг. Борьба между селевкидской монархией и Египтом, возглавлявшимся Птолемеем II Филадельфом, настолько обострилась, что потребовала присылки подкреплений из Аккада, как называет Вавилонскую сатрапию клинописный текст. В месяце адаре (марте) 36 г. эры Селевкидов (276 г. до н. э.) военачальник собрал всю царскую армию Аккада, от первого до последнего, а в месяце нисане (апреле) она пустилась в путь, чтобы оказать поддержку армии Антиоха. Из Междуречья, следовательно, были взяты все военные отряды, обычно стоявшие в городах. Кроме того, сатрап Бактрии был вынужден послать Антиоху в Эбернари (Сирию) 20 слонов. Наконец, оказалось необходимым и всяческое снаряжение для армии, поэтому из Вавилона и Селевкии было послано множество тканей, упряжи и прочего снаряжения. Сверх того, 24 марта сатрап Аккада послал царю множество серебра, вследствие чего в Вавилоне и других городах Месопотамии в ходу оказались только медные деньги, которые хроника называет греческими. Отсюда можно сделать вывод, совпадающий и с данными нумизматики, что в богатых областях Междуречья чеканили преимущественно серебряную и золотую монету. Сообщение хроники лишний раз указывает на богатство этих областей и их экономическое значение в государстве Селевкидов.

Сатрап Аккада и магистраты возвратились в столицу в 9-й день адара 37 г. по эре Селевкидов (275 г. до н. э.). 12 тишри (октября) был издан рескрипт, предписывавший жителям Вавилона переселиться в Селевкию. Переселение носило принудительный характер, а в соответствии с этим были реквизированы посевные земли, быки, овцы, предоставленные городу и селениям по воле царя 32 года тому назад. Теперь это было отнято и стало частью царского имущества. Факт этот говорит о наличии и росте собственного царского хозяйства. Еще Антигон (315—301 гг.) запретил вывоз зерна из городов своего государства, он вывозил его сам из царских имений. В качестве крупного поставщика зерна, экспортировавшего его монопольно, он получал большие средства.

Конфискация когда-то предоставленных городу земель делала их вновь собственностью царя. Отсюда становится очевидным, что завоеванная территория считалась царской, что городам она давалась в пользование лишь условно. За 32 года земля не сделалась собственностью города и по первому рескрипту перестала его обслуживать, вновь став царским поместьем. Во взаимоотношениях полиса и царя доминирующее положение принадлежало последнему, земля предоставлялась городу только в пользование. Автономия города была относительной, самоуправление касалось лишь внутреннего распорядка, а распорядителем судеб города был царь. Это ясно из требований предоставить различные предметы, вещи, серебро, наконец, практики насильственных переселений. Оставшееся в Вавилоне население получало материальную поддержку только от изготовления кирпича для восстановления храма Эсагила. Масовое выселение, отнятая у города сельская территория были не последними бедствиями; та же Вавилонская хроника сообщает о постигшем эти области голоде. Голод был настолько велик, что родители продавали детей «за серебро» и «народ умирал от голода». Такими сообщениями заканчивается эта клинописная табличка.

Междуречье и в III в. до н. э. оставалось центральной и оживленнейшей областью государства Селевкидов. На западе приходилось вести борьбу с Египтом Птолемеев за прибрежные города Сирии. На Востоке зарождалось сопротивление иранского населения и возрастало могущество парфян. В Вавилоне некоторое оживление наступило вновь при Антиохе IV Епифане (175—163 гг.), о чем свидетельствует соответствующая надпись. Город пополнился греческим населением, во главе управления находились стратег и эпистат. Отдельные новые зако-

нодательные акты исходили от царя, но в ежедневных отношениях и связях крепко держалось старое.

Ремесло и торговля оставались и в этот период на значительной высоте. Торговые соглашения следуют вавилонским формам, сохранились старые банки, занимавшиеся денежными операциями, видное хозяйственное значение остается за храмами. Некоторые клинописные таблички этого времени содержат двойные — греческие и вавилонские — имена, что говорит о смешении колонистов с местным населением. Для нижней Месопотамии язык и клинопись Вавилона и в эллинистический период сохраняют за собой положение второго официального языка и общепризнанной письменности. Те же тексты не оставляют сомнения в том, что основой благосостояния верхушки общества было рабовладение. Земледелие велось, однако, и руками крестьян-арендаторов, выплачивавших землевладельцам и казне соответствующую ренту. Немалый экономический вес в общей экономике имели царские поместья, обрабатывавшиеся трудом рабов и свободных крестьян-арендаторов. Город был также источником значительных доходов для царя, получавшего с него ежегодно большие суммы; в экстренных случаях — во время войн — город поставлял необходимое обмундирование, оружие и деньги.

Во второй половине II в. до н. э., при Антиохе IV, можно отметить оживление эллинизации восточных областей. В ее основе лежало давление со стороны греческих элементов, их стремление к экспансии. В конце IV—начале III в. перевес был явно на стороне греко-македонских элементов, поставленных в привилегированное положение, но исподволь Восток взял свое и потеснил греков. Оживление эллинизации выражало собой стремление вернуть утерянные возможности, укрепить экономические позиции для западной торговли.

Между тем назревали новые политические факторы. В III в. до н. э. управлять Бактрией и Согдианой из Антиохии стало невозможно. Порученная около 250 г. одному из военачальников Антиоха II, Диодоту, эта сатрапия пользовалась относительной самостоятельностью. После Диодота до 227 г. под именем Диодота II правил его сын. Но в Иране росли новые силы. Арсак, глава кочевого племени парнов, входивших в сообщество дахов, начал объединение Парфии борьбой с Андрагором, представлявшим военную власть Селевкидов. Тиридат, брат Арсака, успел захватить Гирканию и Парфию. Так образовалось Парфянское государство.

Поход Селевка II, собравшего армию в Вавилоне и двинувшегося на Тиридата в 228 г., был неожиданно прерван вестью о восстании в Антиохии. Тиридат сохранил за собой господство в Прикаспийских областях до 211 г., года своей смерти. При его сыне Артабане I (умер в 191 г.) Селевкиды продолжали пытаться покончить с Парфией, но безуспешно. Одним из крупнейших государств Передней Азии Парфия становится при Митридате (171—137 гг.), чему не могла помешать и активность Антиоха IV. Митридат последовательно присоединяет Гедрозию, Сеистан, Арию с Гератом; завоевание Элимаиса и Мидии делает для него доступным Междуречье. В 142 г. в руках Митридата оказывается Вавилон, в июле 141 г. Митридат захватывает Селевкию, а в 140 г. вавилонские клинописные документы воскрешают титул Ахеменидов, чтобы назвать парфянского владыку «царем царей». Началом новой парфянской эры в Вавилоне считали 1 нисана (апреля) 247 г.

ПАРФЯНСКОЕ ВРЕМЯ

С момента, когда Двуречье оказалось в руках парфян, конфликты с Западом стали неизбежны. Антиох VII Сидет (139—129 гг.) трижды разбил парфянское войско, имевшее подкрепления из сакских наемников, занял Селевкию и Вавилонскую сатрапию (130 г.). Зимой он провел в Экбатане (Хамадан), но Фраат II, сын Митридата, оказал сопротивление и вышел победителем. Между тем северо-восточную границу Парфии перешли саки. Войска Фраата были разбиты, и сам он пал на бранном поле в 129/28 г. Его наследник Артабан II тоже погиб (124 г.) в борьбе с наступающими саками, захватившими Арию и Сеистан. В Месопотамии Артабан поставил сатрапом Гимера, жестокое правление которого вызвало недовольство в Селевкии и других городах. Известно, что он продавал жителей Вавилонии в качестве рабов в Мидию.

После 129 г. у Персидского залива образовалось возглавляемое арабами государство Харакена. Его царек Гиспаозин в 127 и 128 гг. владел Селевкией и Вавилоном, как об этом свидетельствуют монеты. Но Гимер вновь захватил эти области и принял титул царя. Его возвышению способствовало особенно тяжелое положение остальных парфянских провинций, которым угрожали саки. Митридат II, сын Артабана, привел к повиновению Харакену и вновь захватил Вавилонию (122/21 г.).

Около 115 г. парфянам удалось сломить владычество массагетов, так что в их руках

оказались Ария, Трансоксиана и Мерв. Только сакарауки остались в Согдиане и своей столицей считали Бухару. Парфия стала твердой ногой на перепутье торговых дорог в Индию и Китай. Митридат торжественно принял посла «Срединной империи». Император У Ди из династии Хань хотел укрепить отношения с Парфией, чтобы беспрепятственно вести торговлю; «шелковая дорога» тянулась теперь через ее владения. Международное значение Парфии в 92 г. было признано и Римом, с которым Митридат завязал сношения, отправив посольство. Он покорила также нарушавшие покой Месопотамии арабские племена, поддерживаемые Антиохом IX. В 87 г. поставленный им правитель принял участие в междоусобной борьбе в Сирии и захватил Деметрия III Эвкаяра. В Месопотамии Митридат организовал три вассальных княжества. Адиабена и Гордуена (племена кадуки или кадусии) стали самостоятельными в момент общего смятения и ослабления власти Селевкидов. Еще в 132 г. по инициативе селевкидского правителя иранского происхождения Осроя образовалось небольшое княжество Осроена. В 127 г. там царствовал Абубар Мазур, родоначальник арабской династии, которая в течение нескольких столетий возглавляла Осроену, до того как страна вошла в состав Римской империи.

Границы государства Митридата не могут быть точно обозначены, во всяком случае западный берег Евфрата входил в состав его владений. Ему принадлежали Зейгма и Никефорион. Тем не менее данные нумизматики указывают на сложное положение в Парфии. В 108 г. за Митридатом утвердился титул «царя царей»; между тем в 89 г. Готарз I считал себя царем Вавилона. После смерти Митридата в 88/87 г. армянский царь Тигран захватил Гордуэну с Ниневией и Адиабену с Арбелой. Известно, что около 80 г. вавилонским царем был Ород I (Ирод). Между 77 и 70 гг. сакарауки, вторгшиеся в Парфию, удерживали на престоле «царя царей» своего ставленника. С 64 г. это звание получил Фраат III, считавший своей столицей Вавилон.

Борьба за северные области Месопотамии между Фраатом и Тиграном была отдана на суд Помпею. За первым осталась Адиабена, за вторым — Гордуена и Нисибия. Власть над массагетами и в прикаспийских областях Фраат не удержал, но за ним остался Мерв, а Оке был границей между сакарауками и парфянами. Утеряны были и Систан с Арахозией, из которых образовалось индо-парфянское государство, хорошо известное китайским писателям I в. до н. э.

В 58/57 г. Фраат III был убит своими сыновьями, которые тотчас начали между собой борьбу за престол. В Иране Ород вытеснил Митридата, который временно втянул в свою игру проконсула Сирии Габиния. Римский военачальник после победы над Набатеей двинулся весной 55 г. в Египет. Междоусобие вновь отдало в руки Митридата Селевкию и Вавилон, а Ород отбил их, причем Вавилон сдался после длительной осады, вынужденный к этому голодом. Митридат был казнен братом осенью 55 г.

Между тем Парфия очутилась перед новым врагом — Римом. По предложению Помпея, 60-летний Красе был назначен в Сирию для ведения парфянской войны. Его союзниками были Абгар II, царь Осроены, Алхаудоний, представитель арабской династии, господствовавшей над полукочевыми арабскими племенами, вероятно арабами-скинитами, жившими к западу от Евфрата. Третьим союзником Рима был царь Армении Артавазд.

Красе весной 54 г. находился в Сирии. В том же году римские войска перешли Евфрат и без особого сопротивления захватили города вдоль р. Балиха (Велик) до Никефориона. Исключение составило небольшое селение Эснодотион, которое было взято штурмом. На зиму основная часть легионов возвратилась в Сирию, а по 2 когорты из каждого легиона были оставлены для охраны захваченных в Месопотамии городов, всего 7000 человек и 1000 коней. В то же время Красе реквизировал золото Иерусалимского храма и богатства храма богини Атаргатис в Иераполе (Мембидже). Весной 53 г. Ород потребовал объяснения у Красса относительно похода, а на заявление, что ответ будет дан в Селевкии, надменно приказал сказать, что «прежде вырастут волосы» на пальме, показанной послам, чем он увидит Селевкию.

У Зейгмы Красс перешел Евфрат, имея при себе 7 легионов (около 28 000 человек), 4000 всадников и столько же легковооруженных. Помимо того, его сопровождала конница восточных союзников. Ород двинулся во главе своих войска на границу Армении, защита Месопотамии была им поручена 30-летнему военачальнику, носившему имя знатного и могущественного рода Сурен (собственное имя его осталось неизвестным). Последний имел в своем распоряжении 1000 всадников и 1000 верблюдов. Римские войска начали продвигаться на Харран по одной из северных дорог в Месопотамии, приспособленных в большей степени для караванов верблюдов, чем для движения войска. Путь этот был указан Крассу Абгаром, которо-

го римские историки обвиняют в предательстве. Быть может, действительно было разумнее двигаться по течению Евфрата, около воды, по пути на Никефорион, как это предлагал квестор Кассий, не стремясь тотчас пересечь Междуречье. В Селевкию вело много дорог, и любая из них могла представлять опасность при нападении парфян. Возможно, что от Абгара, друга Помпея, исходил не предательский совет. 6 мая 53 г. Красс достиг Балиха между Харраном и Ихной. Войско было настолько измучено усталостью, голодом и жаждой, что вполне понятны сохранные источниками насмешливые слова Абгара: «Не полагали ли римляне, что им предстоял путь по Кампании». Еще до этого Артавазд отказался оказать помощь Крассу. Как только стало известно, что парфянское войско приближается, римлян покинули арабская конница Алхаудония и полки царя Осроены. Последний, судя по его едким словам, имел достаточно отчетливое представление о состоянии римских легионов и ввиду опасности постарался скрыться.

Красс успел построить войска в боевой порядок, отдать приказание. Парфяне метали стрелы с исключительным искусством. Римляне не смогли оказать сопротивления и верблужьей кавалерии, представлявшей грозную силу восточного войска. К закату войска Красса начали отступление, темнота мешала парфянам метать стрелы. 4000 раненых были оставлены на поле битвы. Харран, куда направился Красс, не мог стать подлинной защитой: там не было необходимого количества продовольствия. Римское войско было деморализовано, часть его двинулась с Крассом к подножию гор Армении (город Синнака), но парфяне продолжали их преследовать. Сурен добился переговоров с римским командованием, во время которых произошли недоразумения, приведшие к столкновению, жертвой которого пал Красс. Ограниченное число римлян осталось с Кассием на границе, а около 10 000 было взято в плен парфянами и уведено в Мерв. В Селевкии Сурен устроил пародию на римский триумф. Поражение Красса послужило также темой для насмешек в греческой трагедии, написанной Артаваздом. Сама Армения стала союзницей Парфии, мощь которой была теперь восстановлена, так что и северные области Междуречья с Нисибией и Гордуэной были присоединены к ней вновь. Но подготовленный Ираном удар против Сирии в 52 и 51 гг. не увенчался успехом. Предприимчивый Сурен был убит: он казался Ороду слишком удачным полководцем и стал жертвой его подозрительности. Сын Орода Пакор со своей кавалерией только потревожил Киликию и границы Каппадокии. Парфяне оказались беспомощными перед стенами и крепостными сооружениями Антиохии. Возможно, что их экспедиция носила характер легкого похода, налета, который они делали, чтобы разграбить наиболее богатые области, в том числе и предместья Антиохии. В 50 г. иранская конница вернулась за Евфрат.

В 38/37 г. Ород был убит собственным сыном Фраатом IV, захватившим престол. Положение представлявшего Рим Антония, которому было поручено уладить дела на востоке, было трудное. Армения тяготела к Парфии. Манезий, принадлежавший к парфянской знати, имел крупные земельные владения в Месопотамии. Он на время предательски связал себя с Антонием, чтобы затем изменить ему. План кампании был намечен так, чтобы отторгнуть Вавилонию от Парфии, но осуществить его не удалось. Весной 36 г. Антоний покинул Зейгму и направился на север вдоль Евфрата через Мелитену к Карану (Эрзеруму). Он располагал войском в 60 000, с большим количеством кавалерии: около 6000 армянской конницы и около 10 000 галльской и испанской. Из Карана он двинулся на восток, но его задерживал обоз, растянувшийся на большое расстояние. Для его охраны Антоний выделил часть легионов, но не создал им должного командования, вследствие этого парфянские войска, обойдя основную массу римских сил, обрушились и захватили обоз, этим была предрешена их победа. У города Фрааспа Антоний оказался бессилен что-либо сделать, а в октябре наступили холода. Началось бесславное отступление по пути к Тавризу, куда римское войско повел парфянский перебежчик. С большими трудностями войска достигли Армении. Отсюда Антоний стал просить помощи в Египте, у Клеопатры. Войско было в тяжелом состоянии, холодная снежная зима погубила около 8000 легионеров. Теплая одежда и припасы, доставленные из Египта на судах, пришли своевременно, но ничто не могло возместить поражения армии Антония, карьера которого была кончена. Изменение наступило в 30 г. до н. э., когда в Сирию прибыл Август, чтобы дать новое направление восточной политике Рима.

Управление большим парфянским государством осуществлялось через правителей, или сатрапов, поставленных во главе провинций. Административное деление частью сохранило старое деление царства Ахеменидов и затем Селевкидов. Но сатрапии подразделялись на более мелкие единицы — епархии, или округа, во главе которых ставились гражданские или военные

правители. Поземельный учет для распределения налогов был сосредоточен в более мелких центрах епархий, называемых греческими источниками *σταθμοί*. В ряде случаев положение правителей было настолько самостоятельным, что они превращались в вассальных князей и царьков. Центром государства была Мидия, а летней резиденцией царя город Экбатана. Но только власть над Междуречьем сделала из Парфии державу мирового значения. Зимовали цари в Вавилоне, и со времени Фраата III западная граница приобретает особенно важное значение.

Царь был окружен многочисленным двором, родовой знатью, личной военной охраной. Особенно близко к нему стояли семь именитых родов. Совет знатных (*προβούλοι*) и второй совет из мудрых людей и магов, т. е. парфянского жречества, составляли часть центральной государственной власти. Часть государственных должностей, по-видимому, была наследственной для данного рода, как для родов Сурен и Карен. Войско, преимущественно конное, состояло из свободных и знатных парфян, причем вассальные цари и князья имели собственное войско, которое выступало под их началом, составляя часть всей парфянской рати. Для последней поставлялись табуны превосходных лошадей, родиной которых была Мидия. Парфяне славились как стрелки, они метали стрелы с исключительной меткостью и силой. Как воин, так и конь были защищены кольчугой (это превосходно видно на примитивном рисунке из Дура-Еуропоса). Подсобную службу в армии несли, по-видимому, рабы.

Рабство следует считать основной формой производственных отношений в Парфянском государстве. Об этом говорит факт массовой продажи вавилонского населения в Мидию в качестве рабов сатрапом Гимаром в начале II в. до н. э. В восточных областях Парфии было развито скотоводство, в западных, особенно в Междуречьи, процветало земледелие, причем было широко распространено разведение огородов, фруктовых садов и виноградников.

Значение Междуречья, лежащего на перепутье торговых путей, соединявших Запад с Востоком, не изменилось и в парфянскую эпоху. Несколько осложнилось положение только в конце II в. и начале I в. до н. э., когда вовремя политических неурядиц и междоусобии была ослаблена защита торговых магистралей. Арабские племена безнаказанно грабили караваны, водить которые становилось опасным. Вследствие этого отмечается некоторое оживление обходных морских путей из Персидского залива к берегам Индии. Селевкиды, лишившись Малой Азии, оживили торговую жизнь финикийского побережья, возобновившего непосредственный обмен с Грецией. Одна из дорог от Персидского залива шла по течению Тигра в Селевкию, а оттуда на Дура-Еуропос и далее в сирийские торговые центры. Движение по Каспийскому и Черному морям развилось только в римское время. Завязав сношения с Дальним Востоком, Парфия ревниво оберегала свои права на них. Раннепарфянскую эпоху следует, однако, отметить как время свободного и живого обмена. Из «Срединной империи» товары шли через Синьцзян на Мерв, затем на Гекатомпил, Экбатану в Селевкию. В Месопотамии очень многолюдным был и тракт севернее Селевкии, который соединял Хатру с Нисибией и Зейгмой. Несколько оживленным был обмен, говорит появление китайского шелка в Сирии и Египте, наличие сирийских текстильных изделий в Монголии и монет Митридата II в Туркестане. Кроме шелка, высоко ценилась сталь китайской закалки, которую провозили через Мерв, откуда ее прозвание «мервская сталь». Из Вавилонии в «Небесную империю» ввозились страусы, прозванные «парфянскими птицами», подобно тому как гранаты там назывались «парфянскими фруктами». Напротив, персики и абрикосы стали известны в Иране от китайцев. Некий Чжан Цянь около 128 г. до н. э. привез на родину семена винограда и люцерны.

Участие городов Междуречья в торговых связях Парфии было самое живое. Если путь Персеполь—Кармания—Сеистан связывал Иран с Индией, то и Евфрат был непосредственно связан с Индом через Харакену. Город Харакс представлял собой разноплеменный и разноязычный торговый центр. Не потерял своего значения в парфянское время и Вавилон. Его эллинизация принесла богатые плоды. Клинопись уступила место новым формам арамейского письма в связи с заменой глиняных табличек пергаменом и отчасти папирусом. Астрономия и хронология — науки, созданные Вавилоном, продолжали развиваться. Китай заимствовал у них названия созвездий, а греки в своих математических исследованиях опирались на данные вавилонской науки.

Среднеиранский язык, получивший название парфянского пехлеви, был государственным языком в Парфии. Но немногие сохранившиеся на нем памятники написаны арамейским алфавитом по системе гетерограмм. Материалом для письма служил пергамен. Тот же Чжан Цянь отмечает поразивший его способ письма парфян на пергамене слева направо.

Сохранившиеся архитектурные памятники, скульптура, саркофаги говорят о высоком уровне развития искусства в Парфии. Иранское искусство этого времени имеет своеобразные черты, превосходящие изобразительное искусство эпохи Сасанидов. Чрезвычайно показательно, что пантеоны городов Месопотамии в парфянской время включают не только старых, местных богов, но предоставляют место египетским и греческим божествам. Зороастризм и маздеизм, исповедуемые парфянами, распространились далеко за пределы их государства в Понте, Коммагене, Киликии, Армении. В Иераполе, в Дура-Еуропо́се были храмы великой матери богов — Атаргатис. Там же поклонялись Ададу и Нанайе, а также Артемиде. Храм вавилонского бога Ану найден в сердце Парфии — Уруке. Бог Бел ассимилировался в Экбатане, Пальмире и Каппадокии. Совместное существование различных божеств говорит о глубоком взаимном влиянии и смешении иранских, вавилонских, арамейских, сирийских и греческих элементов. В Междуречье с его торговлей, развитыми ремеслами скрещивались все влияния, все религии, и с этой точки зрения оно представляет совершенно исключительный интерес.

ДУРА-ЕУРОПОС

Среди раскопок в Месопотамии самое видное место принадлежит раскопкам в небольшой крепости на берегу Евфрата, известной под двойным именем Дура-Еуропо́с. Первое ее имя семитическое, дуру — значит крепость вообще; второе имя — Еуропо́с — восходит ко времени основания ее как греко-македонского города при Селевке I. В жизни Дуры отражается, как в миниатюре, вся жизнь городов Междуречья. Дура принадлежит к числу так удачно названных «караванных городов» — городов, лежащих на сухопутных магистралях Передней Азии. Но среди них имеются такие города, как Пальмира, с ее изумительной архитектурой и скульптурой, с великолепными образцами украшений и тканей. В Дуре все несравнимо скромней, проще, нет дворцов, есть простые дома, нет памятников материальной культуры богатейшей верхушки, зато сохранились предметы, которыми пользовались люди среднего достатка. Высокие образцы пальмирского искусства в Дуре немногочисленны. Хотя общественные здания и храмы украшены замечательными фресками, но они гораздо скромнее украшений зданий из розового мрамора в Пальмире. Если в Пальмире удалось найти художественно вытканные материи, то в Дуре есть образцы примитивного текстиля и грубой шерстяной одежды. Раскопки в Дуре дают возможность наблюдать жизнь в более глубоких прослойках менее обеспеченных, более скромных слоев населения. То, что это был не только торговый и караванный центр, но и крепость, доказывают обнаруженные детали быта армии: сохранились казармы, вооружение, изображения воинов, имена многих из них.

Дура представляла собой древнеассирийскую крепость и селенхю, в котором Селевк Никатор, один из военачальников Александра, поселил македонских воинов. Тогда же она получила новое имя Еуропо́с, по одному из родных македонцам городов.

Со времени Селевкидов, вероятно и раньше, город был окружен зубчатой крепостной стеной, над которой возвышалась сторожевая башня. В разных направлениях из города вели дороги. выход на них был через охранявшиеся стражей ворота. Улицы пересекали друг друга под прямыми углами. Дома принадлежали гражданскому населению, преимущественно среднего достатка. В казармах располагался гарнизон. Один из частных домов был надстроен, увеличен, чтобы стать более обширным помещением, куда были поселены впоследствии римские военачальники, техники, как об этом сообщает надпись. Сохранились их имена на греческом языке; одна из надписей греко-семитическая. Другая группа имен — латинская, это воины или военачальники, оставшиеся в Дуре на зимовку. Эти имена, очевидно, относятся ко времени, когда город входил в состав Римской империи. Из общественных зданий имеются три римские бани, со всеми необходимыми подразделениями, к ним ведет римский же водопровод. Первоначальная постройка бань относится еще к парфянскому времени, они были только перестроены в римское время. Связь их с восточными банями более позднего времени очевидна. В центре города находились рыночная площадь и улица, по обеим сторонам которой тянулись лавки. Дура-Еуропо́с украшали несколько храмов, из которых особенно замечательно святилище богини Нанайи — Атаргатис, впоследствии ставшее и местом поклонения Артемиде. Синагога с ее замечательными фресками была построена значительно позднее, в 245 г. н. э.

Окружавшая город земля была поделена на экады и более мелкие надель — клеры (κλήροι). 20 клеров составляли экаду. К сожалению, неизвестно, как именно собирались подати и налоги с этих надель, но несомненно, что клеры были единицами для учета податей. Клеры — это собственно земельные надель, предоставленные воинам и их семьям, которые они об-

рабатывали в мирное время. При наступлении военной опасности, отрываясь от своего надела, воины обязаны были являться в полном вооружении. Воины, пришедшие на восток с Александром, в мирной обстановке возвращались к своему исконному занятию — земледелию. Их сыновья проходили специальное военное обучение и занимали освобождавшиеся после ветеранов места в военных частях. Так образовывалось сословие клерухов — солдат-земледельцев, земельные наделы которых переходили из поколения в поколение. Как и у себя на родине, македонцы были организованы, они составляли роды (γένη), во главе которых стояли генеархи. Крепкий род был сохранен до времени римских завоеваний.

Кроме того, непосредственные производители, держатели наделов, клерухи-арендаторы составляли группы, имевшие характер общины, во главе которой стоял один из них, выполнявший обязанности старосты.

Земля вообще была собственностью царя, наделы давались на время, и сохранившиеся письменные источники не оставляют сомнений в том, что если ближайших наследников у держателя надела не было, то надел его становился вновь собственностью царя. «Земля наделная» (γη κληρουχική) противопоставляется «царской земле» (γη βασιλική), но по существу земля клерухов была землей, временно им данной тем же царем. Доходами с земель царя ведали царские эконоомы. Как и в Вавилоне, в Дуре было немало земли, принадлежавшей храмам. Недвижимым и движимым имуществом ведал специальный казначей, с полугреческим-полуарамейским званием — газофилакт.

Как памятники материальной культуры, так и памятники письменности, сохранившиеся в Дуре-Еуропосе, не оставляют сомнений в том, что первоначальное его население было сирийским, арабским и иранским и что эти этнические группы составляли главную массу городского населения в селевкидский и в парфянский периоды. Это справедливо и для других городов Месопотамии, причем в восточном направлении увеличивалась иранская прослойка населения, в северном — армянская. В городе существовало несколько корпорации, группировавшихся по этническому признаку. Первое, и притом привилегированное, положение занимала греко-македонская группа. Это была аристократия города, она ближе всех стояла к царю, к управлению и составляла тот слой, из которого выходили высшие должностные лица города. Управление городом осуществлялось по греческой традиции. Самоуправление полиса налицо, так как имелся совет βουλή, состоявший из наиболее богатых, знатных или «мудрых». Греки в качестве «граждан» в собственном смысле слова устанавливали городские законы, которыми город руководствовался в повседневной жизни и которые были обязательны для всего города. Греческому законодательству подчинялся весь город, все его граждане. Тем не менее в основе жизни полиса лежали царские рескрипты, регламентировавшие общее его положение. Только что основанные и незначительные города не имели политической автономии и свободного самоуправления греческого полиса, они подчинялись правителю, или стратегу, специально назначаемому в город, а в последней инстанции — сатрапу провинции. Стратег города представлял исполнительную власть, он ведал также его охраной, был начальником гарнизона и воинских частей. Функции контроля, наблюдения за общим течением городской жизни были возложены на эпистата города.

Ремесленная жизнь города, торговые операции концентрировались в специальном банке, ведавшем всеми частными соглашениями, их регистрацией, упорядочением. Хранителем этого архива, куда заносились частные акты, был хреофилакт (χρεοφύλαξ). Свобода корпораций города носила чисто условный характер, фактически члены корпорации были прикреплены к своему занятию, к той этнической группе, к которой они были приписаны.

Глубокое взаимное влияние, диффузия между греко-македонским и восточным, преимущественно арамейским, миром сказались на ряде явлений. Если, например, греческие нотариальные акты написаны правильным и относительно чистым греческим языком, то резкую противоположность представляют граффити. Последние содержат многочисленные ошибки и написаны так, что совершенно очевидно, что писавшие лучше знали и говорили на семитских языках. Что касается деревни, то она говорила исключительно по-арамейски. Есть надписи, где греческий и арамейский тексты приведены параллельно.

Не избежал восточного влияния даже такой институт, как семья. Македонские семьи Дура-Еуропоса и в парфянское время составляли роды (γένη), которые крепко помнили свои родственные связи. Известен иранский обычай, практиковавшийся и в парфянскую, и в сасанидскую эпохи, вступать в брак с кровными родственниками близкой степени родства. В парфянское время письменными источниками засвидетельствованы в греко-македонских семьях

Дуры браки между близкими родственниками: дяди с родной племянницей, брата с сестрой и т. п. Нет сомнения, что это было иранское влияние, так как в Македонии такого рода браки не практиковались.

Явственно сказалось взаимное влияние и в области религии. Сирийская богиня, Великая Мать утвердила свой культ в Риме, обойдя все Средиземноморское побережье. Мембидж назывался греческим именем Иераполь в связи с ее великолепным храмом в этом городе, который стал святилищем и для греков. В Дура-Еуропосе культ богини Нанайи—Атаргатис был слит с культом греко-македонской богини Артемиды.

Дура-Еуропос, как и другие города Месопотамии, стоявшие на магистралях, соединявших Китай и Индию со средиземноморскими государствами, расцветал с оживлением торговли и хирел, когда она замирала. Во всех памятниках материальной культуры Междуречья, в языке, письменности, в религии — повсюду сказывается глубокое взаимное проникновение, слияние и смешение элементов Востока и Запада. Эллинизация Передней Азии и арамеизация ее греко-македонского населения во многих отношениях обусловили всемирно-историческую роль Ближнего Востока в последующее время.

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ В ПАЛЕСТИНЕ В РИМСКУЮ ЭПОХУ

Древняя религия Израиля прошла много стадий развития и претерпела много изменений, но на всем протяжении эволюции сохраняла верность одному принципу — закону. Христианская община, зародившаяся в недрах иудаизма, осознала себя как новое явление лишь после того, как вопрос об ее отношении к закону был поставлен на принципиальную основу. Проповедь Павла из Тарса победила обрезание, а с ним и другие установления «Моисеева закона» были признаны необязательными для христиан. Разрыв этот подготовлялся еще до Павла деятельностью апостола Петра и диакона Стефана. Это было прямым следствием того положения, которое занял Иисус, связавший свою деятельность с народными массами Палестины и вызвавший этим протест господствующих кругов. Новый завет как источник не разрешает тех противоречий, которые он констатирует. Действительно, как объяснить, что за Иисусом ходили толпы, между тем как постоянные споры между ним и книжниками и фарисеями не прекращались; как объяснить вечные упреки Иисусу в несоблюдении им закона, враждебное настроение в правоверной иудейской среде, нарастание которого привело к Голгофе. Кто составляет ту толпу, которая теснится вокруг Иисуса, следует за ним в пустыню и которую евангелисты называют «чернью» (*ochlos*), «грешниками» (*hamartoloi*), за общение с которыми так упрекают Иисуса фарисеи. Чем объяснить резкое расхождение народа и фарисеев в отношении к Иисусу; в чем были разногласия Иисуса и народа, с одной стороны, книжников и фарисеев — с другой? Обе стороны стояли на глубоко религиозной точке зрения, и из религиозного сознания возникали упреки фарисеев Иисусу и отповедь Иисуса книжникам. Но религиозное сознание образованных кругов и народных масс не совпадало. Их отношение к закону было различным.

В образованных слоях иудеев господствовали два течения — фарисейство и саддукейство; исследования о них в значительной мере закончены трудами ученых еще прошлого столетия: Деранбуром, Вебером, Когеном, Велльхаузенем.¹ Весь этот материал сведен у Шюрера.² Источники (Иосиф Флавий, Талмуд, Новый завет) не противоречат друг другу, и их позиция относительно закона и относительно друг друга совершенно ясна. Эллинизированные саддукеи были чужды народу, но влиятельны в правящих кругах. Фарисеи являлись партией, связанной с более широкими кругами иудейских масс, и, конечно, были целые слои народа, которые видели свой идеал в праведном фарисее. Этой книжнической, фарисейско-раввинистической среде мы обязаны почти всеми литературными памятниками эпохи. Памятники эти могут быть разделены на две группы, на так называемые апокрифы Ветхого завета и раввинистическую литературу (Талмуд). Те и другие источники, будучи связанными с образованным кругом, различаются своей тематикой, интересом, который для апокрифов лежит в эсхатологии, а для Мишны — в законе. Что строгое законничество фарисеев уживалось в них с верой в воскресение и в пришествие Мессии, засвидетельствовано как Псалмами Соломона, так и Деяниями апостолов (Гл. 23: 6—8). Древняя пророческая традиция Израиля породила две ветви: функция учительности отошла к книжникам, к учителям, а «пророчество» стало достоянием апокалип-

тиков. В апокрифах проявился интерес позднего иудаизма к вопросам будущей жизни. Они говорят пророческим, часто неясным языком о «тайнах вечности», о воскресении мертвых, о суде божием и об ожидаемом Мессии. Мишна полагает свое значение в ином — в научении, пояснении и установлении закона и отдельных казусов его выполнения; в эту сторону направлен и весь интерес памятника. Но как для Мишны не подлежит сомнению вера в будущую жизнь ('ōlām habā'), так и для апокрифов приверженность закону и необходимость его строгого выполнения являются исходным положением. Эти два основных интереса литературных кругов иудаизма, апокалиптический и законнический, для народного сознания не были равноценны.

Апокалиптика уходит своими корнями в самую глубину религиозного сознания масс. Мессианизм народного движения, выраженный проповедью Иоанна Крестителя и Иисуса, не подлежит сомнению, и он очень близок мессианизму апокрифов. Доказывать эту связь после блестящих работ Бальдерншпергера, Иоганна Вейса, отчасти Вреде уже нет никакой надобности. В вере в Мессию образованные круги иудейского общества, например фарисеи, и народная масса были согласны.

Иначе обстояло дело с отношением к закону. Вся литература иудаизма занимает здесь совершенно определенную позицию — строгой верности ему. Даже апокалиптические памятники, от которых, казалось, можно было бы ждать в этом отношении терпимости и большей широты, при анализе разочаровывают нас.

Написанные в последнем дохристианском и первом христианском столетии, апокрифы дошли до нас в греческих и латинских переводах, отчасти в различных восточных версиях — сирийских, эфиопских и др. Эллинистическое влияние на апокрифы заметно; уже одно то, что они переводились на различные языки, говорит о их близости живым интересам диаспоры. Но истинно универсальной тенденции, нового живого слова о законе, об обязанностях человека по отношению к Богу и ближнему мы здесь не находим. В апокрифах утверждается праведность тех, которые строго выполняют закон и хранят малейшие заповеди отцов,³ тем самым утверждается особое значение, особые права Израиля на спасение.⁴

Отношение к грешникам суровое, полное осуждения, которое переносится и на язычников. Праведник характеризуется чертами не столько моральной, сколько ритуальной чистоты. Избранные должны строжайше следовать закону.⁵

Никакого свободомыслия или уклонения от закона в этих памятниках, вышедших из среды литературного, образованного иудейства, мы не находим. Их точка зрения совершенно совпадает с позицией евангельских книжников и учителей (равви) Талмуда.

Свободомыслие мы находим в народной среде. Упрекая Иисуса, фарисеи утверждали, что никто из знающих и наставленных в законе не принял его учения. «Уверовал ли в него кто из начальников или фарисеев, но только этот народ (ὄχλος) — невежда в законе — проклят он», — говорили они.⁶

И тот факт, что только народ, проклятый за свое невежество в законе, следовал за Иисусом, объясняется именно тем, что точка зрения Иисуса на закон была близка народной.

То, что для книжников представлялось соблазном, в чем они готовы были преследовать Иисуса, порицая его за то, что они называли нарушением закона и преданий старцев, близко и понятно простонародью, окружавшему его. Это роднило Иисуса с толпой, так как она поступала так же, и упреки, с которыми книжники и фарисеи обращались к Иисусу в Евангелии, повторяются и в Мишне, но только тут они направлены против массы, именуемой 'am-ha'āreṣ. Термин этот библейский. А. Гейгер в своей работе⁷ устанавливает определенное ограничение термина 'am-ha'āreṣ, простирающегося только на еврейскую массу, еврейское простонародье, в противоположность языческим народам, именуемым gōyim. В Библии это слово применяется к народу для противопоставления царю и начальникам. В книге Левит (4: 22—27) в принесении жертвы за грех выделены грех начальников и грех кого-нибудь из народа ('am-ha'āreṣ). Во 2-й книге Царств (в греческом переводе LXX — 4-й), 16:15 'am-ha'āreṣ (народ) противопоставлен царю, а в главе 11 : 20 той же книги — городу: «И возрадовался весь народ земли, и город успокоился, а Аталию (Гофолию) убили мечом в доме царя».⁸ Семьдесят Толковников переводят этот термин на греческий как ο λαός της γης, что является точным переводом буквального значения слов 'am-ha'āreṣ — народ земли. Слово ochlos (ὄχλος) тоже близко значению этого термина. Пешитта переводит его с греческого на сирийский словом 'amā — народ,⁹ как бы нащупывая подлинное выражение арамейской речи. Обычно же в сирийском тексте народ, окружающий Иисуса, называется kensā — толпа (от глагола kns — собирать).¹⁰

Переходя к вопросу об 'am-ha'āreṣ в Мишне, скажем предварительно несколько слов о самом источнике. Известно, что раввинистические памятники датировать трудно, кодификация их обычно поздняя, между тем как традиции, которые они передают, относятся к несравненно более раннему времени. Так, например, Мишна, кодификацию которой следует отнести к концу II или началу III в. н. э.,¹¹ ссылается на авторитетные изречения учителей, живших еще в I в. до н. э. Мнения отдельных ученых тщательно сохранялись их учениками или их школой, например школой Гиллеля (bēt Hillēl) или Шаммаи. Работа над текстом Мишны привела, однако, к мнению, что отдельные ее части в письменном виде существовали, вероятно, и в начале II в.¹²

Буквальное значение слов 'am-ha'āreṣ есть «народ земли»; смысл, который придается им в Библии, — тот же: это простонародье, по преимуществу сельская масса, которую можно было бы назвать поселянами, так как они противопоставлены населению города. Раввинистическая литература, по нашему мнению, дает указания, что и для ее времени 'am-ha'āreṣ есть среда, связанная по преимуществу с землей.

Прежде всего об этом говорят многочисленные указания трактата Demaj, из которого видно, что часть, законнически настроенная, составляла товарищества (עֲהָבִים — *haberim*), в которых строго проводился закон о десятине на плоды. Им противопоставляется 'am-ha'āreṣ, который этого правила не соблюдает. Поэтому *ḥābēr*, член этого товарищества, должен отказаться от каких бы то ни было покупок у 'am-ha'āreṣ сухих или сырых продуктов, подлежащих десятине, так как никогда нельзя быть уверенным в том, что 'am-ha'āreṣ эту десятину уплатил.¹³

Напрасно Монтефиоре в своих лекциях¹⁴ пытается сделать из *haberim* особых ригористов в законе; «никогда все фарисеи, ни все равви не были *haberim*», — говорит он. Но отчего тогда для Иисуса строгое соблюдение десятины представляется такой характерной чертой всего фарисейства? В притче о мытаре и фарисее он вкладывает в уста похваляющегося фарисея слова:

«Отделяю десятую часть из всего, что приобретаю» (Лука, 18 : 12 — ἀποδεκατέω πάντα ὅσα κτῶμαι.). А в обличительной речи его, обращенной к тем же книжникам и фарисеям, сохранившейся в двух редакциях Луки (11 : 42) и Матфея (23 : 23), сказано: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе: суд, милость, веру. Это должно делать и того не оставлять».

Тщательность, с которой и книжники, и фарисеи старались соблюдать десятину, по данным Евангелия, ставит их без всякого сомнения в ряды *haberim*, которые из тех же соображений тщательного сохранения десятины избегали покупок у 'am-ha'āreṣ. Что последний был связан с земледелием, непосредственно имел дело с хлебом, говорят и такие тексты Мишны,¹⁵ в которых женщина-соседка 'am-ha'āreṣ заходит к женщине соседке *haber* за ситом для зерна, за ситом для муки или остается у нее перемалывать на ручной мельнице муку. Этим мы, конечно, не хотим сказать, что *haberim* не встречаются в среде сельского населения, нет, многие равви, фарисеи, книжники были или ремесленниками, или земледельцами, но только сам 'am-ha'āreṣ по преимуществу являлся сельской массой. С этой точки зрения представляется многозначительным следующий текст. Равви Елиезер говорит: «Если бы мы не были им нужны для торговых дел, они убили бы нас».¹⁶ Равви Елиезер, деятельность которого относится к последней четверти I в., является, следовательно, свидетелем того, что 'am-ha'āreṣ сам непосредственно торговли не вел, а нуждался для этого в других. Некоторые исследователи хотят в этих словах видеть только помощь грамотных людей 'am-ha'āreṣ в деле составления торговых договоров, контрактов, а не ведения самой торговли, но прямым смыслом текста это не подтверждается.

Городское население, как более грамотное и культурное, в большей степени связано с торговлей, чем крестьянская масса, а это создает естественную зависимость последней от первого, а с зависимостью и ненависть. Именно это обычное противоречие между городом и деревней и вскрыто в словах равви Елиезера.

'Am-ha'āreṣ как земледельцы неохотно выполняли постановления о десятине, а это ставило их в положение неблагочестивых. В еще большей мере брезгливость к ним законников вызывалась их пренебрежением к законам, касающимся чистоты пищи, сосудов, чистоты самих людей. В трактате Edijoth, I, 14¹⁷ мы находим длинный спор между школой Гиллеля и школой Шаммаи о том, какой сосуд может сохранять чистоту, и о том, что каждый сосуд в руках 'am-ha'āreṣ представляется нечистым. Словно защищая народ, возражает Иисус против мелочного хранения чистоты сосудов: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете

внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды. Фарисей слепой! Очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их».¹⁸ В трактатах Schebuoth, 5 и Thoroth, 74, 85 указывается, что все, до чего касалась женщина 'am-ha'āreṣ, вошедшая в дом haber, считается нечистым, даже если она зашла для того, чтобы вынести своего ребенка или выгнать скотину. Дом остается чистым только в том случае, если ей не разрешили в нем медлить. Как должна была в этом отношении колоть глаза книжникам простота и терпимость Иисуса, когда, например, женщины приносили ему детей или когда он касался заведомо нечистых людей, прокаженных и т. д. Дело доходило и до открытых упреков с их стороны за несоблюдение Иисусом и его учениками установления старцев о чистоте.¹⁹ «Собрались к нему фарисеи и некоторые из книжников, пришедшие из Иерусалима; и увидевши некоторых из учеников его, евших хлеб нечистыми, то есть неумытыми, руками, укоряли. Ибо фарисеи и все иудеи, держась предания старцев, не едят, не умывши тщательно рук; и пришедши с торгового, не едят не омывшись. Есть и многое другое, чего они приняли держаться: наблюдать омовение чаш, кружек, котлов и скамей. Потом спрашивают его фарисеи и книжники: зачем ученики твои не поступают по преданию старцев, но неумытыми руками едят хлеб? Он сказал им в ответ: хорошо пророчествовал о вас, лицемерах, Исая, как написано: люди сии чтут меня устами, сердце же их далеко отстоит от меня, но тщетно чтут меня, уча учениям, заповедям человеческим; ибо вы, составившие заповедь Божию, держитесь предания человеческого, омовения кружек и чаш и делаете многое другое, сему подобное». И, призвав весь народ, говорил им: «Слушайте меня все и разумеете: ничто, входящее в человека извне, не может осквернить его; но что исходит из него, то оскверняет человека; если кто имеет уши слышать, да слышит!..»

Совершенно очевидно, что, отвечая на поставленный вопрос — «почему его ученики не поступают по преданию старцев», — Иисус решает его принципиально. Сперва он указывает на значение заповеди, в противоположность человеческому преданию, а затем, обращаясь к народу, как бы облегчает ему иго закона чистоты: «Ничто, входящее в человека извне, не может осквернить его». Еще подробнее развивает он эту мысль наедине с учениками.²⁰ Он решает вопрос коренным образом: отрицает за установлениями внешней чистоты внутреннюю правду.

В тесной связи с нарушениями закона о десятине и с несоблюдением чистоты стоит общее презрение и пренебрежение к 'am-ha'āreṣ, которое мы находим в раввинистических памятниках. Запрещается быть его попутчиком, не следует доверять ему тайны (Pesahim, 3 : 8, fol. 49b). «Равви учили: не следует жениться на дочери 'am-ha'āreṣ, потому что они сами отвратительны, их жены отвратительны, а относительно их дочерей сказано так: проклят сожительствующий с животным».²¹ В трактате Berakhoth, 7, fol. 47b сказано: «Не молись перед едой с 'am-ha'āreṣ», что равносильно запрещению совместного вкушения пищи.²² Именно в этом отношении резко расходилось поведение Иисуса со взглядами законников, так как он не гнушался возлежать за одним столом с грешниками. «И когда Иисус возлежал в доме [мытаря Левия], возлежали с ним и ученики его, и многие мытари, и грешники; ибо их было много и они следовали за ним. Книжники и фарисеи, увидев, что он ест и пьет с мытарями и грешниками, говорили ученикам его: как это он ест и пьет с мытарями и грешниками. Услышав, Иисус говорит: не здоровые имеют нужду во врачах, но больные. Я пришел призвать не праведников, но грешников на покаяние».²³

Взгляды Иисуса в этом случае резко расходились со взглядами законников и учителей. Обычное мнение законников выразил равви Гиллель, Это ему, известному мягким характером, гуманными взглядами и широкой терпимостью, которые позволили Францу Деличу сравнивать его с Иисусом,²⁴ приписываются слова: «Невежда не боится греха, 'am-ha'āreṣ не может быть праведным».²⁵

Итак, по Гиллелю, расцвет деятельности которого относится к последним десятилетиям I в. до н. э. и к первому десятилетию I в. н. э., боязнь греха, которая представляется добродетелью для автора Псалмов Соломона, как и вообще для всего религиозного иудаизма, не свойственна невежде (בֹּר—בור), т. е. человеку, неосведомленному в законе. За am-ha'āreṣ же не признается возможность быть праведным. По этому можно судить, что еще в I в. до н. э. к 'am-ha'āreṣ сложилось определенно отрицательное отношение, причем бор и 'am-ha'āreṣ не случайно стоят рядом: «невежда» и «народ земли» и в других случаях являются понятиями, легко заменяющими друг друга (например, Soṭa, fol. 22a). Этот взгляд Мишны на народ как на массу, совершенно неосведомленную в законе, усвоен большинством исследователей. Между

тем некоторые тексты вынуждают нас с осторожностью отнестись к такого рода мнению. На то, что термин «невежда» приложим к 'am-ha'āreṣ лишь условно, т. е. только с точки зрения книжников, законников (talmidē ḥakham), указывает, например, следующий текст: «Если кто-либо читает [Тору] или повторяет [учит Мишну], но не пользуется услугами ученого, то равви Елиезер говорит про него, что он 'am-ha'āreṣ, а равви Самуил сын Неемана, что он невежда [boḡ]».²⁶

Следовательно, для Елиезера Великого (Eli'ezer haḡadol ben Hirkanos, современник Гамалиила II, женатый на его сестре, деятельность которого относится к концу I—началу II в. н. э.) 'am-ha'āreṣ может быть назван такой человек, который изучает Тору, даже занимается Мишной, но не стоит в непосредственной связи с ученым (talmidē ḥakham) или не связан с определенным учителем. Евангелие дает нам в этом случае соответственное свидетельство, только лет на 40 более раннее. Иисус был несомненно начитан в законе и пророках. Он брался толковать писание в синагогах, часто отвечал библейскими цитатами в спорах, но учил «не как книжники и фарисеи». Он не прошел раввинистической школы, поэтому его учение и вызывало удивление на родине, в Назарете — «откуда сие» (Марк, 6 : 1—6; Матфей, 13 : 53—56; Лука, 4 : 16—30).

Текст Berakhoth, 7 : 1—12 дает сбивчивый ответ на вопрос, кто 'am-ha'āreṣ: всякий, кто не произносит утром и вечером молитвы, всякий, кто не имеет особых знаков благочестия на одежде, на своем доме и т. д. В самом тексте есть противоречие, потому что всякий, не учащий своих детей Торе, — 'am-ha'āreṣ, но так же может быть назван и человек, читающий Тору без talmidē ḥakham.

По-видимому, перед свободным толкованием закона, не связанным с принятием halakhā, был некоторый страх, потому что от равви Елиезера из Модины, принадлежавшего ко второму поколению Мишны, между 90-м и 130-м гг. н. э., сохранилось следующее изречение: «Тот, кто оскверняет священное, пренебрегает праздниками... придает Торе иное значение, чем halakhā, то если он даже обладает знанием Торы и добрыми делами, не будет участником в будущей жизни» (Aboth, 3 : 15).

Этот же страх извращенного понимания Торы, вероятно, говорит и в запрещении равви Hija' (חייא) заниматься законом в присутствии 'am-ha'āreṣ.²⁷

Приведенные тексты позволяют нам видеть в 'am-ha'āreṣ группу людей не абсолютно невежественных. Кроме того, источник дает нам право еще на один вывод. Возможно, что у 'am-ha'āreṣ были свои синагоги; по крайней мере равви Доса бен Архинос ('Αρχίνος), живший в конце I—начале II в. н. э., сказал так: «Сон утром, вино в полдень, болтовня с детьми и сидение в собраниях 'am-ha'āreṣ уводят человека из будущей жизни» (Aboth, 3:4). Для слова «собрание» употреблено выражение kei'esot; большая часть комментаторов старается доказать, что это слово в данном случае не обозначает религиозного (синагогального) собрания, а лишь частное. Но мы в этом случае соглашаемся с Фридендером, который видит в этом выражении недвусмысленное указание на синагоги и молитвенные собрания у 'am-ha'āreṣ. Сошлемся также на авторитет Гейгера,²⁸ который указывает, что термин keneset соответствует греческому συναγωγή, и приводит тому примеры. Воздержимся только от крайнего вывода, который делает Фридендер,²⁹ говоря, что синагогами 'am-ha'āreṣ можно назвать и синагоги диаспоры, в которых проповедовали Павел, Варнава, Аполлос и которые были предметами отвращения и негодования для законников. Для такого понимания мы не имеем достаточных оснований, а тексты, которые у нас есть, дают лишь возможность предположить, что в распоряжении 'am-ha'āreṣ были молитвенные дома — синагоги. Возможно, что и Иисус проповедовал в таких синагогах.

Более чем естественно, что за презрение раввинистической, фарисейской группы 'am-ha'āreṣ платил ненавистью. Равви Акиба, родившийся в 50 г. н. э. и погибший мученической смертью в 132 г., откровенно говорит о своем прошлом: «Когда я был 'am-ha'āreṣ, я говорил: если кто мне даст ученого, я укушу его, как осел. Сказали ему ученики: равви, скажи „как собака“. Он сказал им: этот (осел) кусает и ломает кости, а та (собака) кусает, но кости не ломает».³⁰

Равви Елиезер Великий после разрушения храма отмечает особенное падение нравов: и про 'am-ha'āreṣ говорят, что они совершенно «проходят и пропадают».³¹ Он оставил изречение, которое мы уже приводили: «Если бы мы не были им нужны для дел торговли, они убили бы нас»,³² что вполне совпадает с признанием равви Акибы.

Один аноним говорит об этой ненависти так: «Ненависть человека 'am-ha'āreṣ к учено-

му больше, чем ненависть язычника к Израилю, а ненависть их жен еще больше».³³

Но и отношение книжнической среды не отличалось особой кроткостью. По крайней мере в начале III в. равви Самуил Нееман передает следующие слова, вкладывая их в уста равви Иоханана (если это Иоханан бен Заккай, учитель Елиезера, то мы получаем I в. н. э.): «Равви Самуил сын Неемана сказал, что равви Иоханан сказал, что (человека из) 'am-ha'āreṣ позволено порвать, как рыбу. Равви Самуил сын Исаака сказал: И со спины его».³⁴

В этом же роде и другой рассказ, переданный нам в Babā bathrā, 1 : 5, fol. 8a, относящийся уже к середине II в. н. э.³⁵ «Равви открыл свою кладовую в голодный год и сказал: пусть войдут знающие Писание, Мишну, Талмуд, Галаху и Аггаду, но 'am-ha'āreṣ пусть не входят. Протиснулся равви Ионатан сын Амрама и, войдя, сказал ему: равви, накорми меня. Он ответил ему: ты изучал (читал) Библию — нет; ты изучал Мишну — нет; как же мне накормить тебя. „Накорми меня, как собаку, как ворона“. И он накормил его. Когда он ушел, сидел равви и сокрушался, говоря: ой, горе мне, что я дал хлеб мой 'am-ha'āreṣ. Когда дело объяснилось, равви просил войти всех».

Не следует, однако, придавать приведенным текстам решающего значения; многие равви высказывают истинную любовь, терпение, кротость к людям и проявляют истинное милосердие.

Прежде чем подвести итоги, скажем несколько слов о том, как ставился интересующий нас вопрос в предшествующих исследованиях.

Еще Суренгусием, издателем Мишны в Амстердаме,³⁶ были сделаны ценные заметки об 'am-ha'āreṣ, но и он, и после него³⁷ все видят в 'am-ha'āreṣ грубую невежественную массу, которая не может вызвать никакого интереса. Монтефиоре считает ошибочным видеть в евангельских грешниках 'am-ha'āreṣ, а для таких исследователей, как Буссе и Бертолет,³⁸ этого понятия вовсе не существует. Фридендер в одной из своих книг³⁹ дал новое направление исследованию.⁴⁰ Для него 'am-ha'āreṣ — народ, стремящийся сбросить иго закона, но чрезмерное увлечение эллинизмом не позволяет Фридендеру сделать определенных выводов, для него Иисус и Павел — явления духа диаспоры. Дальнейшего развития его взгляды не получили.⁴¹ Даже чуткий Шюрер только свел материалы по этому вопросу во II томе своей капитальной книги.⁴² В позднейшей литературе можно назвать лишь интересные, но без достаточных оснований сделанные построения Константина Бруннера,⁴³ где он ставит Иисуса рядом с 'am-ha'āreṣ в связи с его конфликтом с фарисеями.

Суммируем намеченные нами выводы. 'Am-ha'āreṣ — это иудейское простонародье, сельская масса, заклейменная презрением книжнической среды как в Мишне, так и в Евангелиях. Выполнение закона, отягченного преданиями старцев, требовало внимания и сил, уделять которые народ, живущий трудовой жизнью, не мог. Точная, мелочная регламентация давила его, как бремя, а на пренебрежение законников он готов был отвечать ненавистью. Для части народа праведный фарисей мог быть идеалом. Но люди, встревоженные апокалиптическими и эсхатологическими чаяниями, жили в смутном ожидании событий, небесных явлений и прихода Мессии. Не случайно ищут они пророка, ходят к Иоанну, слушают Иисуса. Если фарисеи и не были единомышленниками в новых религиозных верованиях, то суровость закона, праведность их, в которой не хватало истинной любви, отталкивали. Пропась между праведным законником и грешным человеком была так велика, идеал казался таким недостижимым, что перед ним рождался ужас и начиналось искание новых путей. В раввинистических слоях сохраняется старая закваска, а Царство божие должно было подняться на новых дрожжах. В Иоанне Крестителе, Иисусе, апостолах мы видим учителей этой народной массы — учителей, которые из нее вышли, были ей близки и ее же стремились научить истине, которая им открывалась. Если мытари присоединились к Иисусу, то потому, что они также представлялись отрицательным явлением в глазах раввинистических групп и не могли надеяться на спасение. Народ, проклятый за неисполнение закона, и мытари, проклятые за свою грешную жизнь, соединились в жажде найти истину.

ХРОНИКА ПСЕВДО-ДИОНИСИЯ ТЕЛЬМАХРСКОГО О ЮЖНОЙ АРАВИИ

Последние три десятилетия показали исключительно большие успехи в изучении истории Южной Аравии. Своеобразие развития этой страны, высокий уровень ее культуры в древ-

ности засвидетельствованы замечательной письменностью, сохранившейся в многочисленных эпиграфических памятниках. Сведения этих выбитых на камне надписей представляют особую ценность как исходящие непосредственно от свидетелей и участников событий. Но воссоздать историю государства «царицы Савской» можно лишь с помощью нарративных источников. Сочинения на арабском языке относятся к позднему времени, хотя в ряде случаев передают древнюю устную традицию.

Современные или ближайшие по времени нарративные источники были составлены в Византии на греческом и сирийском языках. Среди них особого внимания заслуживают данные так называемой Хроники псевдо-Дионисия Тельмахрского, перекликающиеся с материалами Иоанна Малалы и других византийских хронистов.

Хроника псевдо-Дионисия сохранилась в одном пергаменном списке Vaticanus Syr. 162, ff. 1—173 и нескольких фрагментах Brit. Mus. add. 14665, ff. 1—7. Хроника состоит из четырех частей: первая связана с Хроникой Евсевия Кесарийского, вторая написана на основании истории Сократа и включает замечательную Хронику Иешу Стилита, переписанную полностью; третья часть начинается 800 г. эры Селевкидов (488 г. н. э.) и, по свидетельству самого автора, зависит от «Истории», составленной Иоанном Эфесским (ум. в 586 г. н. э.). Четвертая начинается с 898 г. (587 г. н. э.) и кончается событиями 754/55 г. н. э.¹

В данном случае особый интерес представляет третья часть Хроники, так как в нее вошли материалы, специально касающиеся Южной Аравии. 15 связи с распространением монофизитства в сфере внимания Иоанна Эфесского, источника Хроники, оказывается государство химьяритов. История Иоанна известна отдельно по рукописи Brit. Mus. 920, но в Хронике псевдо-Дионисия к материалам этого источника добавлены другие документы и материалы, свидетельствующие об особом внимании к Южной Аравии. Объясняется это тем, что автор Хроники жил в VIII в., когда арабы приобрели господствующее положение на Ближнем Востоке и их прошлое представляло живой интерес.

Сведения, касающиеся Химьяра, расположены в третьей части Хроники подряд, как материал одной темы, с соответствующими небольшими заголовками: «О царстве индусов (𐩦𐩣𐩪𐩬) и как они по причине войны стали христианами» (II, р. 54, 15); «О том, что послал (сказать) царь кушитов к царю химьяритов, и о войне между ними» (р. 55, 18); «Еще о том же царстве химьяритов» (р. 56, 20); «Послание, которое отправил святой Шемон, епископ Бетаршама и глава верующих земли персов, Шемону, архимандриту Габулы» (р. 57, 4); «Еще об этом маленьком мальчике, о котором написано в этой истории мучеников выше» (р. 67, 12); «О царе кушитов, его походе и убийстве тирана и бывших с ним иудеев» (р. 68, 16—69, 6); «В это время было великое бедствие из-за недостатка священников в этих царствах — у кушитов, химьяритов и индусов» (р. 111, 12—112, 20).

Из этих сообщений следует выделить прежде всего послание Симеона (Шемона) Бетаршамского (548 г.), известное также по рукописи Brit. Mus. 949 как отдельное произведение. Оно является важным источником, так как содержит сведения, полученные из первых рук и записанные современником событий. Другие разделы Хроники о химьяритах почерпнуты из «Истории» Иоанна Эфесского и зависят от данных греческой Хроники Иоанна Малалы или ее источника.

Греческая и сирийская хроники последовательно перечисляют одни и те же события: борьбу мелких княжеств Эфиопии между собой, их объединение, войну с Южной Аравией, причиной которой стало нарушение экономических, торговых связей. «Ромейские купцы» ездили торговать в Химьяр и в Аксум «через химьяритов», царь которых Димнон стал грабить и убивать византийских торговцев-христиан, предоставляя возможность торговать иудейским колониям Аравии, которые были сильны и многочисленны. Торговля Аксума упала, и кушиты предприняли поход на Химьяр, чтобы возобновить торговые сношения с Византией.²

После успешной кампании царь кушитов принял христианство, которое было уже распространено в Эфиопии и оттуда проникало и находило поддержку в Химьяре. Эти сведения почти дословно приводятся в обеих хрониках. Сведения Малалы в большей части почерпнуты у Нонна, который, как отец его Авраам и дед Евнор, выполнял дипломатические поручения Византии у арабских племен. Донесения Нонна частью сохранились, они и стали источником Малалы.³

В цикл своих сообщений о химьяритах псевдо-Дионисий включил послание Симеона Бетаршамского о химьяритских мучениках. Симеон, перс родом, образованный и даровитый,

знал много языков. Он был горячим проповедником, страстным спорщиком и защитником доктрины монофизитов. Симеон трижды посещал Константинополь, где и умер глубоким старцем, готовясь к путешествию в Рим.⁴ Не раз бывавший в Ктесифоне, он был своим человеком и в Хирте, центре арабов-лахмидов, где по его инициативе была построена христианская церковь.

В лагере Мундара, царя персидских арабов, и были получены Симеоном и другими лицами сведения о преследовании христиан в Химьяре, о мучениках Неджрана. Три сохранившиеся письменных памятника имеют в основе устную традицию — сообщение, полученное от посланного из Химьяра гонца, привезшего письмо царя-гонителя и рассказавшего о событиях. В своем послании Симеон живо рассказывает обо всем, что он узнал, и точно датирует день своего отъезда из Хирты в лагерь Мундара — 20-го числа кануна второго 835 г., что соответствует 20 января 524 г. н. э.⁵ Симеон отправился из Хирты в лагерь Мундара не один, с ним был Авраам, отец Нонна, священник, посланный императором Юстином к царю арабов, чтобы заключить мир и высвободить из плена двух византийских военачальников. Они прибыли в лагерь арабского царя через «десять дней пути». Сведения «Послания» Симеона превосходно согласуются со скудными данными его спутника Авраама, сын которого их записал.⁶ Более полное подтверждение и множество новых подробностей, имен и фактов содержит сирийская «Книга химьяритов»,⁷ в которой использована богатая устная традиция, идущая непосредственно от химьяритов. Оба эти письменных источника используют один и тот же письменный документ — послание Масрука (Зу Нуваса), царя-гонителя, привезенное в лагерь царя Мундара. Известно, что в то время там присутствовал Саргис, епископ Русафы, города, где происходили ежегодные ярмарки и куда съезжались шейхи арабских племен со своими отрядами в определенное время года. Христианской святыней Русафы был храм святого Сергия, а епископ города авторитетно возглавлял широкие круги арабов-христиан.⁸ Есть основания предполагать, что Саргис, епископ Русафы, был автором «Книги химьяритов», составленной около 525 г. н. э. Кроме сообщения о гонениях на христиан в Химьяре, она содержит ценные сведения, которые подтверждаются как химьяритскими надписями, так и арабской историографией.

С посланием Симеона Бетаршамского, с «Книгой химьяритов» следует сопоставить третий источник — «Мученичество Арефы», составленное в 30-х годах VI в. на греческом языке.⁹ Оно не только в основном передает те же факты, что и сирийские источники, но, как и «Книга химьяритов», содержит материалы предшествующей истории Южной Аравии, а также ряд сведений делового, конкретного характера, как о денежной системе, о мерах веса, географических пунктах этого государства, частью почерпнутых у предшествующих греческих авторов или из устной традиции.¹⁰ Возможно, что автор «Мученичества» использовал рассказы византийских посланцев к арабам, в частности Авраама, сообщения которого были записаны Нонном. Таким образом, все три лица, которые сошлись в лагере царя Мундара в январе 524 г. н. э., оставили устные и письменные сообщения, нашедшие отражение в источниках, ближайших по времени к событиям в Неджране, — в «Послании» Симеона Бетаршамского, «Книге химьяритов», сообщениях Авраама.¹¹

Псевдо-Дионисий не только переписал важный источник по истории Южной Аравии, каким является «Послание» Симеона, и охарактеризовал предшествующие гонениям события, о которых сообщали Иоанн Эфесский и Иоанн Малала. Он продолжил эти сведения, вернувшись к судьбе одного из известных своим мученичеством лиц в главе «Еще о маленьком мальчике». Судя по тому, что рассказ ведется от первого лица, автор сам встречал его взрослым человеком в Константинополе. По-видимому, этот рассказ непосредственно восходит к истории Иоанна Эфесского.¹² Вслед за тем в Хронике следуют сообщения о царе кушитов и о второй кушито-химьяритской войне.¹³ «После того как царь кушитов, который убил предшествующего царя химьяритов и по этой причине стал христианином, узнал о гибели христиан и тирании иудеев, он распалился гневом, взял свое войско и выступил против тирана». Расправившись с врагами, он поставил царем Абраху и восстановил права христиан, поставил им епископа, посвященного в Александрии и сторонника Халкедонского собора. Но химьяриты отнеслись отрицательно к православию и не были склонны принимать клириков, посвященных в Александрии. В дальнейшем Хроника возвращается к этому, сообщая, что отсутствие епископов-монофизитов у «кушитов, химьяритов и индусов», несмотря на их повторные обращения к императору через посланцев, побудило их независимо от Константинополя поставить епископа из своей среды собором священников.¹⁴

Таким образом, Хроника псевдо-Дионисия Тельмахрского сохранила существенные

сведения о Южной Аравии, почерпнутые в основном из «Истории» Иоанна Эфесского и «Послания» Симеона Бетаршамского. Это объясняется значением, которое приобрели арабы после своих побед в истории Ближнего Востока, и тем, что автор-монофизит использует сочинения своих единоверцев, для которых Эфиопия, Южная Аравия и их взаимоотношения были вопросом распространения монофизитства. Страстными сторонниками монофизитства были и Иоанн Эфесский, и Симеон Бетаршамский. Замечательно, что данные Иоанна Эфесского при сопоставлении их с соответствующими сообщениями Малалы позволяют исправить текст Малалы, дошедший в греческом и недостаточно корректном списке.

Хроника псевдо-Дионисия Тельмахрского тесно связана с греческой историографией, прежде всего с близкой ей по времени Хроникой Феофана.¹⁵ В отдельных памятниках и документах, включенных в Хронику, могут быть выявлены и общие связи между сирийским и греческим летописанием. Для Хроники Иешу Стилита выявлена ее связь с утерянным греческим трудом Кандида Исаврийца, что позволило восстановить историю Византии на рубеже V и VI вв. Общие сведения у Иоанна Малалы и Иоанна Эфесского, сохраненные псевдо-Дионисием, позволяют установить первоначальный текст Малалы относительно кушитского и химьяритского царств, имеющий первостепенное значение ввиду того, что греческий текст антиохийского летописца дошел лишь в одной неисправной рукописи. Наконец, «Послание» Симеона Бетаршамского и «Мученичество» Арефы опираются на одну и ту же устную, если не письменную традицию, подтвержденную сирийским текстом «Книги химьяритов».

Таким образом, Хроника псевдо-Дионисия, сохранившая уникальные памятники сирийской историографии, позволяет при помощи сравнительного метода установить взаимные связи и взаимную зависимость греческой и сирийской летописной традиции. Сравнение греческих и сирийских исторических сочинений, которые взаимно дополняют друг друга, дает возможность установить новые исторические факты и воссоздать историю далекого прошлого, в данном случае историю арабских племен Йемена.

Прилагаемый русский перевод некоторых глав Хроники псевдо-Дионисия Тельмахрского, в которых сообщается о кушито-химьяритских войнах, дается впервые по полному сирийскому тексту (ps. Dionysius, p. 54—69, 111—112). Эти сведения почерпнуты из утерянных частей сочинений Иоанна Эфесского. Они не лишены легендарного элемента и литературных приемов, обычных для агиологических памятников. Сравнительный анализ этого текста и «Послания» Симеона Бетаршамского даны выше.

ИЗ ХРОНИКИ ДИОНИСИЯ ТЕЛЬМАХРСКОГО

(с. 54). Год 846. О царстве индусов и как они по причине войны стали христианами.

В то время случилось, что была война царей индийских друг с другом; царя индусов, имя которого было Аксундон, с другим царем внутренней Индии по имени Индуг, который был язычником. После того как они прекратили войну друг с другом, была у него война с царем химьяритов, которого звали Димнон. Они (химьяриты) также индусы. Причина, по которой возникла между ними война, была следующая. Царство кушитов расположено гораздо дальше, чем (царство) химьяритов, от областей Египта и Фиваиды, находящихся вне Индии. Ромейские торговцы прибывали во внутренние области химьяритов (с. 55), а затем в области, расположенные дальше них, индусов и кушитов, называемые Аузелис (Адулис) Индии. Царств индийских и кушитских семь, три индийских и четыре кушитских. Они находятся вне и внутри (на прибрежных материковых землях) земель южных и по берегам большого моря, что окружает всю вселенную, которое называется Великим океаном. Когда же торговцы ромейские, о которых сказано выше, проезжали области химьяритов, чтобы направиться в области индусские и торговать в них, как обычно, царь химьяритов Димнон узнал об этом, захватил их, убил их и ограбил все их товары, сказав: «Так как в землях ромейских христиане злодейски преследуют иудеев, находящихся в их землях, и убили многих из них, поэтому и я убил этих». Многие были убиты, так что многих объял ужас, и они перестали ездить, и прекратилась торговля внутренних царств индийских и кушитских.

О том, что послал (сказать) царь кушитов к царю химьяритов, и о войне между ними.

Тогда послал царь кушитов к царю химьяритов (сказать): «Ты плохо сделал, что убил торговцев-христиан ромейских, прекратил торговлю и задержал пошлины моего царства и других царств. Особенно же ты повредил моему царству». По этой причине они пришли к великой вражде и войне друг с другом. Когда они сходились, чтобы сразиться друг с другом, Ин-

дуг, царь кушитов, сказал: «Если мне будет дано победить этого жалобщика царя химьяритов, я стану христианином. Ибо христианскую кровь я постараюсь выжать из тебя». После того они сразились (с. 56), и победил царь кушитов царя химьяритов, полонил его, убил и ограбил его царство. Он покорил его земли и вырезал все его войско. Затем после победы он не преминул исполнить то, что обещал. Он послал двух своих знатных к царю Юстиниану, чтобы он прислал ему епископа и клириков. Тот обрадовался радостью великой и приказал дать им в епископы, кого они попросят. Когда послы дошли (до столицы), они нашли одного парамонария из обители Мар Иоханана по имени Иоханан. Он был муж девственный, целомудренный и ревнитель. Они просили его в епископы, и дали его им. Они взяли его, отправились вместе с многочисленными клириками и возвратились, радуясь, в свою землю.

Когда они прибыли к своему царю Индугу, тот с великой радостью принял их, епископа и священников, прибывших с ними. Он был научен, крестился и стал христианином, сам и все его знатные. Он заботился, чтобы все области стали христианскими и в них были основаны церкви во славу истинного Бога христиан. По этим причинам дал Бог спасение этим заблуждающимся народам.

Еще о том же царстве химьяритов и о злодействах и убийствах, которые в нем творили иудеи.

Через некоторое время усилились химьяритские иудеи, и когда умер царь-христианин, которого поставил там царь кушитов, поставили из них царя над химьяритским народом. В жестоком гневе они убивали и губили весь тамошний христианский народ: мужчин и женщин, детей и младенцев, бедных и богатых. О мученичестве многих тамошних мучеников стало известно благодаря ревности блаженного Шемона, ученого (с. 57). Это (повествование) полно волнений для каждого слушающего его, поэтому мы и помещаем его в этом томе, оно следующее.

Послание, которое отправил святой Шемон, епископ Бетаршама и глава верующих земли персов, мар Шемону, архимандриту Габулы.

Относительно мученичества, бывшего у химьяритов, мы сообщаем твоей любви, что двадцатого кануна второго этого 835 года (20 января 524 г. н. э.) мы вышли из Хирты Наамановой со священником Авраамом бар Еупоросом, который был послан от царя Юстиниана (Юстин I, 518—527 гг.) к Мундару, арабскому царю, заключить мир. О нем мы писали в нашем первом (предыдущем) письме. Мы и все верующие выражали ему благодарность за то, что он поддерживает нашу сторону, и это мы сообщили в тех предыдущих (письмах), что мы писали, и в этом письме, которое пишем теперь. Мы проехали путь десяти дней по пустыне на юг и восток, путешествуя к Мундару (с. 58), против гор, называемых Дахла, а на арабском языке Рамлах. Когда мы вступили в лагерь Мундара, встретили нас арабы-язычники и маадеи. Они сказали нам: «Что вы можете сделать? Вот ваш Христос изгнан от ромеев, персов и химьяритов». Мы были обижены арабами, нам было грустно, и мы тогда с горестью совершали путь. К нам приблизился посол, который был послан от царя химьяритов к царю Мундару. Ему было дано полное гордости письмо. В нем было написано следующее: «Да будет тебе известно, брат мой, царь Мундар, что умер царь, которого поставили кушиты в нашей земле. Пришло зимнее время, и не смогли кушиты прийти в нашу землю и поставить царя христианина, как обычно, но я воцарился над всей землей химьяритов и перед тем предложил всем христианам, исповедующим Христа, чтобы они стали иудеями подобно нам. Я убил 280 священников, которых нашел, а с ними кушитов, которые оберегали церковь, и я сделал их церковь нашей синагогой (ܟܘܢܘܢܐ ܕܡܪܝܢܐ). Затем с 120 тысячами войска я отправился в Негран, город в их государстве. Я осаждал его в течение нескольких дней и не взял. Тогда я дал им клятвенное обещание, считая, что не следует быть верным христианам, моим врагам. Я схватил их с тем, чтобы они принесли свое золото, серебро и имущество. И они доставили это мне (с. 59), и я взял это. Я спросил относительно их епископа Павла; они сказали мне, что он умер, но я им не поверил, пока мне не показали его гроб. Смердели его останки, и я сжег их, а также церковь, священников и всех, кого нашел укрывшимися в ней. А прочих я принуждал, чтобы они отреклись от Христа и от креста, но они не захотели, ибо они исповедовали, что он бог и сын благословенного, и они избрали для себя смерть ради него. Их глава много говорил против меня, оскорблял меня, и я приказал убить всех их знатных (ܘܡܪܝܢܐ ܕܗܘܢܐ). Привели к нам их жен, и мы сказали им, чтобы они отреклись, видя смерть своих мужей за Христа, пожалели бы своих сыновей и дочерей, но они не захотели. Дочери завета (монахини) стремились, чтобы сначала убили

их, но жены знатных разгневались на них и сказали: нам следует умереть после наших мужей. И все они были убиты по нашему приказу, кроме Румы, жены того, кто собирался быть там царем. Мы не допустили ее смерти, но убеждали ее, чтобы она отреклась от Христа и (осталась) жить, жалея своих дочерей, и что она сохранит все, что имеет, если станет иудейкой. Мы приказали ей, чтобы она пошла и подумала об этом, приставив к ней стражу из нашего войска. Она вышла и, обходя улицы и площади города, открыла свое лицо, ведь когда девочка станет девушкой, никто не видит ее лица на улице. Рума кричала и говорила: «Женщины-негранитянки, мои подруги, христианки, иудейки и язычницы, слушайте! По роду моему, семье и тому, чья я дочь, я христианка (с. 60), вы это знаете. У меня есть золото и серебро, рабы и рабыни, много селений и доходов. И вот убит мой муж за Христа, и если бы я пожелала иметь (другого) мужа, есть у меня 40 тысяч динариев, много украшений из золота и серебра, жемчуга, красивые и дорогие одежды, помимо сокровищницы моего мужа. И это говорится без лжи мною и вами, и вам это известно. Нет для женщины таких дней радости, как дни брака, но дальше страдания и слезы при рождении детей, когда я теряла их и хоронила. Отныне же и в дальнейшем я свободна от всего этого. В первый день моего брака я была в радости, а теперь в ликовании моя душа из-за пяти дочерей-девушек. Вот я украшена для Христа, смотрите на меня, подруги мои, вот вы второй раз видите меня: при браке моем впервые, а теперь вторично. Когда я открыла лицо перед всеми, я шла к своему первому жениху, а теперь, когда я открыла свое лицо, я иду ко Христу, господу моему, Богу моему и моим дочерей, так как он снизошел в своей любви, пришел к нам и пострадал за нас. Сравнитесь со мной, красота моя не меньше вашей, вот я блещу красотой и иду ко Христу, так как я не погублена отречением иудейским. Будет мне моя красота свидетельством перед моим Господом, который не допустил, чтобы я была введена в заблуждение грехом отречения (с. 61). Мое золото и мое серебро, и все, что есть у меня, я не так люблю, как моего Бога. И убеждал меня этот царь-отступник, чтобы я отреклась и (осталась) жить. Пожалейте, подруги мои, пожалейте, если я отрекусь от Христа Бога, в которого верую я и мои дочери. Я была крещена во имя Троицы, я почитаю его крест и за него умираю с радостью, я сама и мои дочери, как и он пострадал плотью ради нас. Вот оставлено все, что прельщало глаза и тело на земле. Я отправляюсь и буду принята моим Господом там, где ничто не преходит. Блаженны вы, подруги мои, если вы меня послушаете, внимлите правде и возлюбите Христа Бога, за которого я и мои дочери умираем. Итак, мир и покой будет с народом Божиим, кровь моих братьев и сестер, которые были убиты за Христа, будет стеной для этого города. Если я надеюсь пребывать у Христа, моего Господа, то с открытым лицом выйду я из этого города, в котором была как во временном жилище, потому что отправляюсь с моими дочерьми в вечный город, чтобы посвятить их там. Молитесь обо мне, подруги мои, чтобы принял меня Христос, мой Господь, и помиловал меня. Вот я оставалась три дня после (смерти) моего мужа».

Когда мы услышали глас сокрушения из города и пришли те, что были посланы (нами, чтобы узнать), и когда их спросили, они рассказали нам все, что мы выше написали.

Обходя город, Рума говорила женщинам, своим подругам, укрепляя их. Вопль был в городе. Мы разгневались на сторожей, чтобы они их погубили, но они не послушались и предоставили ей (все) это сделать. Наконец, оставив город со своими дочерьми, она пришла и встала передо мною с непокрытой головой, без стыда (с. 62), держа своих дочерей за руки, украшенных как для свадьбы. Она сняла повязки, которые повязала им, повела их за руки, расправила свой воротник и склонила голову, воскликнув: «Христианка я и мои дочери, мы умираем за Христа. Отсеки нам головы, чтобы мы отправились к нашим братьям и сестрам и к отцу моих дочерей». После этого я всяческими хитростями убеждал ее отречься от Христа, чтобы она только сказала, что он человек, но она не захотела. Одна же из дочерей выбрала нас за то, что мы это говорили, чтобы показать мне, что невозможно, чтобы она отреклась от Христа. Я же приказал для устрашения прочих христиан, чтобы распростерли их на земле, и ее дочери были избиты так, что кровь у них пошла изо рта. После этого была отсечена у нее голова. Я же клялся (именем) Адонай, что огорчился из-за (гибели) ее красоты и ее дочерей. Мои первосвященники должным образом указали мне, что несправедливо, чтобы дети умирали за родителей, по закону, и я отделил живыми мальчиков и девочек, чтобы их вырастили, а когда они вырастут, те, что будут иудеями, останутся жить, а если исповедуют Христа — умрут. Все это я написал и сообщил твоему величеству, чтобы убедить тебя, чтобы ты не остался со своим народом христианином, но отрекся и был со мною. К иудеям же, моим братьям, которые находятся в твоей власти, будь к ним дружелюбен, мой брат. Напиши и пришли мне (весть) относи-

тельно этого, и, кого ты пожелаешь, я пришлю к тебе».

Все это было написано Мундару нечистым иудейским царем. Когда мы прибыли туда, Мундар собрал свое войско и прочел перед ним послание, а после рассказал, как убивали христиан и как они были гонимы у химьяритов. Мундар сказал христианам, бывшим в его войске: «Вот все слышали, что случилось. Отрекайтесь теперь от Христа (с. 63), потому что я не лучше, чем цари, преследующие христиан». Возревновал один муж из его войска, христианин, и смело сказал царю:

«Мы не в твоё время стали христианами, чтобы отречься от Христа». Мундар разгневался и сказал: «Ты осмеливаешься говорить передо мной?». Он сказал: «Из страха Божия я не боюсь говорить, и меня никто не удержит, ибо мой меч не короче, чем (мечи) других, и я не боюсь биться до смерти». Из за его рода и потому, что он был муж знатный, известный и храбрый в бою, оставил его Мундар.

Когда мы вернулись в Хирту Нааманову,¹ в первую субботу поста, мы встретили посла, посланного царем химьяритов до того, как он умер. Услышав о тех, которые были убиты этим тираном-иудеем, посол спешно подрядил человека из Хирты Наамановой и послал в Негран, чтобы привезти ему ответ. Когда тот увидел и узнал, что там случилось, и вернулся, то и он рассказал в нашем присутствии, этот посол христианин, о том, что мы написали выше и что были убиты 340 знатных, которые вышли к нему (тирану) из города.

О Харите бар Ка'б,² их главе, муже Румы.³ Поносил его этот иудей и сказал ему: «Ты полагаешься на Христа, чтобы восстать на меня, но пожалей свою старость и отрекись от него, не то умрешь сам со своими товарищами». Тот ответил: «Воистину, я огорчен за всех моих товарищей, что они не слышат меня, когда я им говорю, что ты лжец. Я не обращаюсь к тебе и не поверю твоим словам, но буду сражаться с тобой и положусь на Христа, который будет твоим победителем. Город не будет взят, потому что (находящиеся) в нем ни в чем не нуждаются. Ты же не царь, но лжец. Я-то повидал много царей, у них (с. 64) была правда и они не лгали. Христом Богом, я не лгу, что не буду иудеем, подобно тебе, и отступником. Теперь ты знаешь, как мне дорога моя жизнь! Я много пожил на свете и есть у меня сыновья, и сыновья моих сыновей, есть у меня дочери, и многочислен мой род. С силой Христовой я побеждал и я уверен, что, как удобренный виноградник дает много плодов, так будет многочислен наш народ христианский в этом городе, и есть большая построенная церковь, которую ты сжег у нас, есть начальство и власть царей. И воцарится христианство, и угаснет иудейство, минует твоё царство и будет уничтожена твоя власть. Не гордись ничем сделанным тобою; претендуя, ты лжешь».

Так сказал великий Харит, почтенный старец, и тотчас, повернувшись, сказал громким голосом своим верующим товарищам, которые были вокруг него: «Вы слышали, братья, что я сказал этому иудею?». Они сказали: «Мы слышали все, что ты сказал, наш отец». Он снова сказал: «Правы мы или нет?». Они закричали: «Мы правы». Он сказал: «Если кто-нибудь боится меча и отрекается от Христа, пусть отделится от нас». Они закричали: «Далек от нас страх, отец наш, все мы умрем с тобой за Христа, и никто из нас не оставит тебя». Он воскликнул и сказал: «Племена, окружающие меня, христиане, иудеи и язычники, слушайте! Если кто-нибудь из моего рода и близких мне, и из моего племени отречется от Христа и присоединится к этому иудею, не будет у него со мной товарищества и ничего от меня не наследует, но то, что имеется у меня, пойдет на расходы церкви, которую я построил. Если же кто-нибудь из моих не отречется, но останется жить, то наследует после меня мои сокровища. Три селения из принадлежащих мне, которые выберет церковь, пусть будут ей на расходы». Сказав это, он обернулся к царю и молвил: «Я отречен тобою и всяким (с. 65), кто отрекся от Христа. Вот мы стоим перед тобою». Укрепились его товарищи и сказали: «Вот, Авраам, глава отцов, взирает на тебя и на нас с тобою. Всякий, кто отречется от Христа и не останется с тобой, будет отречен им». Он приказал, чтобы их свели к реке, называемой Вадиа,⁴ отрубили им головы и бросили в реку трупы. Он (Харит) простер свои руки к небу и сказал: «Христос Бог, гряди нам на помощь, дай нам силу, прими наши души, да будет благоуханна тебе кровь твоих рабов, проливаемая ради тебя. Удостой нас своим взором и признай нас перед твоим Отцом, для того чтобы он обратился к нам и была построена церковь, и епископ был бы в этом городе вместо раба твоего Павла, останки которого они сожгли». Попрощались они друг с другом, и перекрестил их старец Харит. Он склонил свою голову и принял (удар) меча. Подбежали его товарищи, прижались, очистились его кровью, и все приняли мученичество.

Вышла мать одного трехлетнего дитяти, держа его за руку, чтобы быть убитой. Когда (ребенок) увидел сидящего царя, одетого в царские одежды, он оставил свою мать и побежал, поцеловал колени царю. Царь взял его, начал ласкать и сказал ему: «Чего тебе хочется, пойти умереть с матерью или остаться у меня». Ответил ему мальчик: «Господин наш, хочется мне умереть с матерью, поэтому я и иду со своей матерью, которая мне сказала: „Иди, сын мой, идем умирать за Христа“. Пусты меня, чтобы я пошел к своей матери, чтобы она не умерла без меня. Потому что она сказала мне, что приказал царь иудеев, чтобы всякий, кто не отречется от Христа, был убит. И я, я не отрекусь от него». Царь спросил его: «Откуда ты знаешь Христа?». Ответил ему мальчик: «Каждый день видел я его в церкви, когда я ходил со своей матерью (с. 66) в церковь». Он сказал ему: «Ты меня любишь или свою мать?». Мальчик ответил ему: «Господа нашего и господу моей матери». Снова сказал ему царь: «Меня ты любишь или Христа?». Он ответил ему: «Я люблю Христа более, чем тебя». Царь сказал ему: «Зачем ты пришел поцеловать мои колени?». Он ответил: «Мне показалось, что ты царь христианский, которого я видел в церкви, и я не знал, что ты иудей». Он сказал: «Я дам тебе орехи, миндаль, фиги». Мальчик сказал: «Я не могу есть орехи иудеев, но отпусти меня, я пойду к своей матери». Тогда сказал царь: «Оставайся со мной, ты станешь моим сыном». Он сказал: «Я не могу остаться у тебя, потому что твой запах вонючий, зловонный и не ароматен, как моей матери». Царь сказал приближенным: «Смотрите на этот злой отпрыск, с малолетства испортил его Христос, чтобы он любил его». Один из знатных сказал мальчику: «Пойдем со мною, и я отдам тебя, чтобы ты стал сыном царицы». Сказал ему мальчик: «Пусть тебя ударят в лицо! Моя мать, приносившая меня в церковь, мне милее, чем царица». Увидев, что ее (его мать) взяли, он укусил царя в бок и сказал: «Отпусти меня, злой иудей, я пойду к своей матери и умру с ней». (Царь) отдал его одному из знатных и сказал: «Позаботься о нем, пока он вырастет. Если он отречется от Христа, будет жить, нет, так умрет». Когда его понес раб этого человека, он стал бить его ногами и звать свою мать. «Мать моя, приди, возьми меня, я пойду с тобой в церковь». Она закричала ему: «Иди, мой сын, я предалась Христу, не плачь, оставайся себе в церкви, у Христа, пока я не приду». После того как она это сказала, ей отрубили голову.

В этих писаниях и в молве, которую мы слышали, горе для всех христиан, которым это расскажут, чтобы знали (с. 67) почтенные епископы и верующие то, что случилось у химьяритов, и чтобы они совершали память святым мученикам, о которых мы написали.

Вашу любовь, которую мы знаем поспешной, архимандритов и епископов, особенно же архипастыря Александрии, мы убеждаем написать царю химьяритов, чтобы он написал царю кушитов, чтобы он в скорости приготовился помочь химьяритам. Чтобы они также взяли первосвященников иудейских в Тивериаде, помучили их и послали к этому царю-иудею, чтобы он видел и прекратил борьбу и гонения в области химьяритов. С прочим же, я прошу прощения, которое есть удел архипастырей нынешнего времени и архимандритов верующих.

Еще об этом маленьком мальчике, о котором написано в этой истории мучеников выше.

Нам показалось правильным не обойти молчанием маленького мальчика, о котором написано выше в этой истории, который укусил царя в бок, говоря: «Оставь меня, я пойду умереть со своей матерью». Он взял его и смушал его, но не послушался он его. Царь предоставил его одному из своих знатных, чтобы он вырастил его. А если он вырастет и не отречется от Христа, то умрет. Когда этот иудей был убит кушитами, были казнены все иудеи (в области) химьяритов, этот же мальчик остался живым и вырос. Когда это стало известно царю-христианину, который там был, он взял к себе мальчика. Он получил средства для воспитания и достиг совершеннолетнего возраста. И держал его царь в большой чести, как мученика Христа. Он сделал его главой своих патрикиев, и он был его секретарем и членом его совета. Имя его было Бисар (حسري)⁵. Он-то (с. 68) и был, наконец, послан в посольстве к царю Юстиниану. Он долгое время пребывал в пении песен, так что удивлялись его добродетели, кротости, смирению мужа и благородству, которое было разлито по его лицу, постоянному страданию, непрестанной молитве, которая была у него в уме, когда он с утра до вечера обходил церкви столицы. Он молился и раздавал милостыню из того, что ему давалось от царя. Он постоянно постился до вечера, целые дни. Все видевшие это поражались этому и с удивлением говорили о нем. Затем стало о нем известно, что он тот маленький мальчик, который отрекся от того иудея, поносил его в лицо и затем укусил его в бок. Он не хотел, чтобы это о нем знали

и рассказывали, что он мученик Божий.

О царе кушитов, его походе и убийстве тирана и бывших с ним иудеев.

После того как царь кушитов, который убил первого царя химьяритов и по этой причине стал христианином, узнал о гибели христиан и тирании иудеев, он распалился гневом, взял свои войска и выступил против тирана. Он захватил его, убил его, уничтожил его войска и всех иудеев в земле химьяритов. Он также поставил там царем ревностного христианина по имени Авраам. Таким образом, там были собраны все христиане, рассеянные гонением и страхом перед иудеями, и землю эту он восстановил в христианстве. Он послал в Александрию и принял епископа до введения (там) исповедания Халкедонского собора. Этот (епископ), краткое (с. 69) время пробы в этой земле (химьяритов), умер. А когда царь химьяритов узнал, что введение (исповедания) Халкедонского собора осуществилось в Александрии, что был гоним и умер патриарх Феодосии из-за веры, так как он не пожелал принять собора, то и он (царь химьяритов) разгневался и не пожелал принять епископа из Александрии.

(С. 111—112). В это самое время было великое бедствие в этих государствах из-за недостатка священников у кушитов, химьяритов и индусов. Каждый год посылались послы с большой честью к царю Юстиниану просить его, чтобы он дал им епископа, который не принимает Халкедонского собора. Они многократно просили его, а император боролся за собор, советовал и уговаривал их, чтобы они приняли епископа из тех, кто принят собором и сидит в Александрии. Они же возражали, что не принимают собора, но что (желают епископа) из тех, которые не принимают собора. (Император) же приказал, чтобы это их желание не было удовлетворено. Но это обратилось в ничто. Так каждый год послы отправлялись и шли от этих трех государств в течение около 25 лет, пока не кончились и не прекратились священники из числа этих народов (с. 112). После того как они длительно старались и не нашли себе такого епископа, который бы не подчинялся этому собору, то они дошли до того, что взяли и преступили правила канонические, они собрали священников и возложили евангелие на голову одного из них и сделали его епископом. Таким образом, как они полагали, они выполнили епископское правило, в то время как они не остались и в правиле для мирян. Многие из них были возмущены и не посчитались с этой хиротонией, и не приняли его, но произошла между ними распря великая. Из-за недостатка епископов была там и другая ересь, заблуждение, взятое у мельхиседекитов, которые нагло говорили, что Мельхиседек был Мессией. Так что от одного этого народа не только церковь раздиралась, но и государство. По этой причине они разделились на двое, и битвы, распри и драки велись в этих землях в течение долгого времени. Наконец во все эти земли пришли люди фантазиасты, от Юлиана и Гайана (𐤒𐤓𐤁𐤀), и они погубили эти земли.

ВИЗАНТИЙСКИЕ ПОГОВОРКИ

Византия — наследница древней Греции, великая средневековая держава, располагавшаяся на трех материках, считала Средиземное море «своим» озером.

Византия, золотой мост между Востоком и Западом, выполнила великую миссию, сохранив и приумножив научное и философское наследие античности, которое пышно расцвело, освещенное новой идеологией, зародившейся на Востоке.

Византийская образованность развила все отрасли знания, известные античности, на новом этапе они углублялись, вырабатывали свои теории, взгляды и понятия, с большой широтой стали пользоваться результатами практического опыта, пытались теснее сочетать его с отвлеченной мыслью.

Фольклор часто является выражением практической философии, а поговорка — выводом многовекового опыта. Наблюдательность, умение одним словом метко определить то или иное явление, иронизировать, сразить смехом — эти качества отличали грека средневековой Византии.

Византийские поговорки невольно вызывают улыбку, так как они верно схватывают и определяют человеческие недостатки, большие и мелкие.

Высмеивая прозорливость, в Византии говорили: «Свинья и во сне видит ячмень», «Лев, лев, а в еде дракон»; желая сказать, что за трапезой не следует отставать и чиниться, советовали: «За столом не может быть слишком короткой руки».

Для византийских поговорок характерен не только образный язык, но и связь с эпосом о животных, с баснями. Поэтому поговорки иносказательно приписывают животным те недостатки, которые они хотят обличить у людей.

Смешная кичливость, стремление выдвинуться породили поговорку: «Все короткохвостые собаки (считают, что они) родня нам». Женское тщеславие, страсть к нарядам охарактеризованы с трагической ноткой: «Мир погибал, а моя жена себя украшала».

Материнская любовь отмечена мягкой иронией: «Обезьяна посмотрела на своих детенышей и сказала: „Разве они не прекрасны!“».

Некоторые поговорки имеют несомненно социально-политический смысл: «Кто скажет льву — твоя пасть зловонна». Общественная жизнь осмысливается лишь с позиции силы, поэтому можно считать, что только «Когда волк стар, он издает законы», а будучи молодым и крепким, он решает все вопросы насилем.

Трудно рассчитывать на несущих службу, вот и говорят: «У нас был пес, а он помог волку».

У нас говорят «закаркала ворона», когда кто-то заранее предсказывает неудачу какой-нибудь попытке или делу. Раздражение на такого рода предсказания в Византии выражали словами:

«Зловещую птицу укусила даже овца».

Остроумно говорится, что нападать удобно, обезопасив себя: «Хорошо бросать камни с верхнего этажа»; выступать, когда бой окончен: «Пал бык, и все подняли мечи».

Психологические наблюдения не лишены иронии, насмешки, порой очень горькой: «Вор увидел печать и захохотал». Глубокое понимание худшей стороны человеческой природы в афоризме: «Злой смотрит на всех, как на своих должников».

Византийские поговорки остроумны, живы, яркие и отражают многие характерные черты и противоречия византийского общества.

ВИЗАНТИЯ И СЛАВЯНЕ

Славянские народы вписали не одну славную страницу в историю культуры человечества, в мировую сокровищницу науки, литературы, музыки, живописи. Но чтобы учесть все значение славянства, необходимо обратиться и к Византии, носительнице высоких традиций древних культур, эллинской культуры и цивилизаций восточных империй.

Акад. Ф. И. Успенский, оказавший влияние на изучение Византии во всем мире, высказал справедливую мысль, что история славян в своих истоках, до образования славянских государств, во многом скрывается в истории Византии. Не только в начальных стадиях история славян так тесно связана с Византией, но и в последующем их развитии сказалось ее мощное культурное влияние. Неоспоримым является также и другой факт, а именно, что сама Византия на протяжении нескольких веков оказалась под влиянием славянских «варваров», значение которого было столь велико, что породило в ее государственном развитии совершенно новые явления. Это взаимодействие обострило и ускорило процессы феодализации в самой Византии. Как феодальная держава Византия сложилась в результате воздействия «варварских» завоеваний и глубоких внутренних сдвигов, подобно тому как под влиянием этих же факторов образовались феодальные государства на территории Западноримской империи. Если византийское законодательство VI в., представлявшее собой последовательное развитие римского права, указывает на пережитки рабовладения, на наличие рабовладельческого уклада, то оно отмечает и ту переходную форму эксплуатации земледельческого населения, которая известна как колонат. В VIII в. законодательство императоров-иконоборцев свидетельствует о том, что основой хозяйства Византии была свободная крестьянская община. Появление ее было также и следствием заселения славянами ряда областей, принадлежавших Византии, где славяне продолжали жить общиной, создавая отношения нового типа, подобно тому как их создала крестьянская марка на Западе. Так намечается одна из черт конечного результата того взаимодействия между славянами и Византией, которое имеет всемирно-историческое значение.

ДРЕВНЕЙШИЕ СВЕДЕНИЯ О СЛАВЯНАХ

На основании свидетельств латинских писателей уже в I в. н. э. можно говорить о наличии славян в южнорусских степях и Причерноморье. У Плиния Старшего, Тацита и Птолемея сохранились названия племен, которые потом растворились в славянских племенах. О ве-

нетах уже с первых веков нашей эры говорится как об одном из наиболее многочисленных славянских племен. Движение славян на Запад связано с непреодолимым продвижением германцев, которое было остановлено лишь завоеванием лангобардами Италии в 568 г.

Нападали славяне на Византию в первый период, который может быть прослежен по источникам, совместно с другими народами и племенами. Славяне входили в состав более крупных объединений гепидов, гетов, авар и совместно с ними разоряли богатые области Византии. Часто славяне двигались в составе кочевых или полукочевых племен, которые искали новые пастбища, хотя сами славяне уже вели сельское хозяйство. Задолго до VI в. славяне располагались к северо-востоку от Дуная и делились на две ветви: западную, носившую название склавен, или славян, и восточную, называемую антами. Анты, по сообщению византийского историка VI в. Прокопия Кесарийского, занимали области к северу от Азовского моря и вдоль р. Дон. Гот Иордан, писавший на латинском языке, сообщает, что от р. Вислы на необозримых пространствах поселилось многолюдное племя венетов. Хотя названия их меняются теперь в зависимости от различных племен и местностей, но главным образом они именуются склавенами и антами. Название венетов сохраняется за славянскими племенами и в VI в.

СЛАВЯНЕ В БОРЬБЕ ЗА БАЛКАНСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

Северная и северо-западная границы Византийской империи испытывали постоянное давление варварских нашествий, в большинстве которых участвовали и славяне. В начале VI в. правительство императора Анастасия было вынуждено построить огромное сооружение — сторожевую стену, которая протянулась более чем на 80 км между Черным и Мраморным морями, опоясывая столицу на 40 км и превращая ее в «малый остров». Охрана длинных стен была очень затруднительной, но для столицы все возрастала опасность, грозившая ей от варваров. Стремясь спасти империю от вторжений, императоры прибегли к старому, но далеко не безопасному способу привлечения на службу империи целых племен. В качестве федератов, союзников, колонистов Византия втягивала все новые народы в сферу своего культурного влияния, предоставляя им для поселения области, находившиеся в старых провинциях империи. Войска вербовались из франков и лангобардов, герулов и славян.

К VI в. нижнее и среднее течение Истра (Дунай) до устья Тиссы продолжало еще считаться границей империи, но фактически власть принадлежала там народам славянского происхождения. Земли же к северу от Дуная были давно потеряны для Византии — ими владели славяне.

С начала VI в. славяне почти ежегодно переходят Дунай то небольшими отрядами, то значительными массами с целью захватить добычу и пленных. В 547/48 г. походы славян достигают Иллирика и Далмации, а 15-тысячное византийское войско не решается вступить с ними в бой. Западные области Балканского полуострова уже перестают быть опорой империи. В борьбе готов в северной Италии против императора Юстиниана им помогли славянские войска в количестве 6000 воинов.

С середины VI в. походы славян за Дунай становятся более планомерными. Они быстро оценили значение моря и приморских гаваней, особенно Солуни, осознав ее военноморское, стратегическое и торговое значение. При этом славяне действуют в союзе с аварами — народом, близким по происхождению к гуннам. Византийские писатели различают авар и славян, но часто и объединяют их, так как они составляют одно войско.

Империю не раз приходилось откупаться от агрессивных соседей. Аварские послы получали в Константинополе щедрые подарки: золото, серебро, одежды, седла. Пораженные роскошью подарков, «варвары» посылали новых послов, вновь одаренных с прежней щедростью. С помощью авар император Юстиниан надеялся победить своих врагов, в первую очередь славян, которых авары должны были по возможности удерживать. По эта политика не всегда достигала цели. В 568 г. совместно со славянами авары попытались взять приступом г. Сирмиум (Срем), их целью было дальнейшее укрепление на Дунае.

О размахе славянских набегов на балканские провинции Византии во второй половине VI в. свидетельствует современник этих событий сирийский историк Иоанн Эфесский (умер в 586 г.). «В третий год после смерти царя Юстина, в царствование царя Тиверия вышел проклятый народ скламены и прошли всю Элладу, области Фессалоники и всю Фракию. Они захватили много городов и крепостей, опустошили, сожгли, полонили и подчинили себе эту область, и поселились в ней свободно, без страха, как в своей собственной. Это продолжалось в течение лет четырех, пока царь был занят войной с персами и все свои войска посылал на восток».¹ На-

пор славян на Балканский полуостров перестает быть временным явлением. В столкновениях с Византией славяне совершенствовали свое военное искусство, приобретали новые технические навыки ведения войны, которые успешно применяли против своих врагов. Византийские историки отмечают боеспособность, силу, храбрость славян. Постоянные грабежи позволили сосредоточить в руках правящей верхушки значительное количество богатств, что также усиливало военную мощь славян. Усиление славян и побуждало византийское правительство идти на соглашение с аварами, чтобы при их помощи разделаться со своими опасными соперниками. Но на деле получалось иначе: славяне в союзе с аварами и другими народами все глубже и глубже вторгались в балканские провинции Византии. Это целая коалиция «варваров» против Византии, и из одного того, что эти народы умели организовать совместные нападения, видно, что они уже не были в такой степени «варварами», как это казалось в Константинополе. «Они осаждали ромейские города и крепости и говорили жителям — выходите, сейте и собирайте жатву, мы возьмем у вас только половину подати». Это было значительным облегчением для населения и примиряло их с завоевателями, так как тяжелые формы налогообложения сменялись новыми, более мягкими формами. Это же обеспечивало славянам тыл.

Славянские вторжения ставили целью достигнуть моря и укрепиться в приморских гаванях. Византийский источник начала VII в. рассказывает: «Поднялся народ славянский, бесчисленное множество из драгунитов, сагудатов, велейзитов, ваюнитов, верзитов и прочих народов. Научившись делать лодки из одного дерева и снарядив их для плавания по морю, они опустошили всю Фессалию и расположенные кругом нее и Эллады острова». По этой причине ряд островов, областей Балканского полуострова и Малой Азии стал необитаем, так как выдолбленные из дерева лодки-однодревки оказались в руках славян страшным орудием. Они окружали город, брали его в осаду, смело нападали, так что даже такая значительная морская гавань, как Солунь, удержалась лишь благодаря случайности. Славяне предлагают аварам союз против Византии с тем, чтобы они оказали помощь во взятии Солуни, за что аварскому кагану была обещана большая добыча. Но город выдержал тридцатитрехдневную осаду. Сохранились имена славянских вождей, принимавших участие в этой борьбе за средиземноморский порт: князь славян Кувер, князь ринхинов Первуд.

ВНУТРЕННИЙ СТРОЙ ДРЕВНИХ СЛАВЯН

Основные сведения о внутреннем быте славян находим у Прокопия Кесарийского, византийского писателя VI в. В 3-й книге своего сочинения «О готской войне» он пишет: «Славяне и анты не имели единой государственной власти, они имели общенародное правление, народные собрания, сходки, на которых совещались по всем военным вопросам». При первых встречах с Византией «они ходили в бой пешими, были вооружены лишь метательными копьями, дротиками и имели щиты». Свои жилища они располагали, используя природную защиту, в лесных районах, у рек, стоячих озер, болот; в «Стратегиконе» псевдо-Маврикия говорится об антах, восточных славянах. На случай опасности их жилище имеет несколько выходов. Питались славяне скромной и простой пищей, а их образ жизни сходен с жизнью массагетов, известных в причерноморских и приазовских областях еще в III и IV вв.

Уже в очень раннюю пору можно говорить о земледелии и скотоводстве у славян как об основных занятиях. Они располагали сельскохозяйственными продуктами, особенно много было у них проса и ячменя. На широкое распространение скотоводства указывает, например, тот факт, что в жертву своим богам они приносили волов. Авары в одних случаях составляли общины со славянами отряды, в других случаях опустошали и сжигали их селения. Богатство славянских поселений подтверждается рядом свидетельств. Так, упоминается Ардагаст, князь славунской страны, где процветало земледелие. Захватив Балканский полуостров, славяне и здесь «разбогатели, имеют золото и серебро». Табуны лошадей и оружие усиливали их боевую мощь.

Социальный строй древних славян в VI в. представлял собою военную демократию. Славянские князья, их вожди и военачальники названы рядом византийских источников. Известны имена вождей Ардагаста, Пирагоста, князя Даврита, князя Лавриты, посла Мезамира и брата его Калагаста, князя Акамира. К моменту, когда Византия вошла в тесное соприкосновение со славянами, их устройство было того типа, которое Энгельс называл военной демократией (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 21, с. 127), то самое, что наблюдал Прокопий Кесарийский у склавен и антов. Военные походы славян сопровождалась грабежами и пленением больших масс населения.

Массовое пленение населения в завоеванных славянами областях было связано с потребностью в рабочих руках. Рабство, несомненно, имело место, но не получило широкого распространения, что наложило известную печать на общественный строй древних славян. Для Византии рабовладение было уже пройденным этапом, колонат имел еще широкое распространение, но тем не менее она превращалась в феодальную державу. Славянские народы шли по пути феодального развития, минуя рабовладельческий строй. В VI в. намечаются формы государственного устройства славян, в VII в. можно с уверенностью говорить о больших и дифференцированных государственных образованиях у славян.

СЛАВЯНСКИЕ ГОСУДАРСТВА И ВИЗАНТИЯ

Создание славянских государств следует отнести к первой четверти VII в., когда в Моравии образовалось одно из первых славянских государств. Рассказ о нем сохранился лишь в латинских источниках. Начало Моравской державе положил Само. Он появился около 622 г., когда чешских славян жестоко теснили авары. Само сумел организовать славян. При борьбе за освобождение Моравии они избавились от авар, а в 627 г., по словам хрониста Фредегарда, Само стал королем и процарствовал около 35 лет. От своих 12 жен он имел 22 сыновей и 15 дочерей. Освободив славян от их притеснителей, он успешно боролся и против франков, которые стали искать с ним союза. Определить границы державы Само по скудным сведениям, которыми располагает история, трудно, но ядром ее была Моравия, а столицей — Вышеград. С 641 г. известия о Само прекращаются, а само государство его вслед за тем распадается. Но чрезвычайно существенно, что был сделан почин: славянский элемент сумел утвердить свои права, несмотря на жестокий нажим со стороны аварского каганата.

Характерно сказание о Кувере, или Куврате, связанное с движением против аварского каганата. На биографии Куврата можно проследить тесное взаимодействие между Византией и славянами. Куврат был воспитан при константинопольском дворе и крещен. Личная доблесть сочеталась в нем с широким кругозором и образованием. Благодаря своему военному дарованию и хитрости он захватил восточную часть территории современной Болгарии и Македонии, а затем в заключенном с Византией договоре обусловил, что останется на занятой земле. Кроме того, один из пунктов договора сохранял за ним право собирать дань с дреговичей. Так возникла мощная держава в областях восточной Болгарии. Куврат умер в царствование Константа II (641—668 гг.). Его сменил Аспарух, принявший после него главенство над (прото)болгаро-славянским объединением. Стремясь сберечь себя от наступления со стороны аварского каганата, который занимал области между Дунаем и Тиссой, Аспарух создал укрепленный лагерь при устье Дуная, названный Аспарухов Угол. Авары были уже значительно стеснены Кувером со стороны Македонии и государством Само. Стремясь проникнуть все глубже в области Балканского полуострова, (прото)болгаро-славянское объединение передвигало и свою столицу. Вслед за Аспаруховым Углом вблизи Шумлы, в местности Абоба, была основана первая столица болгар. Отсюда, из Абобы (Плиски), они простирали свои набеги то к стенам Константинополя, проходя по Фракии, то устремлялись к Солуни.

Раскопки, произведенные в Абобе, говорят о существовании дворца с тронным залом и жилыми помещениями, языческого храма, превращенного потом в христианскую церковь. Эти монументальные здания относятся к VIII в., они появились позже, чем деревянные жилые постройки, состоящие из небольших помещений. Столица болгарских ханов была обнесена стеной со сторожевыми башнями, круглыми и квадратными. Восточные ворота, ведущие в город, украшены изображениями всадника с копьем, воина в высоком головном уборе, оленя с ветвистыми рогами. В домах были найдены лосиные рога, кабаньи и лосиные черепа. Обнаружены надписи в честь героев и государственных деятелей болгарского ханства на греческом языке, сохранившие их титулы и имена, а также названия городов, подпавших под власть болгар. На основании фрагментов некоторых надписей можно судить о договорах болгар с Византией. Сохранились также части предметов роскоши, украшений, перстни, браслеты, ожерелья. Золотые и медные монеты, свинцовые печати свидетельствуют о широких торговых связях ханства.

Раскопки первой болгарской столицы дают представление о том, в какой тесной связи с Византией складывались культура и письменность Болгарии. Вторая столица болгар была заложена около 821 г. у подошвы Балканских гор. Великая Преслава известна из русской летописи. Во второй половине VII в. Византия была вынуждена платить дань болгарам. Попытка отказаться от условий выплаты привела к нападению болгар. Император был вынужден вызвать конницу из Азии, где особенно славилась армянская и арабская кавалерия. Можно с уве-

ренностью говорить, что введение конного строя в византийских войсках, заменившего тяжелооруженную пехоту — основную силу греческого и римского войска, — произошло под влиянием конного войска Ирана и кочевых народов на европейской границе.

В 688 г. в балканских клисурах (ущельях) болгары были отбиты византийскими войсками, тогда они двинулись через Македонию на Солунь, в области, занятые славянами. Византия воспользовалась этим моментом и двинула большую группу переселенцев — славян — в Малую Азию, в область Опсикий. Фактически такая колонизация началась раньше, так как еще к 650 г. относятся сведения о славянской колонии в Вифинии, которая поставляла империи воинов. В 710 г. болгарский хан Тервель с 3000 болгар и славян оказывает поддержку византийскому императору и входит в союз со славянами Малой Азии. В последующие годы византийский престол опирается на болгарские войска, сохранившие власть Юстиниану II. Хан Тервель получил за это высокий титул, который не помешал ему, однако, совершать набеги на плохо защищенную Фракию, а в 712 г. дойти до золотых ворот Константинополя и спокойно возвратиться с огромной добычей. Заключенные в 715—716 и 743—759 гг. между болгарами и Византией договоры устанавливали границы между обеими державами, содержали пункты об обмене перебежчиками. Торговые люди при наличии грамоты с печатями имели право беспрепятственно переходить границу. Интересно отметить пункт о ввозе тонких шелковых и парадных одежд в Болгарию, а также красной, хорошо выделанной сафьяновой кожи.

В течение всего VIII в. болгары продолжают нападать на Византию. Наряду с этим в VIII в. намечаются и новые моменты: посещение болгарскими ханами Царьграда не прошло бесследно. К середине IX в. Болгария прошла через правление Крума и Омортага, наиболее видных и активных ее ханов. От времени последнего сохранилась горделивая надпись на греческом языке, в которой он подражает званиям византийских владык.

В середине IX в. в Византии выдвинулся крупнейший политический деятель, человек большого ума, широкого кругозора и несокрушимой энергии — Фотий. Светский человек, он прошел с 20 по 25 декабря 857 г. все ступени клерикальной иерархии, чтобы стать патриархом Константинопольским и выполнять чисто политические задачи. Его государственный ум оценил значение изменений, происшедших в этническом составе империи и ее соседей. Он с успехом по-новому применил старые приемы Византии — методы мирного приобщения к империи. В этот момент назрело сознание необходимости в политической миссии среди балканских народов, для успеха которой византийские деятели отказались от греческого языка, что дало им огромные преимущества перед латинским Западом.

Исполнителями культурной задачи всемирно-исторического значения явились Кирилл и Мефодий. После 860 г. братья были направлены Фотием «к хазарам», в южнорусские степи, населенные славянами. Кирилл, вероятно, уже располагал некоторыми своими переводами на славянский язык. Здесь они обратили в христианство «фульское племя». После первого успеха труд, не «меньший первых», ожидал братьев, ибо Ростислав, князь Моравский, послал послов к императору Михаилу, прося культурной и политической поддержки. Грамота папы Николая V от 864 г. указывает, что претензии немецких князей как нельзя лучше совпадали с интересами Рима.

Кирилл и Мефодий прибыли в Велеград, столицу Моравии, в 863 г. «и, собрав ученики, власть я учить». Это было возможно только благодаря тому, что, зная славянский язык, они привезли составленную ими грамоту и перевод некоторых священных книг, что способствовало укреплению культурной самостоятельности славян, с их собственными языком и литературой. Просветительная деятельность братьев встретила противодействие со стороны латинских клириков. В 867 г. папа, обеспокоенный успехом славянских проповедников, вызвал их в Рим. По дороге они остановились в Паннонии, где по желанию славянского князя Коцела обучили грамоте 50 молодых людей и оставили экземпляры своих переводов. В 868 г. славянские просветители были торжественно приняты в Риме папой Адрианом II, и их великий труд — славянский перевод писаний — получил здесь признание.

Несомненным следствием перевода книг на славянский язык и изобретением славянского алфавита следует считать приобщение к восточному христианству болгарского государства.

РУСЬ И ВИЗАНТИЯ

Как и другие славянские народы, Русь сталкивается с греческим миром в войне и в мирных сношениях. К первой четверти IX в. относятся сведения о нападении Руси на Крым-

ское побережье от Корсуни до Керчи, принадлежавшее Византии. Во второй четверти того же века, до 842 г. во всяком случае, Русь напала на Малоазийский берег Черного моря. Были разграблены и разорены области от Пропонтиды до Синопа. Но самым примечательным событием было нападение Руси на Константинополь 18 июня 860 г., когда 200 кораблей стали угрожать византийской столице с моря. Насколько высоко стояла осведомленность славян о делах соседей, свидетельствует тот факт, что они использовали время, когда царь Михаил двинулся во главе своих войск на оборону береговых областей Малой Азии. Он спешно вернулся с дороги, повел переговоры о мире, в результате которых был заключен договор. С 18 по 25 июня «Русь», держа в страхе мировую столицу, разорила ее ближайшие окрестности и удалилась без поражения.

При императоре Феофиле, в 839 г., послы Руси находились в столице, как об этом сообщают Вертинские анналы. Имеются свидетельства о заключенных договорах в 860, 866—867 гг. Последний имел следствием принятие Русью христианства из рук Византии. Послание патриарха Фотия говорит о том, что в Царьграде были превосходно осведомлены о состоянии этого государства, зародившегося на востоке Европы.

О развитой торговле Руси в первой половине IX в. известно из сообщений арабского географа Ибн Хордадбега, районом ее было Черное море. Но столица Византии излучала «магические чары», которые заставили и Русь искать с ней тесные сношения. Сюда и были устремлены желания приднепровских славян, но получить возможность свободно торговать в столице было не так легко. Олегов «щит на вратах Царьграда» был символом действительно победоносных походов русских. Победы, воспетые в русских и скандинавских народных песнях, предшествовали договору Олега с Византией в 911 г. В нем не упоминаются ни христианство, ни клерикальные связи, но вскользь говорится, что предыдущие соглашения засвидетельствовали «от многих лет межи Христианы и Русью бывшую любовь». Зато в нем множество интереснейших деталей. Так, послов от Руси принимали в столице, если они имели при себе золотые печати русского князя, купцы — гости — должны были предъявлять серебряные печати и, наконец, допускались рядовые воины, которые приезжали с целью быть принятыми на военную службу в Византию. Печати имели официальное значение, делали правителей Руси ответственными и за действия ее выходцев, тем более князь был обязан запрещать им «творить пакости в селах в стране нашей», т. е. в византийских селениях и областях. Послы и все гости должны были жить в предместье Константинополя у монастыря св. Мамонта, причем первое место получали киевляне, второе — черниговцы, третье — переяславцы, а затем прочие. Послы получали содержание, а гости — «месячину» натурой: хлеб, вино, мясо, рыбу и фрукты, причем не только те, кто приехал продавать, но и покупать в столице. Отсюда видно, какое значение придавало византийское правительство вывозу. Специальный чиновник был приставлен вести учет гостям и «месячине», которая выдавалась не более чем в течение полугода. Особого комментария не требуют те опасения, которые вызывали русские гости. На рынки их выпускали лишь по 50 человек, без оружия, в сопровождении городского «блюстителя порядка». При отъезде гости получали на дорогу провиант и корабельные снасти, последнее, вероятно, в связи с износом таковых на длинном пути «из варяг в греки».

Новый поход с 40-тысячным войском на Византию был предпринят в 941 г. при князе Игоре, пока византийский флот был отвлечен арабами. Но взять Царьград не удалось. Русские разорили побережье от Босфора до Византии, двигаясь вдоль берегов Малой Азии, ко здесь их настигли византийские войска. После жестокого поражения Игорь вернулся через Азовское море, опасаясь засады печенегов на Днепре. Только в 944 г. был возобновлен мирный договор с Византией, но гораздо менее выгодный. Некоторые пункты этого договора имеют большой интерес: византийский император получал право вызывать в военное время русские «вои» и со своей стороны обещал предоставлять русскому князю военную силу, очевидно для защиты византийских областей Крыма, «елико тебе». Охрана Крыма была поручена Киевской Руси, так как самой Византии на это не хватало сил. Области Херсонеса необходимо было охранять от черных болгар, и русский князь брал на себя обязательство не давать им «пакостить» в Корсунской стране. Чем объяснить этот новый пункт в русско-византийском договоре? Не тем ли, что Русь успела крепко обосноваться вблизи Херсонеса? Император Константин Порфирогенит, современник Игоря и княгини Ольги, в своем сочинении «Об управлении империи» подробно останавливается на политическом устройстве и торговых связях Руси. Византия была превосходно осведомлена обо всех русских делах. Вдова Игоря, княгиня Ольга, дважды была в Константинополе. Но переговоры с императором ее мало удовлетворили, так как он видел

свою опору в печенегах и не стремился поощрять усиление Руси.

В правление князя Святослава произошли события большого значения. Император Никифор Фока, желая привести к повиновению Болгарию, но отвлеченный к своей азиатской границе арабами, обратился за помощью к киевскому князю. С 60-тысячным войском Святослав вторгся в 968 г. в Болгарию и добился военных успехов. Временно он вернулся в Киев, чтобы затем возвратиться в Болгарию. Но его желание объединить Великую Преславу с Киевским княжеством под своей властью испугало Царьград. Иоанн Цимисхий в 971 г. добился поддержки болгар и начал жестокую блокаду Доростола, длившуюся три месяца. Он умело использовал оплошность Святослава, который не оставил охраны в горных проходах. После тщетных попыток прорваться Святослав пошел на переговоры с Цимисхием, обещая сохранить прежнее соглашение и оказывать империи военную поддержку в случае необходимости.

Во время тяжких военных восстаний и брожения в Византии между 986—989 гг. военная помощь была ей оказана киевским князем Владимиром, который захватил и город Херсонес. Царьград получил его обратно лишь «за вено царицы», в качестве выкупа за царскую сестру, выданную замуж за Владимира. В свою очередь Владимир стал христианином.

Вскоре после того связи Византии и Руси несколько ослабевают. И ту, и другую стороны отвлекают более насущные задачи: борьба «со степью» у Руси, борьба с арабами и Западом у Византии.

Русь сложилась в сильное, самостоятельное государство со своими традициями и культурой. Сношения с Византией, Скандинавией, Болгарией сделали ее с первых шагов державой с мировыми связями.

ВИЗАНТИЙСКАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СЛАВЯН

Выдающаяся роль, которую играла Византия в общей культуре средневековья, единодушно признается как латинскими, так и греческими средневековыми писателями, сирийскими и армянскими историками, арабскими и персидскими географами. Анналы, которые составлялись мандаринами «Небесной империи», осведомлены о великой державе дальнего для них Запада. Высокий уровень материальной культуры и широкие торговые связи были наиболее важными причинами ее могущества.

Александрия в Египте, Антиохия в Сирии, Эдесса на Евфрате, Майферкат и Двин в Армении, множество малоазийских городов, Херсонес в Таврике, Солунь на Балканском полуострове были опорными пунктами областей, находились на перепутье торговых и стратегических дорог. Но все пути вели во второй Рим — Царьград, мировую столицу. Константинополь, политический, административный, торговый и культурный центр империи, был огромным рынком. Сюда стекались товары с самых отдаленных мировых рынков. Из Китая и Средней Азии привозили шелк-сырец, который переходил из рук согдийских купцов к персам и сирийцам, доставлявшим его в прибрежные города, а оттуда в столицу. Русские и скандинавские лоды доставляли воск, пушнину, мед. Из Ирана и Аравии на верблюдах в гавани сирийского побережья доставляли изюм, урюк, миндаль, финики, вино, сирийские и сарацинские ткани, ковры и широко славившиеся готовые одежды. Отсюда большие и малые корабли перевозили товар к Босфору. Из Египта шло зерно, а из глубин Африки — золотой песок и слоновая кость. Столица жадно поглощала огромные количества свежей и соленой рыбы, которую свозили со всего Средиземноморья и Черноморья. Это была пища беднейшего населения городов. Скот пригоняли в Никомедию из Малой Азии. Табуны лошадей паслись во Фракии, откуда их перегоняли в предместья столицы. Оливковое масло поступало из Малой Азии, Эллады, Пелопоннеса.

Византия была и средоточием средневековой образованности. Греческая по языку культура связывала ее с эллинской традицией, с непревзойденными образцами гомеровского эпоса, прозы Фукидида и Ксенофонта, философских диалогов Платона, комедий Аристофана и трагедий Эсхила, Софокла и Еврипида. Афинская академия, где процветала «языческая философия», просуществовала до середины VI в. Высшие школы в Александрии, Антиохии и Константинополе, кроме цикла клерикальных предметов, имели медицинский и юридический факультеты. Ряд законодательных актов предоставлял учителям и врачам жалованье от казны, освобождал от всяких повинностей, чтобы предоставить им «необходимую свободу для занятий науками». Константинопольский университет с V в. насчитывал 31 профессора, обучавшего слушателей словесности, ораторскому искусству, философии и юридическим наукам. За это профессора получали содержание от государства.

Это дало возможность сохранить в Византии образование, которое в свою очередь способствовало дальнейшему развитию права и законодательства, сохранению медицинских и сельскохозяйственных знаний, как об этом свидетельствуют соответствующие трактаты. Византийская летописная и историографическая традиция через Прокопия и Феофилакта Симокатту связана с древнегреческими образцами, через хронографию Феофана, а особенно Иоанна Малалы она черпает новые силы в живом народном языке.

Как материальная культура Византии, так и плоды ее образованности стали достоянием других народов. Из Византии славяне получили алфавит и первые переводы с греческого на свой родной язык. Славянская и русская летописи ведут свое начало, летосчисление, традицию от византийской хронографии, в частности от рано переведенного в Болгарии Георгия Амартола. Это характерно и для других литературных произведений (стихотворений, житийных), которые переводились, воспринимались, чтобы породить потом новые, самобытные образцы. Но Византия со своей цивилизацией несла и яд вероломства, унижений, насилия, процветавших в пей.

С принятием христианства, с возникновением славянской письменности и расцветом на основе этой замечательной культуры славянские народы быстро вошли в число передовых в культурном отношении народов средневекового мира. Усвоение византийских образцов происходило не механически, но творчески перерабатывалось, принимало новые, своеобразные органические формы, поэтому многое из духовного наследия Византии продолжало жить и в культуре Московской Руси.

СИРИЙСКАЯ ХРОНИКА VI в. О СЛАВЯНСКИХ ПЛЕМЕНАХ

Древняя история продолжает вызывать глубокий интерес. Исследование сирийских источников, относящихся к истории племен, которые проникли в Европу в раннем средневековье, были предметом наших разысканий более 25 лет назад. Сравнительный анализ византийских, греческих и сирийских источников, дополнявших друг друга, привел к точному представлению о первых шагах славянских племен и их появлении в Европе. Тесно связанные с аварскими и тюркскими племенами, они носили наименование склавинов и антов. Так называли их греки, и это имя было им присвоено и сирийцами. Эти источники сделали возможной реконструкцию истории первых побед и поражений славян в областях Балканского полуострова.

Один сирийский источник, современный нашествию племен на Византию, представляет особый интерес — это «Церковная история» Иоанна Эфесского (или Азийского), умершего в 586 г.

Третья часть его труда известна лишь по одной рукописи Британского музея, притом дефектной. Конец ее утерян, но сохранившееся оглавление позволяет сопоставить указанные в нем заголовки с текстами истории псевдо-Дионисия Тельмахрского (IX в.) и главами истории Михаила Сирийца (умер в 1199 г.).

Попытка дать и воспроизвести содержание этого источника, проследить путь славян, их проникновение в области Византии является также ответом на вопрос, что знал и как представлял себе движение и жизнь славян этот современник движения народов с востока в Византию до 585 г., последнего года, записанного в его истории.

Известно, что славянские племена участвовали вместе с аварскими в набегах на Европу. Первое упоминание о славянах у Иоанна Эфесского следует непосредственно за сообщением об аварах, которых он называет «народом отвратительным» за их обычай носить волосы длинными и в беспорядке.

25-я история (=глава) 6-й книги 3-й части «Церковной истории» епископа Эфеса принадлежит к числу тех, которые имеются в наличии в рукописи Британского музея. Перевод этой главы следующий:

«История 25-я

В 3-м году императора Тиверия проклятый народ славян вышел и прошел всю Элладу, область Фессалоники и всю Фракию. Они захватили много городов, крепостей, опустошили, сожгли, полонили и покорили область, водворились в ней свободно, без страха, как в собственной, в течение 4 лет, пока император был занят персидской войной и посылал все свои вой-

ска на восток. Поэтому они расположились на этой земле, раскинулись, пока Бог им покровительствовал. Они грабили, жгли и полонили до внешней стены, взяли много тысяч табунов лошадей и другого скота. И до сих пор, до года 895 Селевкидов (582 г. н. э.), они расположились и живут спокойно в ромейских областях без забот и без страха. Они полонят, убивают, жгут, они обогатились, у них есть золото и серебро, табуны лошадей, много оружия, и они обучены воевать более, чем ромеи. Это люди грубые, которые не смели показываться вне лесов и мест, не защищенных деревьями. Они даже не знали оружия, за исключением двух или трех копий и дротиков».¹

Части 5-й книги, в том числе 25-я глава, идут в последовательном порядке и сохранились в Лондонской рукописи. До 36-й главы книга уцелела, но с 37-й до 49-й остались лишь фрагменты. Содержание этих глав известно по оглавлению в той же рукописи. Победы славян, описанные современником, отражают реальное состояние империи. Отметим точность сообщений о славянах, рассказ об их нападениях, которые происходили в течение 4 лет, указание на время (дата), когда писал историк. Он отмечает, что «этот народ славян», «грубый, варварский», плохо вооруженный, который боялся воевать вне лесов, за короткий срок достиг силы, научился захватывать города, крепости, овладевать огромной добычей, обогащаться. Когда он угрожал столице, жители были охвачены ужасом.

Успехи славян вызвали противодействие аваров, о чем сообщают греческие и сирийские хроники.

Несколько глав из «Церковной истории» Иоанна Эфесского были переписаны Михаилом Сирийцем. Так, он говорит, что славяне захватывали церковную утварь, обычно изготовленную из золота и серебра. Киборий Коринфского храма был захвачен славянами. Они поставили его на повозку и укрепили, с тем чтобы каган в своих переездах мог сидеть под сенью этого кибория.²

Некоторые замечания Иоанна сохранились; он считал, что авары сделали много зла, что это народ, вырвавшийся с востока, тогда как склавины и лангобарды — народы западные. Такое определение относительно, оно объясняется представлением хрониста о том, что славяне и лангобарды до появления аваров занимали территорию на запад от реки Данубис. Иоанн Эфесский (в изложении Михаила Сирийца) полагает, что «каган аваров» был владыкой славян и лангобардов. Эти народы пошли и покорили «два города греков и крепости». Население занятых областей они успокоили, сказав им: «Выходите, сейте, собирайте, мы возьмем с вас половину налога».³ Это облегчение подати должно было примирить население с завоевателями.

Чтобы остановить нападение склавинов на Балканский полуостров, «ромей наняли народ антов», восточную ветвь славян, которые устремились и опустошили земли славян на запад от Дуная. Эти последние тотчас отомстили. Объединенные силы этих народов не смогли овладеть блестящей столицей Византии, но они заняли город Анхиал, где их владыка каган, надев пурпурные одежды, возвестил с гордостью: «Вот, хотел того римский император или нет, дано мне царство».⁴ Но преследуемый тюркскими ордами, он был вынужден вернуться в Сирмиум.

Упомянутые факты почерпнуты из одного источника — «Церковной истории», составленной очевидцем и современником «варварских» нашествий на Византию. Беспристрастный свидетель, он определил способности врагов империи, отметил их склонность к развитию, к эволюции.

Епископ Эфеса, постоянный участник полемических споров, гонимый, нашел время написать эти заметки, важные для древней истории славян.

ХРОНОГРАФИЯ ФЕОФАНА И СИРИЙСКИЕ ХРОНИКИ

Византийская историография не сводится к источникам на греческом языке. Многочисленные народы, входившие в состав империи или тяготевшие к ней, как к великой державе, сохраняли свои языки, на которых они говорили и писали. Культурное влияние Византии было так широко, ее вклад в мировую культуру столь велик, что изучение ее литературы и памятников возможно лишь в тесной связи с материалами на других языках. Христианство как идеология Византии широко распространялось, а с ним приходили Священное писание, богослужебная литургическая, агиографическая литература и другие книги. Благодаря переводам с греческого языка молодых народов развивались, в них появлялся ряд новых отвлеченных понятий, они становились литературными языками. В частности, греко-византийское летописание ока-

зало исключительное влияние на средневековые исторические сочинения, стало примером, которому подражали и на латинском Западе, и на многоязычном Востоке. Византийские хронографы были образцом как для романских и германских летописцев, так и для сирийских, эфиопских, арабских хроник, исторических трудов славянских народов.

Историография Византии пережила несколько эпох, несколько периодов развития, отличающихся друг от друга различными формами изложения. История, в частности церковная история, родоначальником которой был Евсевий Памфил, была продолжена Сократом, Созоменом, Феодоритом. Прагматическая история требовала постепенного изложения хода событий, последовательности, которая выявляла их причины и следствия, находила объяснение всему совершившемуся. Другой формой исторического изложения была хроника, погодная запись, краткие заметки в хронологическом порядке, с обязательными датами, исчисленными по системам: от сотворения мира, по олимпиадам, индиктионам, по годам царствований, священства. Наконец, существовала форма последовательной истории, связного рассказа, в котором истолкование факта как причины и события как его следствия не являлось уже обязательным для изложения, история становилась связной, но не причинно-следственной цепью событий, как в прагматической истории.

Новая форма исторического сочинения, определившая развитие мировой историографии, была смешанного типа; сочинения сохраняли строгую хронологическую канву погодных записей, с соблюдением последовательности лет. В эти «хронографии» наряду с краткими заметками, занесенными под данный год, вписывались подробные сообщения, целые главы, детально излагавшие события.¹

Два памятника, греческий и сирийский, возникшие в близкое время, сходные по форме составления, по объему охватываемого ими периода, имеют свои различия, коренящиеся в особенностях греческой и сирийской традиций, в используемых ими источниках. Имеются в виду Хронография Феофана² и Анонимная хроника псевдо-Дионисия.³ Сопоставление этих двух памятников византийской историографии на греческом и сирийском языках позволяет выявить их общие источники и с достаточной полнотой развить наше положение о взаимной зависимости и значении для византийских исторических трудов параллельных им иноязычных.

Хронограф Феофана занимает особое место среди византийских исторических сочинений по исключительному влиянию и распространению, которое получил этот труд в самой Византии и за ее пределами. Хронологическое распределение материала, погодные записи, даты по разным летосчислениям, годы царствований, имена царей и патриархов делали его справочным пособием. Традиции предшествующих летописей представлены в Хронографе в законченном виде, в нем дан как бы некий образец, синтезирующий предшествующее развитие византийской историографии. Это не прагматическая история, не последовательный рассказ, но и не краткая летопись, это хронологически представленный материал, где наряду с краткими погодными записями есть подробные выписки из источников, изложение отрывков из сочинений таких историков, как Прокопий Кесарийский, Иоанн Антиохийский, Феофилакт Симокатта.

Хроника псевдо-Дионисия Тельмахрского дошла в единственном известном экземпляре Ватиканской библиотеки (Syr. 162, f. 1—173) и нескольких фрагментах Британского музея (Ms. add. 14663, 1—7). Это всемирная хроника, доведенная до 775 г. Автор сам указывает использованные им источники: Евсевиевы каноны для 1-й части, история Сократа — для 2-й, Иоанн Эфесский — для 3-й. Краткие погодные записи на всем протяжении текста постоянно перемежаются внедрением больших отрывков, иногда даже целого сочинения. Так, эта Хроника сохранила замечательный труд Иешу Стилита, Пиерофории Иоанна Руфа, Энотикон Зенона. В то же время основу его труда составляет краткая хроника (или хроники) с погодными записями.

Видно, что по расположению материала эта сирийская хроника близка Хронографу Феофана, последней датой которого является 812 г. Помимо общих приемов, усвоенных традиций, для обоих трудов можно указать общие источники. Это характерно для греческого и сирийского летописания. Сирийцы усваивали греческий язык, говорили и писали на нем, переводили греческих авторов на сирийский, читали греческие источники и включали их в свои труды. История вселенских соборов в период христологических споров показала особенную близость и зависимость греческой и сирийской философской литературы друг от друга. Для этого достаточно вспомнить «Базар Иераклида» и конфликт Нестория, судьбу Хенаны Адиабенского и историю Нисибийской академии.

В Хронографе Феофана, как и у псевдо-Дионисия, основой являются погодные записи,

одновременно с которыми помещаются обширные выписки из использованных ими сочинений. Феофан пользовался источниками, часть которых сохранилась, поэтому можно судить о том, как он с ними работал: обычно он их переписывал, сокращая, но иногда излагал своими словами их содержание.

Псевдо-Дионисий добросовестно назвал свои основные источники, причем это источники, которые дают связное изложение событий, как Сократ и Иоанн Эфесский; кроме того, им был использован не дошедший до нас памятник — «История» Кира Батнского, последние данные которого относятся к 627/8 (или 631) г. Кир Батнский писал в стиле прагматической историографии. После него псевдо-Дионисий не имел подобного источника, поэтому не смог дать последовательной истории,⁴ он располагал лишь рядом кратких летописных известий, в которые вставлял документы и обширные выдержки из других памятников. Краткий летописный источник псевдо-Дионисия связывает его с Феофаном, как и использованный Кириллом Батнским Иоанн антиохийский — Иоанн Малала,⁵ к чему мы еще вернемся, тем более, что к Иоанну Антиохийскому обращался не только Кир, но и другой сирийский историк, труд которого полностью внесен в Хронику псевдо-Дионисия. Хроника Иешу Стилита для истории Византии времени Зенона и Анастасия имеет большое значение; более четверти века тому назад мы анализировали ее и пришли к выводу, что ее автор использовал не дошедший до нашего времени греческий источник, написанный сторонником исаврийской династии — Кондидом, но в обработке хрониста, отрицательно настроенного к исаврам, а именно Евстафия Епифанийского. Если текст Иешу Стилита, повествующий о восстании Илла и истории его отношений с императором Зеноном, сверить с Хронографией Феофана, то обнаружится ряд параллельных мест — под 5971, 5972, 5976 гг.,⁶ которые имеют общее и с Федором Лектором и Евагрием (III, 26). Иешу Стилита дает другие объяснения событиям, снимает их романический элемент, но он очень близок общему греческому тексту. Таким образом, до Иоанна Эфесского, до Захарии Митиленского и псевдо-Дионисия сирийские хронисты пользовались непосредственно греческими источниками, переводили их тут же на ходу. Некоторые из этих источников, таких, как труд Евстафия Епифанийского, в выписках известны греческим историкам.⁷

Рассказ о событиях времени Зенона связан и с Иоанном Малалой, которым пользовался и Феофан, живо повествующий о нападении на Илла по заданию Зенона или Ариадны, о Папириевой крепости и сопротивлении исавров.⁸ Евстафий Епифанийский давал прагматическое, причинно-следственное изложение событий, которое усвоил и Иешу Стилита. Евстафий послужил источником и для Прокопия Кесарийского, а через последнего для Феофана.⁹ Евстафий был близок Иешу по своей восточной ориентации, но к его антиохийским известиям Стилита добавлял еще свои, местные, эдесские. Следует отметить, что Евстафий был также известен Евагрию и Иоанну Антиохийскому (Малале), который называл его «мудрым» историком, отзывался о нем с похвалой и сообщил, что Евстафий умер, доведя свое повествование лишь до 503 г., 12-го года императора Анастасия.¹⁰

3-я часть хроники псевдо-Дионисия написана на основании не сохранившегося в этом разделе труда Иоанна Эфесского. Псевдо-Дионисий имеет большое число совпадений с текстом Иоанна Малалы, дошедшим в сокращенном тексте Оксфордской рукописи (Vagocianus, 128). Фрагменты более полного Малалы известны по Церковной истории Евагрия (Иоанн Ритор) и по другим византийским писателям.¹¹ Те выписки, которые сохранил Иоанн Эфесский из Иоанна Антиохийского (=Малалы=Ритора) и которые вошли в состав третьей части псевдо-Дионисия, являются материалом выдающегося значения для восстановления подлинного текста Малалы.

Иоанн Эфесский (ум. 586 г.) одним из первых, может быть даже первым, использовал полный текст антиохийского летописателя, поэтому эти сирийские переводы должны сыграть важнейшую роль при восстановлении и издании нового текста. Необходимо также принять во внимание выписки из того же Иоанна Антиохийского в эфиопской хронике Иоанна Никии. Текст Иоанна Антиохийского, сохранившийся у псевдо-Дионисия, подтверждает наличие не только 17 книг, но и последней, 18-й, принадлежавшей уже не Иоанну, а другому автору. Более того, эфесский епископ, создавая вторую часть своей истории до 571 г., пользовался такой редакцией антиохийского источника, которая до нас не дошла.¹²

Иоанн Эфесский особенно охотно обращается к Малале потому, что это источник в сущности своей антиохийский и сирийский, а также монофизитский, подвергшийся в последующее время православной обработке. Сирийцы пользовались им в его первоначальной монофизитской форме на греческом языке, причем Иоанн Эфесский переводил его буквально,

сохраняя главы и титулы (где годы 836, 837¹³); текст в его передаче ближе к извлечениям из Иоанна Антиохийского у Феофана, чем в Оксфордском списке Малалы. Сопоставление текстов Иоанна Эфесского (=псевдо-Дионисия) с текстом Малалы и с выписками у Феофана позволяет исправить и уточнить текст Малалы, восстановить его в полном виде (например, Ps. Dion. 879 и Theoph. 6050).¹⁴ Таким образом, непосредственные и опосредствованные заимствования, перевод и выписки из Иоанна Антиохийского роднят сирийские хроники с греческой историографией, в частности с Феофаном.

Распределение материала по годам было одним из преимуществ труда Феофана. И в этом случае можно сблизить псевдо-Дионисия с греческим историографом, он также стремится располагать материал на хронологической канве, которая с датами по эре Селевкидов начинается со второй части его Истории, когда псевдо-Дионисий оставляет Евсевиевы каноны со счислением от Авраама и начинает вторую книгу, в которой он следует «писанию Сократа».¹⁵ Однако хронологическая канва по селевкидскому летосчислению отсутствует у Сократа. Псевдо-Дионисий положил в основу своего труда некий краткий летописный источник. Часть этих кратких выписок находится в непосредственной зависимости от Эдесской хроники VI в.,¹⁶ из которой они извлечены. Тот же источник или другой, также краткий и летописный, содержал данные о событиях общегосударственных и специально александрийских, заимствованные у Сократа, где они, однако, не имеют хронологии. Можно сделать вывод, что у псевдо-Дионисия был источник на греческом языке — хроника, в которой краткие выписки из глав Сократа были датированы и соответственно расположены по селевкидской эре. Третий летописный же источник псевдо-Дионисия дает ошибочные даты, главной является ошибка на 8 лет. Таким образом, во 2-й и в 3-й книгах сирийский историк использовал три летописных источника. Сведения из Иоанна Эфесского типа краткой хроники¹⁷ он расположил в хронологических рамках этих летописных источников, продолжая исчисление по селевкидской эре. Один из источников включает данные Эдесской хроники, второй — неизвестный источник до 868 г., с верными датами и иногда случайной ошибкой в 2 года, третий источник, летописный же, — с ошибкой на 8 лет.

Следует отметить, что в тексте псевдо-Дионисия имеются расхождения, указывающие на использование разных источников. Обращает на себя внимание то, что лондонские фрагменты псевдо-Дионисия и текст Ватиканской рукописи под годами 836 и 837 дают различные по своему содержанию варианты, что воспроизведено и в печатном тексте псевдо-Дионисия.¹⁸ В четвертой части его истории, когда он уже не имел Иоанна Эфесского, он остается близким Феофану, что следует объяснить использованием общего летописного источника. Хронология псевдо-Дионисия и Феофана не сходится, нарушается даже последовательность событий. Для сравнения мы взяли данные об арабских завоеваниях: у псевдо-Дионисия годы 940—913¹⁹ и у Феофана — 6124, 6125, 6126, 6127.²⁰ В кратких фрагментах зафиксированы смена халифов и этапы завоевания арабами Сирии и Палестины, а также и других областей Ближнего Востока. Внимательного сравнительного изучения заслуживают параллели сведений о Мухаммеде у псевдо-Дионисия (годы 932 и 938)²¹ и у Феофана (6122 г.).²² Различная трактовка событий, нарушения хронологии и последовательности событий не могут скрыть того, что греческий и сирийский хронографы использовали общий летописный источник, к тому же ошибку на 8 лет допускают оба, что указывает опять-таки на их общность.

Параллели приведены нами из двух-трех сирийских хроник, из греческих историков выбор пал на Феофана, это ничтожное количество из разноязычной византийской исторической литературы, которая ждет своих исследователей.

Между тем последовательная работа над сирийскими и греческими историческими трудами, их сравнительный анализ и точное изучение могут выявить не дошедшие до нашего времени источники, как это с уверенностью можно сказать относительно Евстафия Епифанийского и Иоанна Антиохийского (=Малалы, Ритора).

Византийская литература — понятие несравнимо более широкое, чем греко-византийская литература, и такой ее новый, широкий охват может с большей полнотой показать всю ее значимость, ее вклад в сокровищницу мировой культуры.

О СИРИЙСКОЙ РУКОПИСИ «ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ» ЕВСЕВИЯ КЕСАРИЙСКОГО

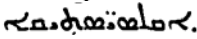
В РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ

Древний сирийский перевод «Церковной истории» Евсевия имеет исключительную ценность из-за важности самого документа и древности рукописей, его представляющих.

Этот перевод имеется в двух основных рукописях: рукописи Российской Публичной библиотеки — Сирийская новая серия, № 1 и рукописи Британского музея — Add. 14.639. Проредактированный по обеим рукописям, текст был издан в 1897 г. Беджаном,¹ а в следующем, 1898 г. — Райтом и Мак-Лином.²

Старшая и более полная рукопись Публичной библиотеки так связана с историей и изданием сирийского перевода Евсевия, что ее история будет в то же время историей всего перевода.

Наша рукопись представляет собой крупную кварту на пергаменте, размер 31x23¹/₂ см. 123 листа ее написаны в два столбца, содержащих 29—34 строки, с широкими полями.

Прекрасная, четкая эстрангела читается легко. Главы и их заголовки написаны красными чернилами; конец абзаца или главы отмечается кружками и точками красного и черного цветов. Поверху некоторые листы имеют надпись красным цветом —

Первый лист пергамента является отрывком, не относящимся ко всей рукописи, это лист, исписанный в три столбца поперек, частью теперь сцарапанного текста, писанного эстрангелой VIII в. Райт узнал в нем часть сирийской хроники (известной ему в манускрипте Брит. музея. Add. 17216, fol. 2—14), содержащей известия времен Птолемея Лага и Птолемея Филадельфа.

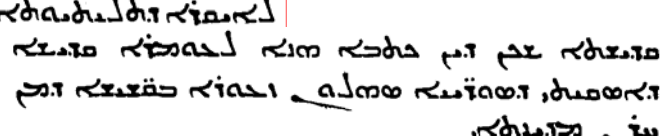
Второе folio (счет ведется в порядке семитического написания справа налево) украшено большим четырехконечным крестом (22x13 см), с узорными концами, в виде двух закруглений и шпиля с дополнительным малым крестом, раскрашенным золотистым, теперь уже полинявшим цветом. Под левым поперечником креста находится грубое изображение не то лошади, не то мула малого размера (5 см).

Рукопись имеет большие лакуны: книги 5-я и 7-я имеют много утерянных листов, а книга 6-я отсутствует. Некоторые прорванные листы и середина рукописи имеют бумажные подклейки из сирийской рукописи, с грубым почерком, относимым Райтом к XII в. 121 лист подклеен пергаментным листком малого формата (14 см), написанным на армянском языке. В этом наискось срезанном листке 17 строк, написанных золотистыми чернилами, а первая строка красного цвета. С. Л. Быховская прочла эту строку — «Евангелие от Матфея». По палеографическим данным, этот листок относится к IX в. (Райт).

Характер эстрангелы, которой написана наша рукопись, заставляет думать, что задолго до V в. должен был выписаться такой почерк. Точками отмечены в рукописи буквы **ⲓ** и **ⲧ**; грамматически множественное число отмечается двумя точками поверх слова; одной точкой наверху отмечается сильная огласовка местоимений **ⲁⲛ** и **ⲁⲛⲏ**. Из знаков препинания переписчик употребляет только одну точку.

Последнее folio (123) заканчивает одним столбцом историю Евсевия, а в следующем дает указания на то, при каких обстоятельствах эта рукопись была написана. Переписку взял на себя «грешный Исхак» (**ⲓⲃⲏⲥⲁⲕ** — Исаак) для какого-то именитого и благородного мужа, имя которого в рукописи выцарапано. Окончил он эту переписку в месяце нисане 773 г. севелькийской эры, т. е. в апреле 462 г. н. э. Далее шла пометка города: о слове **ⲕⲃⲏⲛⲏ** можно догадываться, но название города, как и имя владельца, уничтожены (folio 123):

Другая пометка на рукописи ведет нас к другому ее обладателю. Второй лист, собственно первый лист самой рукописи, на котором находится изображение креста, содержит надпись, сделанную более поздней рукой: «Во славу святой Троицы подарил эту книгу святому сирийскому монастырю Скиты Сахлун, меньший из пресвитеров города Харрана» (fol. 2^a):

На основании палеографических данных нам представляется возможным отнести эту

пометку к X—XI вв.

Итак, первая справка точно датирует наш манускрипт и указывает на то, что он был написан в каком-то городе. Ученые колеблются, была ли это Эдесса или Нисибия. Райт прямо стоит за Эдессу, по доказательств тому никаких не приводит. То, что Сахлун, даритель этой рукописи, был из Харрана, близко расположенного к Эдессе, является, по нашему мнению, подтверждением этого взгляда. Что касается сирийского монастыря в Скитской пустыне в Египте, то это, конечно, монастырь Пресвятой Богородицы, известный своей прекрасной библиотекой.³

Дар Сахлуна не является единичным, для X в. известен ряд книжных пожертвований тому же монастырю, как об этом свидетельствуют сохранившиеся на них записи (семьи Абдаллаха из Тагрита, Авраама Александрийского и др.). Это явление связано с общим тяготением сирийцев к культурному центру, расцветшему в эту эпоху в Скитской пустыне.

Из этого монастыря рукопись попала в сокровищницу Публичной библиотеки. В 1853 г. Дорн написал «Über vier von der Kaiserlichen öffentlichen Bibliothek zu St.-Petersburg im Jahr 1852 erworbene syrische Handschriften».⁴

В числе четырех рукописей, купленных Публичной библиотекой за 2500 руб., был и этот драгоценный манускрипт. Дорн называет и лицо, их продавшее, — Пахо (Pacho), которому обязан своими сирийскими рукописями и Британский музей. Райт говорит о «злоупотреблениях», вследствие которых рукописи не были доставлены в Лондон, а были перепроданы в Петербург.

В 1866 г. над нашей рукописью работал Райт. Он сообщает об этом в предисловии к изданию апокрифических деяний апостолов.⁵ Он дал описание рукописи и переписал ее. Эту работу, по указанию Мак-Лина, он закончил к 1867 г., но издавать ее медлил.

В книге записей Российской Публичной библиотеки отмечено, что 6 сентября 1896 г. сирийская рукопись Евсевия Кессарийского была отправлена в Люттихский университет для работы Беджану. Подтверждает это и Боджан в предисловии к своему изданию, только начало работы датирует январем 1897 г.

В том же 1897 г. Беджан опубликовал свой труд. Он напечатал его несторианским шрифтом и вокализировал, что, по его заявлению, представилось нелегкой задачей. Между тем в 1895 г. список и описание нашей рукописи Райта были переданы Мак-Лину, который закончил тщательную подготовку материала к печатанию в 1898 г. Кроме рукописи Российской Публичной библиотеки, Мак-Лин привлек материал Британского музея, прежде всего манускрипт Add. 14634, описанный Райтом.⁶ Это пергаментный список в 130 листов, писанный в два столбца по 26—36 строк четкой эстрангелой VI в. Он содержит пять первых книг «Церковной истории» Евсевия и почти не имеет лакун. Сохранилось только имя переписчика — Илии, дата и место переписки выцарапаны, на их месте находится пометка 932 г. знаменитого игумена Моисея Нисибийского, собирателя и хранителя библиотеки сирийского монастыря Скитской пустыни. Этой рукописью, переписанной для него каким-то анонимным лицом, пользовался и Беджан. Мак-Лин положил ее в основу своего издания для первых пяти книг. Кроме того, он использовал ряд мелких отрывков, хранящихся в Британском музее (Add. 12154, 7157, 14650 и т. д.).

Существенной добавкой к сирийскому тексту были подстрочные замечания, данные по древнему армянскому переводу профессором Адальбертом Мерксом. Две рукописи, представляющие этот перевод, относятся к XVII в., третья, тоже поздняя, без даты. Еще до издания сирийского перевода на IV конгрессе ориенталистов во Флоренции в 1878 г. Мерке доказал, что армянский перевод Евсевия, изданный с вышеупомянутых рукописей Giagi (две из них хранятся в Венеции, одна в Вене), сделан с сирийского, а не с греческого языка.⁷

Ряд интересных соображений относительно времени этого перевода он высказал и в предисловии к изданию Мак-Лина. По свидетельству Моисея Хоренского (или псевдо-Моисея), в первой половине V в. в Эдессу были посланы Исаак и Месроп, которые работали там над переводами отцов церкви (Моисей Хоренский, III, 60). Он же сообщает о том, что в Эдесской библиотеке хранились различные архивы (Моисей Хоренский, II, 10), о чем он знает из хронографа Юлия Африкана. Об этих же архивах в связи с «Учением апостола Адая» упоминает и Евсевий Кесарийский (Euseb., I, 13, 5). В Эдессе была, вероятно, написана и рукопись Публичной библиотеки. Возможно, что в плане общих работ по переводу отцов церкви был сделан с сирийского и перевод Евсевия, стиль которого чрезвычайно близок стилю армянского перевода этого времени Афраата. Так, как разработан вопрос о деятельности армянских пере-

водчиков V в. Тер-Минасянцем, он совершенно подтверждает в своих общих выводах точку зрения Меркса.⁸

В истоках своих армянское христианство было весьма близко сирийскому, и тут сирийцам пришлось играть роль учителей и переводчиков, чем они были и для арабов. Вещественным доказательством этой близости является та подклейка из армянской рукописи в нашем манускрипте, о которой речь уже была.

Наша сирийская рукопись относится к 462 г., перевод был сделан еще раньше. Ряд ученых считал возможным предположение, что перевод был сделан еще при жизни Евсевия. Интересно, что Ефрем Сирин, не знавший греческого языка, дал сведения из Евсевия, следовательно, располагал каким-то его переводом. Даже строгий Эдуард Шварц согласен датировать сирийского Евсевия ± 400 г.⁹

Насколько ценным представился этот материал, видно из того, что редакторами серии «Тексты и исследования» было предложено сириологу Нестле дать его немецкий перевод. Задача эта была выполнена Нестле, причем он дал и введение к этому переводу,¹⁰ в котором отмечает, что текст рукописи Публичной библиотеки и Британского музея представляются не просто копиями относительно друг друга, а что младшая рукопись (Британского музея) претерпела известные изменения.

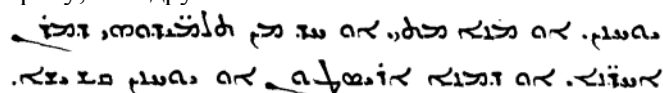
Древность рукописей сирийского перевода превосходит на много столетий греческие, из которых только одна может быть датирована X—XI вв., другие еще более поздние. Увеличивает ценность и ранний перевод, сделанный с греческого в области, территориально близкой автору истории. Это заставляет особенно внимательно отнестись к тем разночтениям, которые дает сирийский текст по сравнению с греческим.¹¹

Красота и древность нашей рукописи (она занимает второе место среди датированных сирийских рукописей, старше нее только рукопись 411 г. — Add. 13.150) заслуживают пожелания видеть ее в фототипическом издании.

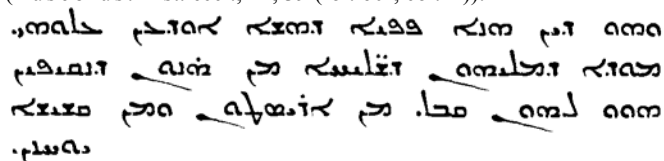
СИРИЙСКАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНИХ ВЕКОВ И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Сирийская культура средневековья имела широкое распространение среди многих народов и оказала большое влияние на развитие мировой культуры.

В III в. н. э. сирийцы утратили свою политическую самостоятельность. Небольшое княжество Осроена (типа мелких эллинистических государств) с центром в Эдессе, зажатое между Ираном и азиатскими провинциями Рима, было вынуждено уступить натиску мощных соседей, которые разделили его между собой. Сирийцы оказались на территории Римской империи, а позднее Византии, с одной стороны, и в областях, принадлежавших сасанидскому Ирану, — с другой.

По-новому в сирийской передаче звучит и такое указание (Eusebius. Hist. eccl., III, 39); «И этот Папий, о котором мы теперь упоминали, упоминает о словах апостолов, которые он принял от тех, которые были спутниками их, от Аристона и от пресвитера Иоанна». Британская рукопись вставляет «и от Аристона», но это нарушает правильный контекст сирийского, где под сопровождающими апостолов подразумеваются именно Аристон и Иоанн (Eusebius. Hist. eccl., III, 39 (fol. 60^b, col. II)):

Но и ранее предприимчивых сирийцев можно было встретить далеко за пределами родной Месопотамии. Их торговые связи простирались на западе до Галлии, охватывая все Средиземноморье. Только арабское завоевание ставит предел продвижениям неутомимых купцов. Знаменательный для Ближнего Востока VII век для Запада отмечен как век, которым кончается сирийская торговля на территории нынешней Франции. К этому времени со страниц источников исчезают сведения о сирийцах и нельзя найти надгробий с их именами на кладби-

цах, как указывал крупнейший историк средневекового Запада Пиренн.

Что касается Востока, то сирийцы держали в своих руках крупную и мелкую торговлю не только месопотамских городов, но и сиро-палестинского побережья, составляя здесь основное ремесленное и земледельческое население. Они поддерживали самую тесную связь с Арменией, одна из областей которой — Арзанена, или Арзан, — была населена как армянами, так и сирийцами. Торговые сношения создали благоприятную почву для сирийского влияния на всем Закавказье.

С караванами по «пути благовоний» сирийцы ходили в Йемен; они знали о делах химь-яритских царей, имели точные сведения об Аксуме. По волнам Персидского залива и Индийского океана сирийцы и персы, перенявшие у сирийцев христианство в его несторианской форме, достигали западного побережья Индостана. Греческий путешественник и купец Козьма Индикоплов около середины VI в. обнаружил на Тапробане основанную сирийцами несторианскую колонию. Сирийская письменность Малабара (с западных берегов Индии) до настоящего времени представляет интереснейший материал.

В VII и VIII вв. несториане имели фактории в городах Китая, с которыми вели оживленную торговлю. Об этом свидетельствует знаменитая надпись в Сиань Фу от 781 г., указывающая на наличие несторианской миссии в Китае начиная с 636 г. На основании сирийских памятников известно, что в XIII в. сирийские колонии существовали в Хан-Балыке (Пекине), столице монгольских ханов.

Сирийцы играли выдающуюся роль в Иране, при дворе сасанидских владык. Прекрасно владея греческим и среднеперсидским языками, они были толмачами посольств, которые направляли шаханшахи императорам Константинополя. Здесь они выполняли дипломатические обязанности и в то же время часто являлись врачами. Благодаря сирийцам в Гунди-Шапуре была основана медицинская школа, которая затем стала центром арабской учености.

Будучи переводчиками с греческого языка, сирийцы сделали доступными сначала персам, а затем арабам сочинения Аристотеля, Галена, Гиппократов. В течение нескольких столетий сирийцы были учителями арабов. В их школах вчерашние кочевники, раскинувшие свою мощную державу на трех материках, впитали в себя эллинскую культуру: философию, медицину, алхимию, географию. Арабы вскоре превзошли своих учителей, они развили и усовершенствовали полученные знания, чтобы в свою очередь передать их латинскому Западу.

Сирийский язык принадлежит к арамейской группе наречий семитических языков. В IV в. н. э. он являлся превосходно развитым литературным языком, способным передавать сложную отвлеченную мысль. К этому времени относятся сочинения сирийцев на родном языке и их многочисленные переводы с сирийского на греческий язык. В качестве торгового и дипломатического языка Передней Азии сирийский язык получил широкое распространение еще задолго до рассматриваемого времени.

Сирийская школа зародилась в период распространения христианства. Арамейская письменность, известная со времен глубокой древности, развилась очень быстро и дала образцы превосходной литературной формы. Одновременно с новым учением проникали и памятники письменности, которые требовали грамотности не только для перевода, но и для их распространения, чтения и переписки. Появляются школы. Известный несторианский деятель Ишоаб III (умер в 657 г.) основал школу в своем родном селении Куфлане, в области Адиабена, где построил специальное здание для этой цели, снабдил его необходимым инвентарем и учебными пособиями, пригласил учителей и собрал учеников. Широкая сеть школ у восточных сирийцев-несториан вызывала неудовольствие и нарекания со стороны западных сирийцев-монофизитов и греков.

Особенно замечательным было развитие их высшей школы. В IV в. центром сирийской образованности была академия в Эдессе, связанная с именем Ефрема Сирина и его ближайших преемников и учеников. В V в. она заняла настолько выдающееся положение, что ученики «стекались в нее со всех сторон» и молва о ее учителях доходила не только до Антиохии, но и до византийской столицы. Характерно, что она была известна под именем «школы персов»,

В 489 г. академия была закрыта по указу императора Зенона, как очаг несторианского «еретического» учения. Глава школы Нарсай с основным составом учителей и учеников был приглашен в Иран, в Нисибин, «город большой, расположенный на границе, куда собираются со всех сторон». Здесь академия переживает новый расцвет. Вышедшие из ее стен видные сирийские писатели, представители различных областей знаний и переводчики имели большое влияние на культурную и политическую жизнь Ирана. Но влияние Нисибийской академии не

ограничивалось Ираном, оно распространялось на весь сирийский мир, т. е. на массы населения, владевшие сирийским языком и находившиеся под властью разных государств. Ее авторитет стоял высоко и в центрах византийской образованности, причем не только в Антиохии сирийской, но и в Александрии и Константинополе.

Большого внимания заслуживает интереснейший документ, характеризующий организацию Нисибийской академии. Это так называемые «Статуты» — устав, которым руководствовались и ученики, и учителя академии. Устав является замечательным памятником VI в. Он содержит большое количество материалов, характеризующих жизнь академии и уровень культуры того времени. Сирийцы придавали школьным занятиям начального и высшего типа большое значение. Об этом говорит, например, трактат Бархадбешаббы Арабайи, относящийся к VI в. Автор отмечает заимствование сирийцами правил античной школы. Первым основателем школ был, по его мнению, Платон, собравший многочисленную «коллегию», в которую входили тысячи мужей, в том числе и Аристотель.

Другой сирийский источник позволяет установить сохранение этой традиции и в дальнейшем.

«Статуты» и трактат о школах дают представление о состоянии академии, ее строе, который не был, конечно, исключением на Ближнем Востоке, а являлся типичным и для других школ. В введении к «Статутам» говорится, что устав существовал еще в Эдесской школе. В 496 г., когда школа находилась уже в Нисибине, были составлены новые «Статуты», а почти через 100 лет (в 590 г.) пятый ректор академии знаменитый Хенана Адиабенский дополнил их рядом новых постановлений. Сохранившиеся до нашего времени «Статуты» включают постановления 496 и 590 гг.

Профессора и слушатели академии составляли общество — коллегию. Эта коллегия была автономна: она принимала и исключала из своей среды тех или иных лиц, взимала с них денежные штрафы, налагала наказания и даже изгоняла из города, лишая права оставаться в нем.

Во главе коллегии стоял ректор, носивший звание *gabban*, т. е. «наш учитель», который ведал преимущественно обучением. Сирийские высшие школы были не только учебными заведениями, но и центрами науки. Переводы, самостоятельные сочинения, всякого рода литературная работа велась учителями этих школ. Ряд ректоров Нисибийской академии были видными схоластиками и имели многочисленные литературные труды.

Ближайшим помощником ректора был майордом (*rabbaita*), на котором лежали хозяйственные и административные обязанности и который являлся управляющим школой. Майордом распоряжался школьной казной и в то же время надзирал за поведением студентов, их образом жизни, здоровьем. Должность его была выборной. Вся коллегия участвовала в выборах майордома, которые «Статуты» стремились сделать единодушными. Выборы происходили ежегодно, в положенное время, по «совету ректора», но с согласия всей школы. В академии запрещались группировки, как это указано в «Статутах». Майордом со своей стороны обязан был быть равным и справедливым ко всем. У академии было свое большое хозяйство: общежития, ряд помещений для занятий, библиотека, скрипторий. В ее собственности находились земли и селения, с которых она получала доходы. Ученик Нарсая, ректор Авраам (VI в.), в течение нескольких десятилетий стоявший во главе Нисибийской школы, приобрел одно селение, доход с которого шел на оплату учителей и содержание больницы. Авраам в значительной степени увеличил количество помещений для учеников, перестроил для школы больницу, выстроил две бани: одной пользовались члены коллегии, а другая была предоставлена в общественное пользование для получения дохода на содержание больницы. Авраам построил также особый дом, который должен был служить скрипторием, так как старое здание, в котором помещались писцы, было слишком тесно. К этому времени число учеников академии достигло тысячи человек.

Центральное место среди наук Нисибийской академии занимала экзегеза. Однако большое внимание уделялось и искусству чтения, пунктуации, грамматике; последние были теми науками, которые на арабской почве породили филологию. Сирийцы первыми начали составлять словари, доведенные до большого совершенства теми же арабами. Логика, риторика и философия были особыми специальными дисциплинами, обязательными в курсе высшей школы. Среди сирийских рукописей, хранящихся в Ленинграде, имеются учебники: например, тетрадь склонений и спряжений, образцы логического деления понятий с наглядной таблицей.

Другие собрания содержат, например, рукописи введения в категории Аристотеля, фи-

лософа Порфирия — настольной книги для изучавших философские науки. «Светские» и «языческие» науки, к которым сирийцы причисляли математику, астрономию, медицину, географию и алхимию, получили широкое развитие у арабов. Но корни этих знаний, основы их были почерпнуты арабами у сирийцев, в свою очередь получивших их от греков.

Не меньшее значение, чем Нисибийская академия, имела крупнейшая медицинская школа сирийцев в Гунди-Шапуре, из которой вышли целые поколения врачей. Сирийцам этот город был известен под названием Бет-Лапата.

Среди представителей сирийской медицины выдающееся положение занимал знаменитый врач VI в. Сергей из Решайны. Первоначальные знания Сергей приобрел на родине, а высшее образование получил в Александрии, где его учителем был Иоанн Филопон. Сергей был красноречив, владел греческим языком, был прекрасно образован. Ему принадлежит ряд переводов книг с греческого языка на сирийский. Он был главным, или старшим, врачом города Решайны. Источники говорят о его страсти к наживе и о жадности, обвиняют его «в любви к деньгам» и ставят в упрек «дурные обычаи». Одна из очередных клерикальных интриг заставила его выехать в Антиохию и оттуда в Рим. Из Рима он с Агапитом I уехал в Константинополь, где внезапно умер в 536 г.

Помимо переводов, Сергей написал много оригинальных произведений. Часть его сочинений сохранилась до нашего времени. По содержанию их можно разделить на три группы: философские, медицинские и натурфилософские. Он перевел книгу Аристотеля о категориях, «Исагогу» Порфирия, псевдо-Аристотелев трактат о душе. Сохранились его два трактата по логике (в пространной и краткой редакциях), в которых он с успехом использовал не только учение самого Аристотеля, но и комментарий к книге о категориях, составленный его александрийским учителем Иоанном Филопоном. Из натурфилософских сочинений Сергия известны трактат по физике, сочинение «О причинах космоса», астрономические трактаты о знаках Зодиака, небе, луне. Знаки Зодиака он рассматривает соответственно взглядам школы Бардесана, известного сирийского гностика III в. н. э.

Сергию приписывается сирийский перевод сочинения по агрокультуре «Геопоники». Им же несомненно были составлены и книги по фармакологии. Он дал сирийские эквиваленты греческим названиям тех растений, которые применялись как лечебные средства в медицине того времени. Его имя неразрывно связано с переводом «Свода» Галена на сирийский язык. Сочинения великого греческого врача были главнейшим пособием по медицине в Александрийской академии. В сирийском переводе они в течение ряда веков имели широкое распространение на Ближнем Востоке. На медицинских книгах Галена воспитывала своих учеников сирийская школа Бет-Лапата (Гунди-Шапур).

Профессия врача часто переходила по наследству. Известна в этом отношении семья Бохтишо, представители которой на протяжении поколений были искусными врачами, учившимися и учившими в академии в Бет-Лапате.

В какой тесной зависимости от сирийской медицины развивалась арабская, видно из сведений, сохранившихся о замечательном сирийском враче эпохи халифата Хунайне ибн Исхак. Хунайн ибн Исхак (809/10—877 гг.), превосходно владевший греческим языком, с одинаковым умением переводил на сирийский и арабский языки и был продолжателем традиций и работ Сергия Решайнского по переводу греческих медицинских книг. Когда Хунайн возвратился из путешествия «к ромеям», то врач Бохтишо встретил его приветствием, в котором сравнивал его со знаменитым Сергием.

Одна из книг Хунайна, рукопись которой была найдена в Константинопольской библиотеке, дает подробные сведения о переводах Галена на сирийский и арабский языки. Из этих сообщений видно, что Сергей Решайнский перевел 26 книг Галена на сирийский язык, причем некоторые из них были переведены им дважды (очевидно, в первой версии переводы его не удовлетворили). О степени совершенства переводов самого Хунайна и о требованиях, которые он предъявлял к этой работе, видно из замечания по поводу одного перевода Сергия. Хунайн пишет, что этот перевод был сделан в то время, когда Сергей «владел искусством переводить, но не достиг еще в нем совершенства». Он отмечает и тот факт, что решайнским врачом в одном случае была использована плохая греческая рукопись, зато книга о пульсе была переведена им полностью, тогда как в Александрийской академии изучали обычно только часть этой книги, пренебрегая другой.

Сам Хунайн ибн Исхак проводил коллацию текста греческих рукописей, выверяя сирийский перевод по греческому подлиннику. Навыки к такой критической работе создавались

веками, это была традиция, сложившаяся у сирийцев в период, предшествующий арабскому завоеванию.

Таким образом, греческий свод медицинских знаний оказался доступным арабам благодаря трудам сирийцев, первоначально освоивших его на родном наречии. Если академия в Бет-Лапате в течение веков была центром медицинских знаний для сирийцев, то она стала колыбелью этих знаний для арабов.

То же можно сказать о путях, которыми проникла к арабам алхимия. Они получили ее от тех же сирийцев. Освоение сирийцами химических знаний относится еще к эллинистическому периоду. В Харране сабии в течение ряда столетий хранили тайные знания о травах, камнях, металлах. Они умели распознавать растения, изготавливать яды, знали свойства руд. Производство в Сирии и Месопотамии красящих веществ, лекарств, снадобий, ядов, ароматов, с одной стороны, и искусное изготовление металлических предметов — с другой, засвидетельствованы латинскими источниками эпохи мирового владычества Рима и ранневизантийскими авторами. Рабыни и рабы-сирийцы особенно высоко ценились на рынке за свои знания различных ремесел и искусства. В V—VI вв. н. э. в городах Сирии и Месопотамии корпорации ремесленников занимали выдающееся положение, а объектами торговли здесь являлись не только привозные товары, но и изготавливавшиеся тут же на месте.

Ремесло требовало технических сведений и навыков. У красильщиков, валяльчиков, ткачей, золотых дел мастеров и специалистов по изготовлению холодного оружия эти сведения переходили изустно от мастера к подмастерью, от отца к сыну, зачастую наследовавшему профессию отца. Всякого рода технические знания держались в строгом секрете, так как существовала жестокая конкуренция. Часть рецептов записывалась в различных алхимических трактатах. Ремесленникам были нужны сведения об окраске тканей и стекла в пурпуровый, черный, желтый цвета. Производство металлических изделий требовало сведений по металлургии.

Один из сирийских авторов обронил интересное сообщение, что необходимые для многих «искусств» сведения «записаны в книги». Существует книга для торговцев вином, другая — для торговцев маслом. Подделка и фальсификация металлов требуют, по мнению автора, книги со сведениями, которые помогали определять качество металла, отсутствие в нем примесей. Таким образом, производственно-ремесленный и торговый слой был заказчиком такого рода литературы — алхимических трактатов, как переводных, так и оригинальных.

Кроме «технической» химии, сирийцы развили и то направление, которое впоследствии получило название «иатрохимии», т. е. медицинской химии. Они знали свойства различных трав, корней, минеральных веществ, умели «смешивать», т. е. изготавливать, яды и лекарства. В медицине они успешно применяли диететику.

Содержащиеся в алхимической литературе сирийцев материалы по практической химии представляют собой результаты опытного знания и имеют реальную ценность. Это было полезной стороной «чернокнижной» алхимии, которую арабы заимствовали у сирийцев. Лучшие представители арабской алхимии развивали ее дальше и не только в поисках золота: они усовершенствовали многие технические методы, аппаратуру, способы перегонки, фильтрации, очищения веществ.

Арабские книги по алхимии таких авторов, как Гебера (испорченное Джабар), ар-Рази и других, часто неизвестных авторов, оставили яркий след в алхимической литературе Запада. Латинские переводы с арабского, которые появились преимущественно в городах Пиренейского полуострова, влили новую струю в развитие этой отрасли знания. Изучением арабской алхимической литературы рассматриваемого периода много занимались Руска и Липман. Но эти исследователи, признавая значение сирийской традиции для арабов, не учитывают всей силы указанного влияния. Между тем арабские алхимические трактаты часто находятся в тех же рукописных книгах, что и сирийские, более того, сирийские сочинения по алхимии зачастую написаны каршуну, т. е. на арабском языке сирийскими буквами. Фундаментом для развития арабской культуры служил сирийский язык. Позднее арабы превзошли своих учителей, и их культура стала образцом для сирийцев.

Сирийцы оставили арабам алхимические книги и передали им астрономические знания. Астролябии, которые были усовершенствованы арабами, впервые были получены ими от сирийцев. Труды по космографии и математике был известен Север Себохт, умерший в 666 г.

Таким образом, в области естественнонаучных знаний сирийской литературе принадлежит видное место в истории культуры Ближнего Востока.

В сирийской средневековой литературе получила отражение и философия. Со времени

Ренана (60-е годы XIX в.) сирийцы как переводчики Аристотеля и посредники в распространении его философии заслужили признание исследователей. Однако и сами сирийцы писали на философские темы, развивали идеи, которые несомненно сыграли выдающуюся роль в истории философской мысли. Сочинения гностика Бардесана (ум. в 222 г.) имели большое влияние на современников. Ряд трактатов на сирийском языке касается логики, метафизики и разрабатывает эти области философии преимущественно в духе учения Аристотеля. Сирийские перипатетики привлекали внимание многих исследователей.

Сирийские средневековые писатели славились как экзегеты, но традиции их были тесно связаны с Антиохийской школой, экзегеза которой во многом имела характер реального комментария. Они имели склонность к энциклопедизму, о чем можно судить по разнообразию тех наук, которыми занимался тот же Сергей Решайнский. Знания того времени еще не были дифференцированы; ученые стремились объять весь комплекс доступных им знаний. Эта черта роднит сирийцев с их латинскими собратьями. Сирийцы, однако, были несомненно в меньшей степени заражены схоластикой, что следует отнести в известной мере за счет их знакомства с Аристотелем.

Культурное влияние сирийцев на арабов имело место и в период, предшествующий эпохе халифата. Они поддерживали теснейшие связи с наиболее культурными, полуседлыми племенами арабов — гассанидами и лахмидами. Эти нити тянулись и дальше на юг Аравийского полуострова, в Йемен. Химьяритское государство было им превосходно известно, об этом свидетельствует такой памятник, как послание ученого сирийца Симеона Бетаршамского, написанное в 524 г.

Если сирийцы оказали большое влияние на развитие арабской науки и через ученых халифата передали разработанное ими далее античное знание на латинский Запад, то не меньшее, если не большее, влияние оказали они на страны Передней и Средней Азии. Выше было уже упомянуто о связях сирийцев с Арменией. Достаточно указать, например, на тот факт, что канон христианских книг был переведен на армянский язык с сирийского, и только позднее, когда политическое влияние Восточноримской империи стало осязательным на Кавказе, армянские переводчики заменили греческими подлинниками предшествующие им сирийские изводы. Такое же культурное влияние сирийцы оказывали и на персов, осваивавших античное знание в сирийской передаче. Несториане и язычники — философы из Афин, гонимые в византийских провинциях, нашли себе приют в Иране. В качестве торгового и ремесленного населения несториане пользовались некоторыми льготами, чем вызывали горячее негодование зороастрийского жречества.

Торговые интересы связали сирийцев с западными берегами Индостана и Шри Ланка, где о существовании их колоний сохранились документальные сведения. Среди несториан-торговцев были несомненно и персы, но они восприняли от сирийцев их язык и письменность. Если этнически их можно было назвать персами, то по культуре своей они были уже сирийцами.

Для всего Ближнего Востока, в том числе Сирии, Месопотамии, Ирана, Армении, Аравии, выдающийся интерес представляют сирийские исторические сочинения. Сирийцы как историки сыграли большую роль, которая до настоящего времени еще не оценена во всей ее значимости. Хроники, послания и другие документы содержат превосходный исторический материал. Для периода, когда арабской письменности еще не существовало, они являются не только дополнением греческих источников, но основными, важнейшими памятниками, без которых невозможно исследование истории Передней Азии.

Следует указать на группу хроник, относящихся к VI и VII вв. и характеризующих состояние византийских провинций Сирии и Месопотамии. Хроника Иешу Стилита и анонимная эдесская хроника связаны с местными традициями провинций Осроены и города Эдессы. Хроника Захарии Митиленского многие детали своего повествования почерпнула в архиве города Амида. Наличие письменных данных общего характера, а также и записанных бесхитростных, часто очень детализированных рассказов дало возможность углубить анализ общественных отношений того времени.

Сопоставление сирийских выражений с греческими и латинскими эквивалентами, специальное изучение терминологии дают возможность характеризовать структуру ранневизантийского общества. В жизни Ирана времен сасанидов сирийцы принимали настолько большое участие, что это не могло не сказаться на их исторических сочинениях. Эти сочинения позволяют судить о жизни низших слоев населения, о таких социальных явлениях, как маздакитское

движение, которое потрясло Иран на рубеже V и VI вв., и т. д.

Характерно, например, что интереснейшее для культурной жизни Грузии раннего средневековья жизнеописание Петра Ивера сохранилось только в сирийском переводе. В качестве знаменательного факта можно также отметить, что один сирийский житийный памятник содержит сведения о состоянии сасанидской Армении, так как Мар Гиваргис, о котором он сообщает, был наместником принадлежавших Ирану армянских провинций. Сирийские исторические сочинения не ограничиваются историей народов Закавказья, с которыми граничили области, исконно принадлежавшие сирийцам; они содержат сведения об отдаленных народах и государствах, граничивших с севера и востока с Ираном и населявших побережья Аральского и Каспийского морей.

Сирийцы дают исключительно интересные сведения о собственно гуннах и о так называемых белых гуннах. Это были народы, которые населяли западное побережье Каспийского моря и в своих воинственных набегах проникали в Закавказье через Дербентские ворота. Замечательно, что именно у сирийцев есть сообщение о том, что среди этих гуннов началось распространение христианства под влиянием пленных сирийцев, захваченных персами в войне с Византией (502—505 гг.).

В середине 30-х годов VI в. несколько сирийских клириков направились за Кавказский хребет к гуннам. В этом их поддержало византийское правительство, которое стремилось к установлению мирных отношений с «варварами» и к распространению среди них христианства. Сирийские клирики изучили язык гуннов, создали им азбуку и сделали письменный перевод «Писания».

Другие группы гуннских племен населяли восточные берега Каспия до Красноводской бухты. Разноплеменные и разноязычные орды располагались на северо-восточных границах Ирана. Когда во второй половине VI в. их сменили здесь тюрки, то и Византия, и Иран пытались завязать с каганом дипломатические сношения, о чем сохранился колоритный рассказ сирийского историка Иоанна Эфесского. Тюрки попали, таким образом, в поле зрения сирийцев, которые вели торговлю и со Средней Азией, где, впрочем, первенство принадлежало согдийским купцам.

Упомянув имя Иоанна Эфесского, нельзя не обратить внимания на тот факт, что именно этот сирийский историк, вращаясь среди разнообразнейших групп населения и объездивший всю Месопотамию, Сирию, Малую Азию и часть Балканского полуострова, сообщил исключительно интересные сведения о Византии времен Юстиниана и его ближайших преемников — Юстина II и Тиверия. Он приводит подробные данные об арабах-гассанидах, находившихся под протекторатом Византии. Во время его пребывания в Константинополе столица Византии подверглась нападению аваро-славянских племен. Это дало повод Иоанну посвятить в своей «Истории» несколько глав аварам и славянам, о которых он имел сведения, так сказать, из первых рук.

На основании этих данных можно говорить об исключительном мужестве и воинственности славян, о высокой степени их технических военных навыков и о богатстве, которое они успели сосредоточить в своих руках благодаря постоянным набегам и грабегам на Балканском полуострове. Вчерашние «варвары», как называют их византийские авторы, оказывается, «обучены воевать не хуже ромеев», превосходно владеют оружием и, раз захватив земли на Балканском полуострове, не собираются их покидать. Это действительно грозные, страшные враги «второго Рима», прогнать которых было невозможно.

Сирийская традиция запечатлела и этапы арабских завоеваний Ближнего Востока. Анонимная сирийская хроника в VII в. сообщает о них с удивительной простотой. Но автор ее уже отдает себе отчет в том, что положение государств, захваченных бурным натиском арабов, коренным образом меняется, что завоевание угрожает самому Константинополю, о котором он говорит: «Еще не был взят арабами». Он писал, следовательно, в 70—80-х годах VII в., когда угроза столице Византии была весьма серьезной.

Другой сирийский историк VII в. Иоханан бар Пенкайе составил компендиум, последняя глава которого трактует об арабских завоеваниях (свидетелем их был сам автор). Изложение событий сирийскими историками в значительной мере отличается от арабских сообщений. Записи сирийских историков интересны в том отношении, что в них события рассматриваются с точки зрения завоеванного населения.

Сирийская историография продолжала развиваться и в эпоху халифата. В 775 г. закончил интересный сводный труд Дионисий Тельмахрский; в 40-х годах IX в. писал Фома Марг-

ский; умерший в 1049 г. Илия бар Шинайа составил хронографию. Вторая часть его хронографии состоит из синхронистических таблиц с разными эрами, в том числе и арабской. Это если не первый, то во всяком случае один из первых опытов составления синхронистических таблиц. К XII в. относится литературная деятельность одного из ученейших сирийцев своего времени — Михаила Сирийца, большая хроника которого касается всей истории Передней Азии. Она замечательна своей полнотой, разнообразием затронутого материала, стремлением изложить события синхронистически и, наконец, тем, что автор использовал не дошедшие до нас источники.

От XIII в. сохранились анонимная сирийская хроника 1234 г. и несколько сочинений Григория Абульфараджа Бар Эбрея (ум. 1286 г.). Бар Эбрей — один из видных людей своего времени — пользовался известностью от Антиохии до Мосула как врач, ученый и яковитский клирик. Его исторические труды заслуживают особого внимания как современные монгольскому владычеству.

Таким образом, сирийцы сделали большой вклад и в историческую науку. В отношении средневековья их сочинения сохранили такие сведения, дали такой материал, без которого история Передней Азии не может быть представлена во всей своей полноте. Сирийцы оказали влияние на возникновение и развитие историографии у ближайших соседей — армян и арабов.

Под их влиянием составлением хронологических записей хроник стали заниматься и арабы. Позднее арабы выработали собственную форму историографии, принесшую расцвет и этой отрасли литературы. Сохраняя общие принципы греческой историографии, воспринятой через сирийцев, арабы создали такие литературные формы, как описание путешествий, мемуары.

Влияние сирийской культуры не ограничивалось Ближним Востоком. Оно сказалось также и на культуре различных групп иранских и тюркских народов. Ощутимым признаком этого влияния является широкое распространение арамейской и сирийской письменности — не языка, а именно алфавита, манеры письма, чисто палеографических особенностей, созданных в различное время. Известно, что письменность сасанидского Ирана была своеобразным идеографическим письмом, выработанным на основе одного из арамейских алфавитов. Алфавит согдов был чрезвычайно близок наиболее древним образцам сирийской эстрангело, в отдельных знаках сближаясь и с пальмирским.

Замечательно, что некоторые иранские диалекты пользовались сирийским алфавитом, созданным уже после VIII в., как об этом свидетельствуют фрагменты из Турфана. Этот алфавит не развился из согдийского, а представлял собой заимствованный непосредственно у сирийцев несторианский алфавит X—XI вв. С влиянием сирийской письменности на тюркские племена связаны такие памятники, как сиро-тюркские надгробия из Пишпека и Токмака, относящиеся к XIII—XIV вв.

Из этого уже явствует, какое пространственно и хронологически большое место занимают явные следы связей тюрков с сиро-несторианской культурой. К этим документам наряду с сиро-иранскими фрагментами относятся и чисто сирийские фрагменты, найденные в Турфане. Наконец, к XIII в. следует отнести фрагменты из Хара-Хото («города тангутов»), написанные на сирийском языке, и редчайший сиро-тюркский фрагмент — единственный рукописный памятник этой своеобразной письменности, представленной исключительно эпиграфическими памятниками. Они также свидетельствуют о распространении сирийской письменности и культуры.

Относительно того положения, которое заняли сирийцы в Китае, было сказано выше. Несомненно, что в VII и VIII вв. пребывание их здесь было связано с торговой деятельностью. Надпись в Сиань Фу не стоит одиноко; не только в сирийских источниках, но и в китайских анналах можно найти сведения о несторианских деятелях в «Небесной империи». Именно этот вопрос привлек внимание таких исследователей, как Муия, Бернард и др. Насколько прочно китайцы были связаны с Передней Азией, свидетельствует и хорошо известная колония мусульманских купцов в Кантоне. Но несториане, придерживавшиеся сирийской культурной традиции в XIII в., заняли видное положение в монгольской столице Хан-Балыке (Пекине). В сирийской литературе сохранился памятник — описание путешествия двух несториан из Пекина в Багдад. На пути они останавливаются в ряде городов, их итинерарий сам по себе представляет интерес. Из повествований видно, что они останавливались в Хара-Хото, где была большая несторианская колония.

Культура, взлелеянная сирийцами в Передней Азии, пышно расцвела у арабов, талант-

ливость которых дала им возможность блестяще развить ее. Сирийцы расселились по всей Азии. К этому их вынуждали торговые, а может быть, и иные интересы. Они легко приспособлялись, сговариваясь с новыми группами иранских и тюркских народов, закрепляя свои колонии. Этот народ, мало известный, не вызывающий большого интереса у широких кругов исследователей, сыграл значительную роль в истории культуры отдельных народов и внес существенный вклад в историю мировой культуры.

МАРТИРИЙ КИРИАКА ИЕРУСАЛИМСКОГО

Мученичество Иуды Кириака, епископа Иерусалимского, является исключительно ценным материалом для изучения происхождения, заимствований и переводов агиологических памятников. Это житие представлено не только греческим и латинским, но и восточными текстами. Выяснение их зависимости друг от друга требует детального анализа.

Латинское мученичество, приуроченное к четвертому мая, опубликовано болландистами по четырем рукописям.¹ В примечаниях даны разночтения и указаны еще рукописи, в которых имеются списки этого памятника, что говорит о его широком распространении в латинском мире.

Тем более поражает скудость греческих рукописей. Единственный известный греческий текст был издан Керамевсом в 1907 г. Он списал его с Codex 30 (MB) Biblioth. Univers. Messanensis. an. 1308.² В. В. Латышев дал к нему русский перевод.³ На греческом языке существует еще и краткая синаксарная версия,⁴ которая была известна и славянскому миру.⁵

Восточными версиями мученичества Кириака заинтересовался Гвиди и последовательно издал сирийский,⁶ коптский⁷ и эфиопский⁸ тексты. Акад. Н. Я. Марр еще в 1903 г. подготовил к печати армянский извод этого жития, но не опубликовал его.

Гвиди для издания сирийского текста использовал только рукопись Британского музея add. 14.644 (далее S₁). Райт описал ее как пергаментный кодекс размером 9³/₈×6, состоящий из 94 листов, из которых многие находятся в плохом состоянии. Переписан он эдесским почерком V или VI в.⁹ В этой рукописи не хватает листов, поэтому в житии Иуды Кириака оказалась лакуна.

Между тем этот мартирий входит в состав кодекса, хранящегося в Государственной Публичной библиотеке (Сирийская новая серия № 4 — далее S₂). Это пергамент размером 26×17 см, состоящий из 142 листов, исписанных в два столбца. Райт, пользовавшийся этой рукописью, относит эстрангелу, которой она написана, к VI в.

Оба сборника — Британского музея и Публичной библиотеки — близки друг другу и по времени, и по содержанию. При их сравнении создается впечатление, что они были одинаково задуманы, собранное в них объединено той же идеей, различие есть только в некоторых частях состава.

Состав рукописи Британского музея

1. Учение апостола Аддая.
2. Учение 12 апостолов.
3. Учение апостола Петра.
4. Обретение животворящего креста Господня.
5. Мученичество Иуды Кириака.

Состав рукописи ГПБ

1. Учение апостола Аддая.
2. Учение апостола Петра.
3. Житие апостола Иоанна Завведея.
4. Обретение животворящего креста Господня.
5. Мученичество Иуды Кириака.

Дальше агиологический материал кодексов уже не совпадает; в этой же части у них есть только одно различие: рукопись Государственной Публичной библиотеки, не имея в своем составе «Учения 12 апостолов», заменила его единственным известным списком жития Иоанна Завведея, изданного Райтом в сборнике апокрифических деяний апостолов.¹⁰

Напечатанный Гвиди текст вследствие дефекта рукописи Британского музея имеет большой пропуск, который может быть восполнен из рукописи Публичной библиотеки. Сравнение текста обеих рукописей (при небольшом размере жития) дает 296 разночтений. Часть этих изменений является простой перестановкой слов или относится к незначительным вставкам и пропускам, но другая часть (около трети) отмечает в тексте более существенные различия. Так, в рукописи S₂ пропущен эпизод посвящения Кириака, которое он принял от Евсевия Римского, дата мученичества не совпадает с таковой S₁, имя Кириака систематически заменено

эпитетом «блаженный» (ܩܝܪܝܐܩ), что указывает на стереотипизацию текста. В правописании S₂ есть некоторые особенности: так, Иерусалим пишется ܝܪܘܫܠܝܡ, а не ܝܪܘܫܠܝܡ, а в именах Юлиана и Кириака писец опускает о последнего слога и пишет ܝܘܠܝܐܢܘܫ и ܩܝܪܝܐܩܝܢܐ вместо ܝܘܠܝܐܢܘܫܐ и ܩܝܪܝܐܩܝܢܐ.

Наличность греческого (G), латинского (L) и сирийского (S) текстов дает возможность проделать сравнительную работу, результаты которой интересны для общей истории агиологии.

Мученичество Иуды Кириака завершает историю жизни этого святого, связанную с легендой об «обретении животворящего древа» императрицей Еленой.

Мартирий Кириака и легенда об «Обретении креста» сходны не только по содержанию, но и по форме. Они встречаются во многих рукописях независимо друг от друга, но по содержанию их можно объединить. Все намеки на предшествующие события биографии Кириака, содержащиеся в мученичестве, являются откликом на рассказ, развернутый в «Обретении креста».

Иудей по происхождению, Иуда, родственник первомученика Стефана (в различных версиях указаны различные степени родства), вынужден указать императрице Елене в Иерусалиме местонахождение животворящего креста. При виде чудес Иуда уверовал, крестился, получив имя Кириак (Господний), а затем папой римским Евсевием был посвящен в сан епископа Иерусалимского. Во время чуда воскресения мертвого крестом присутствовал бесноватый, через него нечистый дух возвестил Иуде, что будущий император, противник христианства, заставит его претерпеть мучения и вынудит отречься от веры. Кириак, будучи уже епископом, отыскал еще гвозди креста Господня, которые он передал той же Елене. Известием о смерти этой императрицы заканчивается рассказ об «Обретении креста».

Легенда повествует о том, как император Юлиан, отправляясь на персидскую войну, приезжает в Иерусалим и вызывает к себе епископа Кириака, молва о котором дошла до него. Император ведет с ним спор о христианстве, подвергая его многочисленным пыткам. Попутно разворачивается история страданий матери Кириака — Анны, отказавшейся принести жертву богам, и Едалома (Аммона), начальника волшебников (или начальника песнопений), который после попытки заступиться за Кириака перед Юлианом объявил себя христианином и был казнен.

Связь обеих частей сказывается в том, что в мученичестве Кириак вспоминает обстоятельства обретения креста, а в обретении содержится намек на будущие страдания Кириака в предсказании бесноватого. Близость их простирается и дальше фактического материала — она сказывается в общности литературных приемов обеих частей. Елена произносит длинную речь против иудаизма, в защиту христианства; вторая часть содержит диалектический спор императора Юлиана с Кириаком, в котором подвергаются сравнению язычество и христианство. Есть общие черты и в стиле обеих частей. Так, например, Юлиан, обращаясь к Кириаку, говорит: «Ставлю пред тобой жизнь и смерть, милость и горькие мучения», в таких же выражениях обращается к нему Елена, вынуждая указать место, где находится крест. Уже в рукописной традиции эти части самостоятельны и независимы. Лишь в некоторых рукописях они следуют друг за другом: в обеих сирийских (S₁ и S₂) и в некоторых латинских. Первая часть — Воздвижение креста — имела широкое распространение и сохранилась во множестве списков, версий, на многих языках¹¹ и неоднократно являлась предметом исследования. Между тем окончательно вопрос о происхождении, времени и первоначальном языке этой легенды не может считаться решенным. Вторая часть легенды — мученичество Кириака — не принималась во внимание совсем или в совершенно ничтожной мере и не подвергалась никакому анализу. Однако указания, которые могут быть из него почерпнуты, являются весьма существенными.

Нестле и Штраубингер пытались доказать сирийское происхождение легенды о воздвижении креста.¹² Если бы этот вывод был верен, то он был бы обязателен и для мученичества, которое они не исследовали. Штраубингер только попытался привлечь его для датировки легенды о крестовоздвижении, но неудачно. Его указание на то, что в рассказе Юлиан назван сыном Константина Великого,¹³ неверно — такой грубой ошибки не допускает ни одна из версий.

При наличии греческого текста какого-либо агиологического памятника, как правило, оказывается, что сирийский является переводом. Обратное предположение должно быть под-

тверждено вескими доводами. Это утверждение Петерса¹⁴ могло бы быть применено к мартирiu Кириака и без особого анализа, если бы на пути не стояла исключительная близость латинского и сирийского текстов. Эта близость, существующая и для первой части — истории воздвижения креста, привела к попытке выдвинуть приоритет сирийского текста. Такое положение заставляет предпослать каким бы то ни было выводам детальное сравнение трех основных версий: греческой (G), латинской (L) и сирийской (S), оставляя в стороне эфиопскую, коптскую и армянскую как более поздние и подвергшиеся обработке.

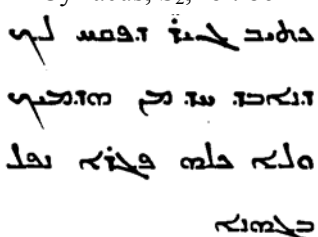
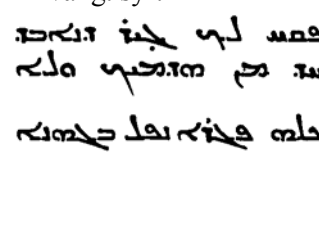
Мученичество Кириака содержит несколько цитат из Ветхого и Нового завета. Сравнение их с библейским текстом и между собою дает материал для некоторых выводов. Две цитаты приведены из Евангелия; из четырех — ветхозаветных — три приходятся на псалмы и одна на текст пророка Иеремии.

Так как Евангелие и псалтирь были наиболее хорошо знакомы людям того времени, их часто знали наизусть еще со школьной скамьи, то трудно ждать в этих текстах особых неточностей, которые в данном случае могут быть важными.

I. Цитата из Евангелия от Матфея 5₂₉₍₃₀₎:

Syr̄iacus, p. 166.1.6	Evangelium
συμφέρει γάρ μοι, ἵνα ἐν τῶν μελῶν μου ἀπόληται καὶ μὴ ὅλον τὸ σῶμα μου βληθῆ εἰς τὴν γεένναν	συμφέρει γάρ σοι ἵνα ἀπόληται ἐν τῶν μελῶν σου, καὶ μὴ ὅλον τὸ σῶμα σου βληθῆ εἰς γεένναν

Цитата приведена совершенно правильно, только для текста жития оказалось необходимым изменить второе лицо на первое, так как Кириак применяет это изречение к себе. Сирийский текст не делает этого изменения, а вставляет только необходимое для грамматического оборота.

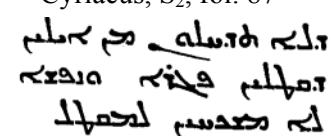
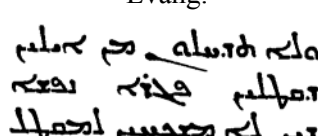
Syr̄iacus, S ₂ , fol. 86 ^B	Evang. syr.
	

Что касается латинской цитаты, то она не точна и представляет собой перифразу двух параллельных, но не дословно совпадающих евангельских мест (Матфей 5_{29,30} и Марк 9_{43,47}): *Melius est ut pereat unum ex membris tuis, quam totum corpus tuum mittatur in ignem inextinguibilem.*

II. Матфей 10₂₈.

В греческом тексте эта цитата приведена точно: Μὴ φοβηθῆτε ἀπὸ τῶν ἀποκτείνοντων τὸ σῶμα, τὴν δὲ ψυχὴν μὴ δύναμένων ἀποκτείνειν (p. 166, l. 12). Для этого стиха общепринята форма μὴ φοβεῖσθε, но в разночтениях встречается и та, которая находится в тексте мученичества, — μὴ φοβηθῆτε.

В сирийском вставлен необходимый ܐܘܢܝܢܐ, пропущена частица ܐܘܢܝܢܐ, которая заменена союзом ܐܘܢܝܢܐ.

Syr̄iacus, S ₂ , fol. 87 ^a	Evang.
	

Латинский текст также дает некоторое отступление.

Syr̄iacus, p. 449, l. 16	Evang.
Nolite timere eos, qui occidunt corpus, animam autem non occidunt.	Et nolite timere eos qui occidunt corpus, animam autem non possunt occidere.

III. Иеремия 10₁₁.

Греческий точно следует Библии, только заменяет предлог ἐκ предлогом ἀπὸ.

Cyriacus, p. 165, l. 21

Θεοι οι τον ουρανον και την γήν ουκ
εποίησαν, από λέσθωσαν από της γης.

Evang.

Θεοι οι τον ουρανον και την γήν οδκ εποίησαν,
άπολέσθωσαν εκ της γης.

Сирийский отступлений не имеет:

ⲛⲓⲃⲁⲓ ⲛⲓⲃⲁⲓ ⲛⲓ ⲛⲓ ⲓⲕⲁ ⲛⲓⲃⲁⲓ ⲛⲓⲃⲁⲓ

Зато латинский дает свободную перифразу текста, в котором не сразу можно узнать цитату.

Cyriacus

...dii peribunt a terra qui neque coelum neque
terram fecerunt.

Hierem.

Dii qui coelum et terram non fecerunt, dis-
pereant de terra.

Подобные неточности латинского текста заставляют видеть в нем уже по этим чертам не первоначальный, а переводный текст.

IV. Псалом 90₁₃.

Греческий остается верен библейскому тексту: *επι ασπίδα και βασιλισκον επιβήση και καταλατήσεις λέοντα και δράκοντα.*

S₁ и S₂ передают эту цитату неодинаково.

Cyriacus

S₁ — p. 93, l. 15

ⲛⲓⲃⲁⲓ ⲛⲓⲃⲁⲓ ⲛⲓⲃⲁⲓ...

S₂—fol. 90^b

ⲛⲓⲃⲁⲓ ⲛⲓⲃⲁⲓ ⲛⲓⲃⲁⲓ...

Bibl. syr.

ⲛⲓⲃⲁⲓ ⲛⲓⲃⲁⲓ ⲛⲓⲃⲁⲓ

S₁ — менее точно, S₂ — следует Библии, но в обоих сирийских текстах цитата короче той, которая приведена в греческом, пропущена ее первая часть.

В латинском изменено лицо (второе на первое), так как слова псалмопевца вложены в уста Кириака; пропущен василиск.

Cyriacus, p. 450, § 23

Ecce enim super aspides ambulamus et
conculcamus leouem et draconem.

Bibl. lat.

Super aspidem et basiliscum ambulabis et con-
culcabis leonem et draconem.

V. Псалом 113_{12.16} (=134_{15.18}).

Точная цитата в греческом тексте: *Τά είδωλα των εθνων αργύριον και χρυσίον έργα χειρων ανθρώπων· όμοιοι αυτοίς γένοιτο οι ποιούντες αυτά και πάντες οι πεποιθότες επ' αυτοίς.*

Сирийская цитата совпадает с библейским текстом, только по необходимости вставлено два ⲓ (11312.16=1154 Biblia polyglotta, t. III, p. 270):

ⲛⲓⲃⲁⲓ ⲛⲓⲃⲁⲓ ⲛⲓⲃⲁⲓ ⲛⲓⲃⲁⲓ ⲛⲓⲃⲁⲓ ⲛⲓⲃⲁⲓ

ⲛⲓⲃⲁⲓ ⲛⲓⲃⲁⲓ ⲛⲓⲃⲁⲓ ⲛⲓⲃⲁⲓ ⲛⲓⲃⲁⲓ ⲛⲓⲃⲁⲓ ⲛⲓⲃⲁⲓ ⲛⲓⲃⲁⲓ ⲛⲓⲃⲁⲓ ⲛⲓⲃⲁⲓ ⲛⲓⲃⲁⲓ

В Библии

только ⲛⲓⲃⲁⲓ (а не ⲛⲓⲃⲁⲓⲓ) и ⲛⲓⲃⲁⲓⲓ (а не ⲛⲓⲃⲁⲓⲓⲓ).

Латинская цитата точна, но несколько сокращена: *Simulacra gentium argentum et aurum opera manuum hominum. Similes illis fiant, qui faciunt ea.* Конец этого стиха, который есть в греческом и сирийском — *et omnes qui confidunt in eis*, тут пропущен.

VI. Псалом 12₅.

Цитата эта имеется только в греческом и сирийском текстах, в латинском она отсутствует.

Cyriacus, p. 170, l.28

ίνα μη είπη ο τύραννος·
«Ίσχυσα προς αυτον».

Biblia

Μή ποτέ είπη ο έχθρός
μου· Ίσχυσα προς αυτον.

Очевидно, что первая часть фразы не представляет собой цитаты, но ее мысль и построение напоминают выражения псалма.

Сирийский текст дал этот отрывок полной цитатой (p. 93):
ⲛⲓⲃⲁⲓ ⲛⲓⲃⲁⲓ ⲛⲓⲃⲁⲓ ⲛⲓⲃⲁⲓ (Bibl. polygl., t. III, p. 100; Ps 13₅).

Такое изменение в S вызывает предположение о его вторичном характере: трудно представить, чтобы греческий текст изменил цитату в перифразу, наоборот, при переводе было естественно заменить близкие выражения знакомой цитатой, что и сделал, вероятно, сирийский переводчик.

Таким образом, неточность латинских цитат, в иных случаях являющихся только перифразой, говорит о вторичном, переводном характере этой версии. Греческий и сирийский в гораздо большей степени остаются верными соответствующим местам Библии. Ссылка на псалом 12₅ в греческом тексте наводит на мысль о его первоначальном характере, как это было замечено выше.

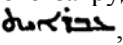
СРАВНЕНИЕ ТЕКСТОВ

Систематическая группировка разночтений дает наименьшее число для случаев параллелизма G и S. Близость же L к G и L к S отмечена почти равным числом совпадений, только характер этой близости различен.

S и L сближают большей частью мелкие черточки, но иногда характерные отдельные слова, выражения. Однако и для S и L существует несколько крупных кусков, которые, совпадая в них, не имеют параллели в G, таково предисловие к мученичеству, но таких отрывков не так много и они не так велики, как те вставки, которые объединяют между собою G и L. Прежде всего это большие куски речи Кириака, которые опущены в S (для этой части есть только текст неопубликованной рукописи Государственной Публичной библиотеки S₂), транскрипция еврейской молитвы Кириака, неизвестная сирийским текстам, а также ряд мелких черт.

Проблема, которая стоит перед исследователем мученичества Кириака, заключается в решении вопроса о взаимной зависимости версий, а именно: какая из них — греческая или сирийская — является первоначальной и откуда происходит латинский текст. Вопрос решался бы просто, если бы латинская версия не имела так много общего с сирийской, независимо от греческой.

Предисловие к мученичеству имеется только в L и S. Болландисты поместили его перед легендой о «Воздвижении креста» (1-й частью) вопреки рукописной латинской традиции, в которой этот пролог предшествует мученичеству, а не «Воздвижению» и мученичеству вместе, как сочли издатели. С небольшими изменениями пролог имеется в обеих сирийских рукописях, причем текст S₁ ближе к L, чем S₂. Сближают L и S и детали разговора Юлиана с Анной, часть настоячивых требований императора Кириаку отречься и отповедь последнего. Только L и S дают ясное указание на то, что наполнить ров пресмыкающимися были призваны специальные нашептыватели, маги или укротители змей, которые привели их с собою, что в G неясно. Близость обоих текстов чувствуется особенно в мелочах, совпадение имен, названий не может не ставить их в зависимость друг от друга, причем в G они не имеют параллели.

Однако крупные совпадения объединяют между собою текст L и G так, что S остается в стороне. Более всего поражает кусок длинной речи Кириака, сохранившийся в них. Это обращение к Богу, в котором он перечисляет чудеса, явленные в Ветхом завете (три отрока в печи, переход через Чермное море, змий в пустыне и т. п.), и восхваляет мудрое устройство мира. Другой общей их чертой является транскрипция еврейской молитвы Кириака, имеющаяся в нескольких латинских и в греческой рукописях. Подобная транскрипция еврейской молитвы есть и в «Воздвижении креста», но только в латинских и греческих текстах.¹⁵ Правда, в обоих случаях транскрипция различна; но даже для L в примечаниях указано, что в разных рукописях она сильно варьируется. Это и понятно, бессмысленный для переписчиков набор букв и слов легко мог претерпевать изменения. Попытка расшифровать транскрипцию в том виде, в котором она теперь находится, не удастся, несколько отдельных слов воспроизвести можно, но общего смысла они не дают. Чем, однако, можно объяснить то, что в сирийских текстах «Воздвижения» и мученичества это отсутствует? В мученичестве отчетливо сказано, что Иуда говорил по-еврейски, а для сирийца транскрибирование или запись еврейской речи не представляла никакого затруднения, между тем он этого не делает, а вслед за сообщением, что Иуда заговорил , приводит эту речь по-сирийски. Предположить возможно только одно, что именно благодаря Пониманию еврейского языка для арамейца было невозможно выдавать за него набор звуков, который находится в G или L, и это вынудило его к пропуску. Представить себе обратное — вставку в G или L — совершенно невероятно, тем более что материал для вставки не мог быть почерпнут из S. Надо полагать, что передача еврейской речи Иуды с самого начала существовала в тексте, который скорее всего был греческим, и только в сирийской версии пришлось отказаться от передачи утерявших смысл слов. Сохранившаяся в G и L транскрипция не может быть отнесена на счет сирийского ни фонетически, ни потому, что все версии, не исключая и S, указывают на то, что он говорил по-еврейски. То, что Иуда писал

своей рукой послания евреям, явствует только из G и L. Сближают их более мелкие черты, отдельные слова, пропуски или такое указание, что Иуда казался мертвым.

Таким образом, от L создается впечатление, что он объединил своеобразные черты S и G, впитал в себя максимальное содержание и наибольшее число подробностей этого мученичества.

Но какое положение занимают в таком случае тексты S и G относительно друг друга? Количественно совпадений между ними, которых не было бы в L, немного, но качественно они останавливают на себе внимание. Так, S₂ отчетливо передает мысль G о том, что Кириак отзывается приносить жертвы: λίθοι ματαίοι — суетные камни (ܠܝܬܘܝܢ ܟܥܪܟܐ); δαιμόνιοι — греческое выражение, которое передать одним словом сириец не мог. В состав этого представления непременно входило понятие об идолах — ܐܝܕܘܠܐ, а прилагательное ܟܦܝܘܐ придавало ему тот трудно переводимый оттенок, который есть в слове δαίμων. L этого последнего выражения не имеет. Относительно цитаты из псалма 12 речь уже была выше. Не лишено интереса молитвенное обращение Едалома (Аммона) перед смертью, простота греческого текста говорит за него — ο θεός Κυριακού — «Боже Кириака», обращение, совершенно понятное в устах уверовавшего язычника, который принимает Бога по доверию к мученику Кириаку. S₁ осложнила это обращение, назвав Кириака «блаженным и святым епископом». S₂ упоминает при этом еще имя Иисуса Христа, которым в L заменен весь текст. Не возникает сомнения в том, что первоначальный текст сохранился в G, а последующая обработка не оценила значения и смысла такого обращения, L утеряло его совершенно. Более мелких черт касаться не стоит.

Такие случаи, как объединение одним текстом двух других, не дают материала для определенных выводов, они говорят только об известной их вариативности. Таково положение, при котором S₁ обнаруживает близость к G, делая одинаковый пропуск, а S₂ сближается с L, давая параллельный текст.

Сирийский язык имел в своем составе ряд греческих слов в сирийской транскрипции, который был весьма употребителен. Поэтому присутствие в мученичестве таких слов, как βῆμα — ܒܝܡܐ и αἴωνα — ܐܝܘܢܐ, не дает еще права говорить о его переводном характере, тем более что для первого слова отсутствует греческая параллель, а в латинском сохранено выражение tribunal. Иначе обстоит дело с другим выражением. Юлиан, уговаривая Кириака отречься от Христа хотя бы словесно, указывает ему на то, что статуи еще не поставлены, и, разумея человеческие изображения, употребляет выражение ἀνδριάντα. Латинский переводчик понял это слово правильно и перевел его как statua. Для сирийца слово это не было достаточно понятно, вернее всего ему отвечало бы выражение ܐܝܕܘܠܐ, вместо этого оно дается им просто в сирийской транскрипции ܐܢܕܪܝܢܐ (G — p. 168, l. 8; S₁ — p. 90, l. 12). Эта же непонятность заставила совершенно пропустить эти слова в S₂. Транскрипция греческого слова в сирийском заставляет внимательно отнестись к возможности видеть в G исходный текст.

Насколько близки G и L между собою, было уже указано. Настолько ли эта близость меньше той, которая заметна между L и S, чтобы было возможно предполагать латинский перевод сделанным с сирийского? На этот вопрос должно ответить отрицательно. Близость L и S в отдельных случаях вполне объясняется предположением, что единственная известная греческая рукопись воспроизводит несколько измененный текст и что общие места L и S восходят к такому греческому тексту, который сохранил эти различия. Лексически нет никакой зависимости L от S, да и вообще ничего, что бы могло указать на их прямое родство.

Суммируя данные в пользу греческой основы мученичества Кириака, укажем транскрипцию греческого слова ἀνδριάντα, соображения относительно цитаты из 12-го псалма, транскрипцию еврейского текста в G и L, как и отрывки речи, отсутствующие в S. Все это, как и мелкие замечания, сделанные выше, с большой вероятностью выдвигают приоритет греческого текста.

ДАТА МУЧЕНИЧЕСТВА

Относительно даты мученичества Кириака версии расходятся, поэтому и интересно их сопоставление. Все версии согласны в одном, что днем кончины Кириака была суббота; час G и L называют восьмой, S₂ — девятый, S₁ не указывает часа вовсе. Относительно месяца расхождений еще больше. Объяснение, почему так расходятся показания версий, следует искать в сообщении сирийского извода S₁: «Он был увенчан в день субботний, в конце месяца Ияра, в который был найден крест». По-видимому, дата мученичества Кириака связывалась с датой

нахождения креста, точного числа S_1 не дает. За исключением точной даты в греческом, ни одна рукопись числа месяца не называет. S_2 называет месяц Хазиран (حزيران), который соответствует июню. Если приять во внимание, что Ияр соответствует маю, то понятно, что конец Ияра и Хазиран могли быть смешаны. Насколько справедливо S_1 отмечает число, говорят латинские данные. Большинство латинских рукописей дает mense Maio intrante, одна из рукописей (Ms. S. Maximini) — mense Artemisio.

Воздвижение креста празднуется латинским миром четвертого мая, поэтому вполне понятно помещение мученичества Иуды в их календаре на четвертое же мая (в рукописной традиции только Maio intrante).

Что касается другого указания — mensis Artemisii, то это принятое в греческой диаспоре Азии наименование мая — Ияра, который начинался с 1 мая.¹⁶ Такое название ему было присвоено и в Антиохии и в Селевккии. В палестинском и малоазийском календарях месяц Артемиды соответствует маю. Таким образом, латинская рукопись S. Maximini следует наименованию месяца греко-восточного происхождения, а в согласии со всей латинской традицией в качестве другого наименования указывается тот же май. Две греческие рукописи «Обретения креста» (так сказать, первая часть истории Кириака) указывают на месяц Артемиды как на месяц, в который был найден крест: Синайский кодекс Гарриса VIII или IX в. — *κατα δε Ἀσιανοῦς, ἐκάδι Ἀρτεμισίου* и Cod. Angelicus 108 XII в. — *μητι Ἀρτεμισίω κ'*.¹⁷

Древнейшая из рукописей мученичества Иуды — сирийская рукопись Британского музея S_1 — указывает и на май (Ияр), и на связь с датой обретения креста. Очевидно, мученичество было необходимо датировать тем же месяцем, что и обретение, но колебание даты этого события создавало различие и в установлении дня мученичества. S_1 и L расходятся только в указании части месяца: для S_1 — это конец мая, для L — его начало. Совершенно особую дату, которую нельзя принять за первоначальную, дает греческий текст жития — это 22 октября. Число 22 сохраняется не всегда, есть указания на 27 и 28 октября, но такая дата позднего происхождения. Май — Артемизий — Ияр — согласное утверждение латинской и сирийской традиций, намек на которое есть и в греческом календаре, поскольку 7 мая отмечается — *Ἀνάμνησις τοῦ ἐν οὐρανῷ φανέντος σημεῖου τοῦ τιμίου σταυροῦ ἐν Ἱερουσαλῆμ*. В этом же месяце 21-го числа празднуется память императора Константина и его матери Елены, разыскавшей крест Господен. То, что 14 сентября в греческом календаре называется *Ἡ πανκόσμιος ὑψοσις τοῦ τιμίου σταυροῦ*, было принято с VIII в. латинской церковью как *elevatio* или *exaltatio s. crucis* при сохранении праздника 3 мая — *inventio s. crucis*.¹⁸

22 октября — дата, которую устанавливает для кончины Иуды Кириака греческая рукопись мученичества, но краткое синаксарное его житие помещается под 28 октября.¹⁹ В этот же день латинский календарь отмечает память Симона и Иуды.

Кроме того, греческие рукописи синаксария упоминают Кириака в различные дни: так, рукопись Публичной библиотеки Gr. 227 (у Delehaeye—R) под 31 марта указывает память *Κυριακοῦ τοῦ φανερώσαντος τὸν τίμιον σταυρόν, τοῦ Ἰουδα ὀνομαζομένου τὸ πρότερον*.²⁰ Под 14 апреля кодекс острова Патмос № 226 — *Κυριακοῦ τοῦ φανερώσαντος τὸν τίμιον σταυρόν*.²¹

Что касается упоминания его имени под 27 октября в кодексе Парижской библиотеки № 1582, то дата подходит именно к Иуде Кириаку, однако там он именуется *Κυριακός ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως*.²²

Славянские тексты, следуя греческой традиции, помещают под 28 октября проложное житие Кириака и стих на его мученичество.²³ Текст этот представляет собою дословный перевод синаксарной греческой версии. Все разночтения славянского текста с греческим указаны в примечаниях, но они покрываются текстом, изданным Delehaeye, которым Археографическая комиссия не могла еще пользоваться.

Колебания в дате обретения животворящего креста, а с ним и мученичества Кириака отразились и у славян. 7 мая отмечается память явления креста на небе в виде знамения Констанцию, «сыну великого Константина», и Кириллу, архиепископу Иерусалимскому.

Средневековое счисление долго оставалось верным делению месяца на календы, нонны и иды, вероятно, и мученичество Кириака не имело точной даты, это был май месяц. В пользу майских календ говорит средоточие праздников и в греческом, и в латинском календарях именно в начале месяца. За конец мая и, может быть, даже переход даты на июнь говорит сирийская традиция. Дату латинского маририя без точного обозначения дня следует объяснить названием, принятым в эллинистической Азии, причем часть рукописей так и дает месяц Ар-

темизий, часть переводит его на латинский календарь — май.

Путаница дат обоих событий — обретения креста и мученичества Кириака — связана еще с тем, что известны два обретения креста, а также явление креста на небе и его воздвижение. В какой-то внутренней связи с этим колеблется и дата мученичества, отнесение которой к октябрю (22-го или 28-го) засвидетельствовано вполне определенно.

Что же считать первоначальными сведениями о времени мученической кончины Кириака? Месяц май, день субботний, в восемь часов.

Анализ этой даты может быть полезен и для выяснения происхождения мученичества. Совпадение S и L в месяце дает в то же время и ключ к изначальной дате. Мученичество было датировано по эллинистическому календарю Азии (Сирии, Палестины и Малой Азии): был назван месяц Артемизий, латинский текст взял эту дату из греческого, поскольку месяц называется Артемизием, такое название уцелело в одной рукописи. Сирийский перевод дал название месяца, соответствующее Артемизию, — Ияр. Те латинские рукописи, в которых называется май, дают перевод наименования.

Таким образом, название месяца ясно указывает на ту территорию, на которой должно было возникнуть мученичество, — это Сиро-Палестина или Малая Азия, говорящая на греческом языке и верная старой антиохийской и селевкийской календарной традиции.

ВРЕМЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ МАРТИРИЯ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ

Болландисты снабдили свое издание далеко не благоприятным отзывом, в котором они лишили мученичество всякой исторической ценности: «Nos qui martyrium ipsum fabulosum esse totum credimus» (p. 451 nota q.).

Между тем такая строгость может быть не вполне обоснована. Прежде всего обозначалось ли как-нибудь точно время, в которое пострадал Кириак? L дает указание — *regnante Juliano tyranno anno secundo* (Ms. S. Maximini — *regnante Juliano tyranno*), слово тиран с большей или меньшей уверенностью можно все же отнести на счет греческого подлинника, причем второй год правления Юлиана, царствовавшего в 360—363 гг., подходит как дата его персидского похода. Этим создается впечатление знания исторических обстоятельств того времени. Дальнейшая часть фразы в латинском мартирии объясняет заключение греческого и сирийского текста — *nobis autein* (разумеется, *regnante*) *domino nostro Jesu Christo*. В рукописи S. Maximini эта прибавка отсутствует. Вызвана она могла быть только благочестивым неудовольствием признавать царствование Юлиана, отступника и мучителя, поэтому и оказалось необходимым прибавить (*nobis autem . . .*), что для христиан и в правление этого императора продолжалось царствие Иисуса Христа. Между тем и в G, и в S указание на царствование Юлиана уже выпало, а сохранились не имеющие значения выражения: βασιλεύοντος τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ.

Сама форма латинского текста заставляет думать, что первоначально мартирии был помечен царствованием Юлиана, а наименование тиран указывает на греческий оригинал.

Другая попытка вставить мученичество в исторические рамки заключается в указании на императрицу Елену и римского первосвященника Евсевия, который рукоположил Иуду в сан епископа Иерусалимского. Евсевий Римский был на папском престоле в 309—310 гг., следовательно, для исторической жизни человека этот срок реален (50 лет до царствования Юлиана). Болландисты возмущены самой возможностью говорить о передвижении папы в Иерусалим и на основании этого отказывают мартирии в какой бы то ни было историчности. Вопрос заключается, конечно, не столько в факте, который передает мученичество и которого никогда не было, сколько в том, что это интересная традиция, указывающая на определенное время. Ссылка на папу интересна с той точки зрения, что Евсевий, по своему происхождению и связям принадлежавший греческому миру, оказался на римском престоле. Возможно, что это придавало его личности особое значение и заставило сделать участником событий. Отнюдь не следует принимать его за Евсевия Никомидийского,²⁴ он всюду носит имя Римского. Если и считать приезд Евсевия в Иерусалим легендарным, то сама связь с его именем представляет исторический интерес. Wotke нашел возможным предположить, что легенда крестовоздвижения (так как о посвящении Кириака рассказывается в ней, а в мученичестве об этом только упоминается) возникла в Риме. В такой гипотезе необходимости, конечно, нет, хотя влияние латинского мира чувствуется. Тем более что связь Евсевия с этой же легендой подтверждает и *Liber pontificalis*, сообщая вслед за упоминанием его имени «Sub hujus temporibus inventa est crux Domini nostri Jesu Christi V nonn. mai et baptizatus est Judas, qui et Cyriacus».²⁵

Когда могла возникнуть легенда о мученичестве Кириака? Вопрос, который может быть разрешен на основании косвенных данных. Хронология середины IV в. известна автору мартирия более или менее точно. Подробности мученичества мало историчны: невозможность Евсевия Римского принимать участие в рукоположении Кириака, несообразности в возрасте Кириака и т. п. Преследования и мучения, которым подверг его Юлиан, также не соответствуют историческим сведениям об этом императоре. Однако дается некоторый материал для представления об исторической обстановке, в которой сложился памятник. В мартирии отражены представления о хронологии IV в. Сказались в нем и обстановка, и литературные традиции этого века. Зная Юлиана и его религиозные взгляды, можно оценить тонкое замечание мученичества о том, что статуи не были вовсе поставлены и что божество, к которому Юлиан хочет привести Кириака, — Зевс.

Совершенно во вкусе IV в. длинные рассуждения и диалектические споры Юлиана и Кириака, они напоминают манеру многих литературных произведений Василия Великого или Григория Богослова: веком позже споры о христианстве и язычестве не имели ни остроты, ни интереса. Манера, в которой Юлиан говорит о христианах, называя их галилеянами, а самого Христа галилеянином, выдает знакомство автора мартирия с жизнью этого императора.

Литературные достоинства мартирия проявляются в том, как передана молитва Иуды. Она насыщена ветхозаветными цитатами и реминисценциями, что вполне гармонирует с иудейским происхождением Кириака. Интересна и необычна попытка передать молитву на еврейском языке, как не менее необычна и некая особая манера отношения к евреям в легенде о кресте. Отец Иуды Кириака старается отвести от низших слоев иудейского населения вину за казнь Иисуса, перекадывая всю ответственность на старейшин. Эта черта свидетельствует также о сиро-палестинском происхождении памятника, так как старые народные традиции в какой-то форме нашли в нем отражение.

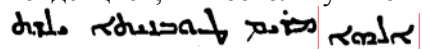
Подводя итоги произведенному исследованию, перечислим наши выводы:

1. Легенда об «Обретении животворящего креста» Еленой и Кириаком является первой частью мученичества Кириака, обе эти части написаны или обработаны одним и тем же автором.
2. Точной даты мученичества не имеет, оно связывалось с обретением креста, которое в свою очередь не имело фиксированного дня, первоначальной датой следует считать Май—Артемизий—Ияр.
3. Оригинал мученичества Кириака был написан на греческом языке, и латинский, и сирийский переводы восходят к нему. Сохранившийся греческий текст (изданный Керамевсом) не вполне отвечает первоначальному, это обнаруживается из сопоставления его с латинским и сирийским.
4. Автор мученичества происходит из среды греческой диаспоры Малой Азии или Палестины.
5. Мученичество возникло в конце IV в., самое позднее в начале V в.

ЛЕГЕНДА ОБ «ОБРЕТЕНИИ КРЕСТА»

Легенда об «Обретении креста» имеет многочисленных исследователей. Спор о версиях и переводах этого памятника все еще не закончен. Литературная традиция легенды имеет прямую связь с мученичеством Кириака. В той же рукописи Государственной Публичной библиотеки (сирийская новая серия, № 4) есть и текст «Обретения креста» (fol. 74^B—84^B).

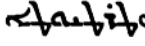

Этот не привлеченный еще издателями текст не имеет больших отличий от известных списков. Вступление с рассказом о явлении креста Константину роднит его с изданием Беджана и рукописью Британского музея add. 12.174. Остальная часть текста близка к кодексу add. 14.644 как в мелочах, так, например, и в рассказе об обретении гвоздей.

Писец кодекса ГПБ имел, по-видимому, несторианские тенденции или образец с такой тенденцией, поскольку он именуется в конце «Обретения креста» Марию (Христородицей, а не Богородицей, как в кодексе add. 14.644).

На сирийском языке известны две версии легенды об «Обретении креста»: одна связана с именем Елены и епископа Кириака,²⁶ другая — с Петроникой, или Протоникой, женой Клавдия.²⁷ Последняя встречается не только отдельно, но и в составе «Учения апостола Адаа», в полном своем виде опубликованном по той же рукописи ГПБ, в которой находится рассказ об «Обретении креста».²⁸

Изучение этой легенды сосредоточилось вокруг двух тем: 1) в какой зависимости находится версия об «Обретении креста» Еленой от версии о Протонике и 2) каково соотношение греческого, латинского и сирийского текстов между собой,

Язык памятника обратил на себя особое внимание Нестле,²⁹ а затем и Штраубингера.³⁰ Не решаясь высказаться определенно, Штраубингер указанием, что латинский является переводом с сирийского, а не с греческого, косвенно решил вопрос в пользу приоритета сирийского текста.

Благодаря большому числу рукописей, которые весьма богаты разночтениями, самое выделение трех древнейших версий весьма условно. Детали, сближающие латинский и сирийский, имеются, но нет ни одного указания, которое служило бы решающим доказательством. Между тем и за связь латинского с греческим говорит очень многое: общее содержание молитвы Иуды, транскрипция ее еврейских слов, которая, как и в мученичестве Кириака, отсутствует в сирийских рукописях, имеющих в иных случаях свою особую версию, например для эпизода изгнания беса.³¹ Слова Иуды, приведенные по-сирийски в прямой речи, в латинском и греческом даются в косвенной.³² Помимо этого, сирийский имеет ряд моментов, настолько сближающих его с греческим, что они приводят к мысли о том, что сирийская версия переведена с греческого. Так, в сирийском солдаты называются не только ,³³ но и ,³⁴ что вполне соответствует греческому тексту.³⁶ Эти выражения вызвали большое внимание и Нестле, и Штраубингера. Расхождение греческих текстов в наименовании ремесла Павла, в то время как в сирийских текстах апостол единодушно называется , нельзя объяснить разными переводами с сирийского, как это думает Нестле. Скорее иное: разнообразие греческих форм может быть вызвано как богатством языка, так и палеографическими неясностями.

Слово $\gamma\lambda\omega\sigma\beta\acute{o}\kappa\omicron\upsilon\omicron\nu$ в сирийской транскрипции не редкость, но оно фигурирует во всех сирийских рукописях параллельно греческому тексту,³⁶ как будто перенесенное из него. Из этого, однако, нельзя сделать окончательного вывода.

Интересна одна подробность, которая должна быть рассмотрена как попытка приблизить события легенды к автору, сделать его непосредственным зрителем чудес. Все три текста (греческий, латинский и сирийский), повествуя о том, как были найдены гвозди, употребляют глагол в первом лице множественного числа: $\epsilon\acute{\iota}\delta\omicron\mu\epsilon\nu$ — в греческом и соответственно в других.³⁷ Исключение составляет греческий текст Гольдера,³⁸ что же касается сирийской рукописи add. 12.174, то там весь рассказ об обретении гвоздей сильно сокращен.³⁹

По вопросу о том, кому принадлежит первенство — легенде о Петронике или о Елене, голоса разделились, и спор все еще не принял законченного характера.

Легенда о Елене возникла в связи с путешествием, предпринятым ею на восток, и многочисленными постройками, начатыми по ее приказу в Иерусалиме. Этот исторический факт и вызвал усиленную работу фантазии.

Другой факт, которым воспользовалась легенда, — это явление Константину знамения креста, происшедшее на Дунае.⁴⁰ С рассказа об этом событии начинаются полные версии как греческие, так и латинские и сирийские,⁴¹ из чего можно заключить, что он оказал влияние на повествование об «Обретении креста», которое в иконографическом порядке рассматривается как совместное действие Константина и Елены. Автору рассказа известны, с одной стороны, постройки и пожертвования Елены в Иерусалиме, с другой, в области его интересов лежит обращение Константина под влиянием небесного знамения креста. Эти данные и привели к появлению новой легенды, первоначально, вероятно, созданной народным коллективным творчеством. Характер, который носит в переработанной легенде рассказ о небесном явлении Константину, говорит о том, что он почерпнут из письменных источников, является их переложением.

Едва ли сказание о Елене было изначально связано с именем Кириака. Наиболее вероятно, что простая, подслушанная у народа форма приведена у Амвросия и Руфина, у последнего с именем епископа Макария.⁴² Эта простая форма получила литературную обработку, и к ней была присоединена история иудея Иуды Кириака, мученичество которого возникло одновременно с обработкой этой первой части. У Созомена происходит переплетение обеих версий, он упоминает как некоего $\alpha\nu\delta\rho\acute{o}\varsigma$ 'Εβραίου, так и епископа Макария.⁴³

Но каково положение легенды, связанной с именем Петроникой, жены императора Клавдия, также обретшей крест? Штраубингер в противовес Нестле и Филиппсу видит в версии с именем Елены первоначальную форму легенды. К его аргументации можно прибавить

еще ряд доводов.

Легенда о Петронике встречается как в виде отдельного рассказа, так и в составе «Учения апостола Аддая». Переписка Абгара была известна уже Евсевию Кесарийскому, но не в той ее форме, которая известна по списку ГПБ, так как о Протонике он не упоминает. Легенда об этом первом обретении креста существует только в сирийской и под ее влиянием армянской литературе. О ней знают Моисей Хоренский и календарь Исаака V в.⁴⁴

Легенда о Протонике возникает на той основе, что и легенда о Елене, но ее составление связано с более поздним временем. Едва ли она появилась только как составная часть «Учения Аддая», как полагает Нестле,⁴⁵ но, что она в этом виде попадает в армянский мир (календарь Исаака), это несомненно, как несомненно и то, что древнейшая форма легенды представлена тем ее текстом, который входит в «Учение Аддая» по единственной полной рукописи ГПБ. Если «Учение Аддая» было известно Евсевию без рассказа о Петронике, то можно указать на интересную особенность: легенда о Петронике связана с рядом сведений, почерпнутых из Евсевия. Наиболее вероятно, что изгнание Клавдием иудеев из Рима заимствовано из «Церковной истории»,⁴⁶ как и сведение о жизни и пребывании там апостола Петра, если только последнее не указывает на знакомство с хорошо известным сирийцам апокрифом — «Учение апостола Петра в Риме».⁴⁷

Сирийцы, обладая двумя легендами об «Обретении креста», должны были пойти дальше и сгладить создавшиеся в связи с этим противоречия. Нельзя было оставить в руках христиан крест, переданный женой кесаря Клавдия Петроникой Иакову, брату господню — первому епископу Иерусалима, так как тогда было бы непонятно, почему Елене снова пришлось искать крест. Поэтому появилась необходимость развить рассказ дальше, крест оказывается погребенным во времена Траяна, при Симоне, втором епископе Иерусалима. Этот рассказ (находится в рукописях add. 12.174 и Sachau 222)⁴⁸ присоединен к истории о Петронике, а вслед за ним следует вторичное обретение креста Еленой. Глубина в 20 локтей, на которую закапывают крест при Траяне, та же, на которой ее находит Кириак, но это указывает не на то, что легенда о Кириаке почерпнула эти сведения отсюда, а обратное — на то, что легенде о Петронике пришлось приспособляться к данным повествования о Елене.

Под влиянием Кириака и его епископства легенда связывает с Иаковом и Симеоном, епископами иерусалимскими, свои повествования о кресте и заканчивает рассказ о погребении креста списком епископов иерусалимских, заимствованным, конечно, из Евсевия Кесарийского, причем не из греческого его текста, а из сирийского перевода. Это явствует из следующего: десятый епископ носит имя Сенеки — ܣܢܝܩܝܘܨ , между тем в легенде об «Обретении креста» по рукописи add.12.174 он носит имя ܣܢܝܩܝܘܨ ,⁴⁹ а по Sachau 222 — ܣܢܝܩܝܘܨ .⁵⁰ Это несоответствие как нельзя лучше объясняется ошибкой, имеющейся в одной из рукописных традиций Евсевия. В сирийской «Церковной истории» при перечислении имен епископов частица ܐܝܢܐ сопровождает число: ܐܝܢܐ ܕܥܘܨܒܝܘܨ и т. д. В списке Британского музея при наименовании десятого епископа частица ܐܝܢܐ была присоединена по ошибке не только к числу, но и к имени, так что там оно читается ܣܢܝܩܝܘܨܐܝܢܐ — ошибка, которой нет в рукописи ГПБ (сирийская новая серия, № 1).⁵¹ Изменение имени в «Обретении креста» и является следствием этой опечатки, известной нам по рукописи Британского музея. Более ранняя рукопись 1196 г.⁵² имеет меньше ошибок, сохраняя те же согласные — ܣܢܝܩܝܘܨ , только ܐܝܢܐ — алефы текста Евсевия — заменены двумя йотами (ܝ). Конечно ܐܝܢܐ (вав) не может быть принято во внимание.

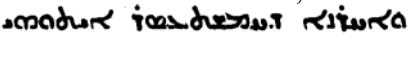
В позднейшей рукописи 1881 г. (Sachau 222)⁵³ имя претерпело дальнейшее изменение: желая придать ему осмысленность, его пишут Дионосинос — Дионисий, как думает и Беджан.

Эта справка, думается нам, целиком подтверждает зависимость рассказа о погребении креста при Траяне от сирийского Евсевия. Следовательно этот рассказ сложился на чисто сирийской почве. Эпизода с погребением креста в рассказе о Петронике (по «Учению апостола Аддая») нет, что вполне понятно, так как рассказ этот вложен в уста Аддая, но сведение об изгнании иудеев из Рима там содержится, и, как было указано выше, весьма вероятно, что оно восходит к тому же Евсевию.

В отношении сказаний о Петронике и о Елене Штраубингер прав, считая легенду о Петронике вторичной, причем она обнаруживает знакомство не с краткой редакцией «Обретения креста» Еленой, как предполагает этот исследователь, а с подробной, в которую введен Иуда Кириак. Подтверждает наше мнение то, что роль Иуды Кириака при Петронике выполняется ее сыном, причем даже его имя не упоминается, а поучения и советы, которые он дает, повторяют

слова Кириака, вплоть до того, что и обращение, с которым Кириак относился к Елене (ܩܝܪܝܐܩ),⁵⁴ сохранилось в устах сына Петроники к ней, хотя, может быть, ему больше надлежало бы называть ее матерью, чем госпожой. Молитвы Петроники⁵⁵ обнаруживают знание молитв Кириака по пространной версии. Три молитвы Петроники повторяют в раздробленном и сокращенном виде молитвенные обращения Кириака при обретении креста и гвоздей.⁵⁶

Таким образом, легенда о Петронике является последним вариантом сказания об обретении креста, выросшим на сирийской почве под влиянием греческой легенды о Елене и Кириаке.

То, что первоначальным языком «Обретения креста» Еленой и Иудой Кириаком был греческий, подтверждают как уже сделанные указания, так и то, что датировка двухсотыми годами в латинских и греческих рукописях, заставившая принять Нестле и Штраубингера счет от погребения Траяна, не может считаться основательной. Уже было сказано, что происхождение этого сирийского дополнения связано с письменными источниками — Евсевием, а заключение, приведенное в add. 12.174.⁵⁷ «И последним, пятнадцатым, был Иуда, в дни которого крест (появился) второй раз из земли», — указывает совершенно отчетливо на то, что этот список епископов приведен для того, чтобы, включив в него Иуду, логически связать две легенды об «Обретении». Но ничто не указывает на обратное, на то, чтобы датировка легенды о Елене и Иуде Кириаке была как-либо с этим связана. Не лишено значения и то, что самые авторитетные сирийские рукописи add. 14.644, которые Райт отнес к V—VI вв., а Нестле без аргументации приписывает VII в., рукопись ГПБ (сирийская новая серия, № 4), датированная Райтом VI в., и список, который использовал Loftus, датируют путешествие Елены трехсотыми годами. Исключение составляют рукописи add. 12.174 и Sachau 222, которые для путешествия Елены называют 201 г. от вознесений. Думается» что правильная традиция древнейших сирийских рукописей была затем нарушена той путаницей, которая произошла вокруг этой даты в латинской и греческой традициях, и, конечно, явившейся плодом какой-нибудь случайной ошибки. Если бы такой счет шел от сирийского и имел бы в виду погребение креста при Траяне, как полагают Нестле и Штраубингер, то это оставило бы след в старейших сирийских рукописях, однако в них этого и нет.

Ссылаться на слова Кириака о том, что крест был погребен около 200 лет назад, нельзя, так как это просто желание указать на большой срок, а не точная дата, тем более что именно сирийский текст и отмечает 200 или 300 лет, чего нет ни в греческом, ни в латинском, и этим лишает возможности ссылаться в этом на сирийскую традицию.

Греческое влияние можно видеть и в том, что Елена рассказывает Иуде о древностях, которые сохранили греки, говорит о их способности и теперь найти Илион, который давно погиб, тогда как иудеи не знают о своем прошлом. Едва ли могла родиться в Сирии и мысль о Евсевии Римском, на которого все рукописи согласно указывают как на епископа, крестившего Иуду Кириака. Уже высказывалось предположение, что это ошибка и что замысел был в том, чтобы связать и Елену, и Константина, и Кириака с Евсевием Никомидийским, действительно стоявшим близко к Константину. По нашему мнению, тут может быть иная причина: не заставили ли догматические споры отставить Евсевия Никомидийского и заменить его Евсевием Римским? Как бы то ни было, но и замена, и самое знание римского первосвященника можно предположить для грека, для Сирии же, и в такое раннее время, это представляется маловероятным.

Итак, суммируя все сказанное, укажем на главные выводы.

Воздвижение креста Еленой с помощью Кириака, как и вторая часть этой легенды — мученичество Кириака, первоначально было написано на греческом языке.

Легенда о Протонике и погребении креста при Траяне выросла на сирийской почве, используя полную версию воздвижения креста Еленой и Кириаком.

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ НАДПИСИ RES 4337

Катабанская надпись RES 4337 о торговле в Тимна⁷ — это декрет, выгравированный на обелиске, стоявшем на центральной площади города. Филологический анализ и перевод надписи были выполнены проф. Марией Хёфнер и проф. А. Бистоном и приняты также в «Репертуаре», а интерпретация декрета была завершена проф. Бистоном.¹ Здесь хотелось бы осветить

историческое значение надписи, которое связано с культурной жизнью Ближнего Востока в доисламский период.

Известный в течение столетий великий караванный путь, который связывал берега Средиземного моря со «страной царицы Савской», достигал также катанской столицы Тимна'. Это была одна из дорог, которые вели из Византии дальше в Индию. Тимна' была важным пунктом на знаменитом «пути благовоний» (ароматов). В этом плане еще более интересен пальмирский тариф, установленный на агоре, который перечисляет товары и способы их перевозки и устанавливает пошлинные сборы. Он является исключительно важным источником по истории торговли.

Катанская надпись RES 4337 содержит предписания купцу, указывающие, где и как он может вести свои торговые операции. Надпись позволяет установить ряд новых фактов. Так, торговля в Тимна' регулировалась царем Катабана. В его прерогативы входило установление рыночной пошлины, и эта пошлина должна была выплачиваться в царскую казну.² Только после этого купец получал разрешение вести куплю-продажу. Такое разрешение давало право вести торговлю на всей территории Катабана и со всеми его племенами. Товары не названы, однако само собой понятно, что это были продукты сельского хозяйства страны, по всей вероятности благовония, или ароматы.

Этот торговый центр — город Тимна' со своим рынком — не был портом, а лежал в глубине материка и являлся центром Катабанской державы. Положение катанской столицы в условиях перевозок на верблюдах было настолько важным, что караваны даже делали крюк, чтобы попасть в Тимна' и воспользоваться ее благоприятными торговыми возможностями.³ Город был разрушен около 100 г. н. э., а около 146 (140) г. н. э. Катабанское государство прекратило свое существование и территория Катабана стала частью Хадрамаутского государства.⁴

Важнейшими пунктами на «пути благовоний» к северу от Тимна' были Ма'ин и страна Амир. Минейцы были купцами, возившими товары не только в Северную Аравию, где долгое время процветала минейская колония Дедан, но и в Египет, и даже на о. Родос, где обнаружены минейские надписи (RES 3427, 3570). Поэтому в Катабана находят много надписей, в которых упоминаются минейцы; упоминается и специальная постоянная организация минейских купцов в Тимна' — m'nm/btmm' (Ма'ин в Тимна').⁵

Иным было значение страны Амир. Ее жители выращивали верблюдов; уход за ними составлял их главное занятие, поэтому именно они водили караваны. В пустынях Аравии для перевозки грузов в качестве вьючных животных были необходимы верблюды, а проводниками и погонщиками должны были быть бедуины.⁶ Это показывает особое значение страны Амир на протяжении всего времени, пока продолжалась торговля благовониями на континентальных торговых путях.⁷ При существовавших экономических условиях, когда эти перевозки и торговля благовониями давали большую часть доходов, амириты играли заметную роль в Тимна'.⁸

Интерпретация надписи RES 4337 и ее перевод, которые становятся более ясными на основе некоторых других южноарабских надписей, позволяют сделать следующие выводы. Прежде всего торговля приносит доход царю Катабана. Когда торговец прибывал в Тимна', он должен был, как свидетельствует надпись, заплатить пошлину. Кроме того, ставится непременное условие, что купец, ведущий торговлю в Катабана, должен иметь свое торговое помещение, факторию на главном рынке ШМР в Тимна'. Предписано также, что тот, у кого купец арендует помещение, должен знать, уплачена ли пошлина, и является ответственным за ее уплату.⁹ Условия, которые ставятся в Тимна' на его рынке ШМР, приезжающему купцу, должны были обеспечивать потребности фискального режима. Поэтому купец, войдя в город через ворота, сразу оказывался подчиненным фиску. Заслуживают внимания различия, которые надпись делает между катанцами и некатанцами. Первым предоставляются преимущества во всем. Купец, который заплатил все сборы, получает возможность продавать и покупать повсюду в Катабана.

Имя царя — Шахр Хилал, сын Йада' 'аба, царь Катабана. Сразу же после него следуют упоминания катанцев, т. е. народа и общин катанцев в определенных местностях, названных собственными именами, которые принимают этот декрет и к которым относятся предписания декрета. Заслуживает внимания, что выполнение установлений декрета, его осуществление на практике возлагается на специального «надзирателя Шамира». Проф. Бистон не согласен с переводом слова dbg, сделанным проф. Хефнер, и предлагает следующее: «Это, кажется, обозначение какого-то официального лица, может быть, что-то вроде контролера».¹⁰ Это «кон-

тролер» или «надзиратель», «смотритель» ШМР — рыночной площади. Он контролировал и «надзирал» за тем, чтобы рыночная пошлина была выплачена в этом установленном месте ШМР, поэтому он также «контролер ШМР». Здесь можно было получить все сборы с купца. Именно поэтому торговля обязательно должна была иметь центр, чтобы фикс мог осуществлять контроль над рыночными сборами и соблюдать различия между катабанцами и купцами, прибывшими издалека.

Купцу разрешено покупать и продавать, если у него есть фактория на рынке ШМР и он заплатил пошлину. Если он чужеземец, он должен арендовать дом или его часть, которые служили бы ему конторой, факторией или пристанищем. Он должен оплатить этот дом, и хозяин, сдающий его в аренду, отвечает за уплату пошлины купцом. Местный житель, катабанец, тоже мог вести торговлю, но должен был платить пошлину. Чужестранец должен был платить и ряд других податей, которым катабанцы не подлежали. Централизация торговли облегчала контроль царю Катабана и дабиру Шамира, его господину или «надзирателю». Можно думать, что торговцы прибывали группами, привозили сотрудников и помощников, арендовывали дома, вероятно тоже совместно. Если торговля велась в окрестностях Тимна¹, в Катабане, сборы все равно выплачивались на ШМР; за этим также должен был следить «надзиратель». Очень важно для истории торговли, что названа даже сумма денег, когда указан сбор за торговлю в надписи на северной грани обелиска.¹¹ Исследователи придерживаются мнения, что речь идет о более чем 50 золотых (RES 4337A, 26).¹²

Декрет заканчивается словами, что каждый царь должен «защищать этот закон».¹³

Таким образом, надпись RES 4337 имеет большое значение для истории государств Южной Аравии до ислама, их внутреннего развития, а также для изучения их связей с другими государствами. Эта надпись получает наибольшую ценность, если рассматривать ее в свете истории великих тысячелетних путей, которые связывали Восток и Запад, греко-римскую культуру Средиземноморья и южные государства, которым еще предстояло в будущем внести свой вклад в историю.

СИРИЙСКИЙ ТЕКСТ И ГРЕЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД МАРТИРИЯ ТАРБО

Значительное место в раннесирийской литературе занимают «Деяния мучеников», относящиеся к гонениям времен Шапура II (309—379 гг.), которые охватывают целую эпоху в жизни христиан, сирийцев и персов, в Иране. Личность епископа Селевкии Ктесифона Шем¹ она бар Сабба^е (сына красильщика) стоит в центре «Деяний», с которым соединена история Гуштазада (Азада) и за которым следуют деяния Каругбеда Поси (Пусай), а также многочисленных групп христиан.¹ Собрание этих житий было в 420 г. подготовлено Марутой, епископом Майферкатским. однако оно, по господствующему до сих пор мнению, не сохранилось.² Деяния Тарбо, ее сестры и ее служанки в сирийском оригинале и в греческом переводе, где она зовется Фербута, относятся ко времени Шапура II. Дева Тарбо предала себя целомудрию, милостыне и молитвам; она была «дочерью Завета» (baṭ ʔuātmā) — состояние, которое представляло первую ступень монашества, когда оно еще не приобрело свою закономерную форму. Тарбо была сестрою Шем¹ она, она была схвачена после его казни.

Текст ее жития связан с житием Шем¹ она лишь постольку, поскольку она названа его сестрой; вначале говорится, что описываемые события относятся ко времени, «когда шахиня заболела».

Традиция представлена очень древними рукописями, которые содержат Деяния мучеников «великого гонения», а также греческим переводом.

Издание лазариста Беджана основывается на издании Ассемани, в котором за мученичеством Шем¹ она и его товарищей, за мученичеством «многих мучеников Азада» как третья часть следует мученичество «Тарбо, ее сестры и ее служанки».³ Этот текст П. Беджан сравнил в Мосуле с рукописью на пергаменте VII—VIII вв., которая принадлежит Халдской церкви в Диарбекире, а также с Берлинским списком (Sachau № 222, f. 306b.) древнего кодекса, написанного в Алкоше в 1881 г.⁴ Греческий перевод мученичества Фербуты — Тарбо (Φερβους, Θερβους Φερβουθη) сохранился в Codex Vaticanus 1660 — рукописи на пергаменте 916 г: (ff. 63^v—68), а также в рукописи Синодального собрания № 376 (Москва, Государственный Исто-

рический музей) и в пергаменном кодексе Библиотеки Св. Марка (№ 353, ff. 133— 135) в Венеции.⁵

Существует, таким образом, единая рукописная традиция, которая охватывает Мученичество Тарбо и древнейшие известия о гонениях времен Шапура II. Мы полагаем, что эта традиция представляет часть труда, составленного епископом Марутой.

«Деяния мучеников» являются источником, который содержит обстоятельные и многочисленные данные и интересные детали. В сочетании с другими историческими и юридическими источниками они сообщают много нового об эпохе Сасанидов.⁶ В первую очередь должны быть упомянуты епископ Шем'он, Каругбед Пусай, евнух Гуштазад. Попытка рассматривать их процесс как схематическое явление, как искусственную конструкцию восходит к гиперкритическому методу.⁷ Процесс Тарбо также не есть «схема», но показывает процедуру, в соответствии с которой велись такие процессы против христиан на Западе и на Востоке. Обвинение против Тарбо, по которому ее колдовство вызвало болезнь шахини, было инспирировано евреем, к которому та благоволила. Это подозрение отражает длительное соперничество между христианами и евреями в области экономики, в ремесле и торговле, и стремление к первенству. И те, и другие пытались приобрести благоволение владыки. Чтобы укрепить свое положение при дворе, они пускали в ход любые средства.

Благоволение шахини к еврейским кругам населения дало им возможность обвинить Тарбо в колдовстве, причем они добавляли, что оно будто бы было мстью за смерть ее брата Шем'на. Подозрение, что сирийцы были колдунами, переносит, вероятно, представление о персидских магах (*mgūšē*, *μάγοι*) на христиан. Персы, однако, придерживались такого мнения: «Вы сами колдуны».

В речах Тарбо повторяются мысли, которые известны из сирийской литературы III в. н. э.; литературная форма с вопросами и ответами такая же, как в «Деяниях» Шем'она. Каждый из судей хотел бы иметь Тарбо женою, это желание соответствует гаремным обычаям персов. В сирийском тексте процесс ведется «великим магупатом и двумя знатными» (*magupṭā rabbā wa-trēn gaurbānē*). Шах высказывает свое мнение и постановление в отсутствие Тарбо; судьи, разгневанные ее сопротивлением, объявляют ее настоящей колдуньей. После этого «прислал шаханшах слово и сказал», что «мы не знаем, занималась ли она колдовством», но она должна «вознести молитвы к солнцу, и тогда она не будет наказана смертью».⁸ Повторную просьбу магупата стать его женой святая отклоняет. Она также твердо убеждена, что *προσκύνησις* перед солнцем — это осквернение творца.⁹ Словами Священного писания она подтверждает, что христианам запрещено заниматься колдовством.¹⁰

Думается, что в тексте нет западного влияния. Последовательность событий в мученичестве соответствует обычному порядку, а не специфически западному, как предполагали некоторые исследователи.¹¹ Более того, в сирийском тексте Тарбо говорит, после того как она отказала магупату: «Потому что я невеста (*mḵirtā*) Христа».¹² Греческий перевод, напротив, еще не знает такого оборота и дает поэтому более слабое выражение: «Так как я прежде была посвящена Христу, я сохранию свое целомудрие».¹³

Отказ почтить солнце вызывает вмешательство «великих магов» (*rabbai mḡūšē*),¹⁴ которые возвращаются к первоначальному обвинению и требуют смертной казни за колдовство для всех трех обвиняемых. Ужасная смертная казнь совершается, всех трех распилили пополам и части тела в форме креста положили по обе стороны улицы. После этого шахиню провели между этими частями, чтобы это принесло ей выздоровление. За ней следуют по этому пути сам шах и «все войско» (*kullehpeḡā* — *πασα παρεμβολή*).¹⁵ Текст утверждает, что это место было потом покинуто,

Мученик указывает только день казни, «пятый день месяца Ийара, в полнолуние», *τῆ πέμπτῃ τοῦ ἀπριλλίου μηνός*.¹⁶ Год не указан: событие падает на время после смерти епископа Шем'она, которую относят к 341-му или 344 г. С учетом свидетельства Афраата мы полагаем, что следует принять 344 г.¹⁷

Мученик Тарбо, несмотря на некоторые непоследовательности, имеет признаки действительного жизненного события; литературно оформлены только речи святой и плач о ней и о ее подругах. Мученик принадлежит к древнейшей группе источников о гонениях Шапура II, как думает и Висснер.¹⁸ Обработка, по нашему мнению, могла принадлежать Маруте Майферкатскому, чье собрание в 57-й главе каталога Абдишо из Собха (ум. в 1318 г.) характеризуется тем, что «он составил книгу о мученичествах, с гимнами и возгласами мучеников» (*sām wa ktābā d-sāhedwātā w-ōnyātā w-ḵālē d-sāhdē*).¹⁹

Выше отмечалось, что речи Тарбо и Шем'она с игрой вопросов и ответов обнаруживают определенный тип жанра, что указывает на литературную обработку обоих житий. Плачи святой, в которых ее чистота и целомудрие противопоставлены гнусному убийству, ее обнажению и выставлению на позорище, могли быть теми «гимнами и возгласами» (kl'), которые Марута включил в свое собрание.

Мартирий Тарбо является, как мы думаем, главой из книги о святых мучениках, которая была составлена епископом Майферкатским; он представляет памятник сирийской прозы начала V в.

ЗАМЕТКА ОБ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ВИЗАНТИЕЙ И ГУННАМИ В VI в.

Хорошо известно, что Византия в своих отношениях с соседними странами и с отдаленными народами использовала самые разнообразные средства, чтобы усилить взаимные связи, привязать к себе эти страны и заставить их вести политику, угодную Константинополю. Одним из средств, которые империя с полным основанием считала эффективными, была христианизация, создававшая единство веры. Она считалась в Византии лучшим средством политического влияния.

Христианство приобрело прочные позиции в отдаленных от Византии странах, как Нубия, Эфиопия, Химиаритское государство в Южной Аравии, не говоря уже о таких близких соседях, как арабы-гассаниды. Среди других народов христианство привлекло только несколько семей, или родов, которые часто были вынуждены оставаться в языческой среде, почти всегда враждебной к новой религии и преследовавшей ее.

В этом процессе христианизации Востока очень большую роль сыграли сирийцы — просветители армян, грузин, арабских племен Северной Аравии и городов Йемена.

Дополнение к сирийской хронике, называемой «Хроникой Захарии ритора», написанное неизвестным автором, содержит рассказ, детали которого весьма интересны для исследуемого сюжета. Автор начинает свою работу с «Описания вселенной Птолемеем Филометром, составленного тщанием царя Египта в 30-й год его царствования, за 150 лет до рождения нашего Спасителя, за 711 лет до нашего времени, 28-го года царствования Юстиниана, императора наших дней, 866-го года Александра, в 333-ю Олимпиаду».¹ Автор совершил грубую ошибку, так как Клавдий Птолемей, знаменитый александрийский ученый, написал свой трактат о вселенной в середине II в. н. э. Но последующие вычисления дат точны. Кроме даты рождения Христа, которая отличается на 10 лет от общепринятой, все остальные данные указывают на один и тот же год — 555 г. н. э. После перечисления народов по «описанию вселенной» автор Дополнения называет «тринадцать народов», большинство имен которых, несомненно, тюркского происхождения: онагоры, огары, сабиры, бургары, оланы, куртаргары, абары, хазары, вирмары, сиругуры, баграсики, куласы, абделлы, эфталиты.² Эти племена известны также по другим источникам — византийско-греческим, армянским и сирийским. Все они находятся на одном уровне культурного развития: они кочевники-варвары. «Эти тринадцать племен живут в палатках и питаются мясом скота, рыбой, мясом диких животных; они живут за счет (своего) оружия».³

Каспийское море и его порты находятся «у гуннов», в пределах владений гуннов, и эти племена живут за «Каспийскими воротами» — за дербентским проходом.⁴

Исключительный интерес представляет следующее известие: «20 лет назад или немного более у гуннов появилось Писание на их языке». Автор указывает, что он пользовался здесь устным источником. Он получил свои сведения от двух «праведных мужей: Иоанна из Решайны, который был в монастыре Бет Айшахуни близ Амида, и Фомы Кожевника (βουρσεύς), которые были взяты в плен (во времена) Кавада примерно пятьдесят лет тому назад. Они были проданы в рабство и из персидских областей перешли в края гуннов, пройдя через (Каспийские) ворота, и оставались в их земле больше тридцати лет. Они взяли там жен и произвели детей. Теперь они возвратились и рассказали нам устно то, что следует дальше».⁵

Этот рассказ сообщает подробности истории, рассказанной выше, и содержит хронологические данные, хотя и сбивчивые.

«После того как пленные были уведены от ромеев (=византийцев) и приведены к гун-

нам, они оставались в их земле тридцать четыре года. Тогда к человеку по имени Кардост, епископу в земле Арран, явился ангел, как сообщил нам этот епископ». ⁶ Кардост — имя, которое соответствует греческому Феоклет, прибыл из Армении (Аррана=Албании), так же как его преемник, «другой армянский епископ Макарий». Кардост, сопровождаемый тремя священниками, к которым затем присоединились еще четыре, прибыл к пленным в землю гуннов, чтобы окрестить их, приобщить их к святым тайнам и посвятить священников. Епископ и его спутники двигались не через «Каспийские ворота», которые денно охранялись гуннами; они проникли «в эту варварскую страну» малоизвестными «тайными тропами». В этой стране не было мест для отдыха, потому что она была населена кочевыми племенами, не было «спокойных жилищ». Как излагает наш источник, «эти семь святых мужей» каждый вечер находили семь хлебов и кувшин воды. Они разыскали пленных, преподали им наставления и окрестили «множество гуннов». Священники прожили там «седмицу годов», т. е. семь лет, и перевели «Писание» на язык гуннов. Под «Писанием», несомненно, имеется в виду евангелие, может быть какой-то молитвенник и перевод литургии, но само слово «Писание», дважды повторенное нашим источником, обозначает священную книгу христиан, в данном случае Новый завет.

В источнике нет последовательных дат, но хронологию можно установить по указаниям продолжительности пребывания у гуннов пленных и миссии. Пленные оставались у гуннов тридцать четыре года; после того как Кардост и его спутники прибыли к ним со своей миссией, они провели там семь лет и сделали перевод «Писания». Амид был взят Кавадом в январе 503 г. 34 года плена дают 537 г.; прибавив к ним еще семь лет миссии, мы получим 544 г. Но тогда нельзя было бы сказать в 555 г., что «Писание» было переведено примерно 20 лет тому назад. ⁷ Может быть, информаторы автора пробыли в плену всего 34 года, но это не указывает нам года прибытия миссии. Во всяком случае факт перевода «Писания» на гуннский язык миссией армянского епископа Аррана Кардоста засвидетельствован надежным источником и датируется второй четвертью VI в.

Император Юстин I до 526 г. послал в Боспор «младшего племянника» покойного императора Анастасия патриция Проба «с большим количеством денег», чтобы «купить» (т. е. нанять) воинов, «чтобы помочь иверам сражаться с языческими народами. Согласно Прокопию, Проб: *ξυν χρήμασι πολλοῖς ἐς Βόσπορον ἐπέμψεν ἐφ' ᾧ στρατεύμα Ο'ὐννων χρήμασιν ἀναλείσας Ἴβηρσι πέμψη ἐς ξυμμαχίαν.* ⁸

Год этой экспедиции неизвестен. Мюро относил ее к 552 г., но эта ошибочная дата не подтверждается источниками. ⁹

Точная дата этого события не установлена и до сих пор; во всяком случае эта экспедиция состоялась до 526 г. ¹⁰

Весьма возможно, что во время своей поездки в Боспор Проб интересовался пленными, увезенными из византийских провинций; наш сирийский источник сообщает, что «он хотел их видеть», «он получил их благословение и почтил их в присутствии (буквально «перед глазами») этих людей.» ¹¹

Таким образом, пленные из восточных провинций Византии, так же как христианская миссия, прибывшая из Армении, представляли особый интерес для империи. Когда эти факты стали известны «нашему императору», как говорит автор Дополнения (эта деталь указывает, что он был византийцем — греком или сирийцем), «он послал из ближайших городов, принадлежащих Ромейской империи, тридцать мулов, нагруженных пшеницей, вином, маслом, льном, другими фруктами (продуктами) и священными сосудами». Эти тридцать мулов доставили подарки Проба, «человека набожного, мягкосердечного и усердного в добрых делах, подобных этому». ¹²

Кардост провел среди гуннов 14 лет, но после него был «другой армянский епископ по имени Макарий», который продолжил дело своего предшественника. Он был хорошо подготовлен для этой задачи.

Христианизация языческих народов была выгодна Византии: она увеличивала ее влияние и престиж. Но христианизация оказывала, как показывает нам источник, положительное влияние на культурную и экономическую жизнь этих народов. Вместе с религией они познакомились с культурой земледелия, хлебом, мало знакомым «варварам», научились сеять и собирать урожай.

Епископ Макарий не только проповедовал христианство и крестил гуннов, но также «сажал овощи и сеял зерно», построил «церковь из кирпича» (сир. *dalbane* — греч. *πλίνθοι*). «Когда владыки (*šalitte* — сир., мн. число) этих народов познакомились с этими нововведения-

ми, они были изумлены и обрадовались этим людям. Они почитали их, и каждый звал их в свою местность и к своему племени. И они просили их быть их учителями. Они остаются там до сих пор».¹³

Таким образом происходило распространение достижений цивилизации и создавался более высокий культурный уровень. Христианизация приносила большое число новых идей и мыслей, более изощренных и разработанных. Гунны получили возможность читать, изучать «Писание» на родном языке. Источник указывает, что язык перевода был гуннским, но о характере письменности можно лишь строить предположения.

В близлежащих иранских областях были распространены особый вариант сирийского алфавита — сиро-манихейский, который приписывают самому Мани, а также согдийский алфавит. В 568 г. тюркские племена прислали грамоту, документ, который ученый Менандр называет *το γράμμα το Σκυθικόν*. Вероятно, это было то же письмо, которым был сделан перевод священных книг. Это предположение подтверждается и тем, что гунны жили по соседству с согдийцами, и тем, что Кардост прибыл из Армении, где мог быть известен согдийский алфавит.

Весьма вероятно, что гуннами, о которых говорит наш источник, были «гунны, называемые сабирами», хорошо известные византийским историкам. В середине VI в. они воевали то на стороне персов, то на стороне Византии. В их племенах насчитывалось около 100 тысяч воинов. Прорвав оборону «Каспийских ворот», они обрушились на византийские провинции.¹⁴

Христианизация соседних народов, которую проводила Византия, приобщала эти народы к письменности и способствовала их участию в литературе и духовной жизни.

СИРО-ПАЛЕСТИНСКИЕ ФРАГМЕНТЫ ПСАЛМОВ 123—124

В научных библиотеках Ленинграда хранится значительное число сирийских рукописей. Часть из них представляет древние кодексы, имеющие большое научное значение. В качестве примеров можно назвать рукопись «Церковной истории» Евсевия Кесарийского,¹ кодекс, содержащий «Учение Аддая»,² жизнеописание апостола Иоанна,³ «Обретение креста» и «Житие Иуды Кириака»,^{4—5} сборник мелкитских песнопений в честь девы Марии в старинной форме акафиста, конец уникальной рукописи «Жития» Сахдоны,⁶ кодексы библейских книг, написанные в V—VI вв., и т. д. Детальное описание всех сирийских рукописей Ленинграда, подготовленное мною, не опубликовано.⁷

Среди рукописей Публичной библиотеки находится значительное количество сиро-палестинских фрагментов. Большая часть из них была опубликована Ландом.⁸ Это палимпсесты, содержащие фрагменты Ветхого и Нового завета, с грузинским текстом поверх сиро-палестинского.

Академик П. К. Коковцов опубликовал в 1906 г. два прекрасных листа из коллекции Порфирия Успенского, содержащих фрагмент гомилии Ефрема Сирина о покаянии, несколько строк из «Учения египетских отцов» и фрагмент гомилии неизвестного автора.⁹

Другой сиро-палестинский текст Публичной библиотеки до сих пор не привлекал внимания исследователей. Это поврежденный лист пергамена, привезенный Тишендорфом из путешествия на восток в 1857 г. Весьма вероятно, что он происходит с Синая, оазиса, сохранившего значительное количество древних сиро-палестинских рукописей, где Тишендорф сделал свои важнейшие открытия. В работе «Notitia» о Синайском кодексе этот знаменитый ученый коротко упоминает исследуемую рукопись: «Folium dimidium primum Syriace, post graecae scriptum»,¹⁰ но не приводит больше никаких подробностей.

Пергамен размером 18x17,3 см имеет желтоватый цвет. Его нижний край надорван больше чем наполовину; в середине листа дыра и несколько черных пятен. Лист был прикреплен гвоздями и клеем к доске книжного переплета; можно обнаружить круглые отверстия, оставленные в пергамене гвоздями, следы высохшего клея и несколько мелких кусочков меди, приставших к пергамену. Такая судьба постигала и другие сиро-палестинские рукописи: жития мучеников, опубликованные М. Duensing, находятся в таком же состоянии.

Оборотная сторона нашего листа прилегала к переплету, это предохранило ее от более поздних надписей и сохранило в менее разрушенном состоянии. Лицевая сторона, находившаяся соответственно на внешней стороне переплета, несомненно греческой, была использо-

вана для нескольких заметок. Таким образом, рукопись представляет собой, по крайней мере частично, палимпсест. Но верхняя часть листа с обеих сторон содержит только сиропалестинский текст.

Девять строк греческого текста, написанного поверх сиро-палестинского на лицевой стороне, послужили основанием, чтобы включить пергамен в число греческих рукописей под номером 109 Gr; так он обозначен в каталоге Муральта (Muralt), где описан следующим образом: «109. Палимпсест. Фрагмент книги песнопений, написанный поверх сирийского текста. XIII—XV в. $\eta\chi\omicron\varsigma$ $\kappa\upsilon\mu\epsilon\nu\omicron\mu\alpha\acute{\iota}\nu\eta\nu$ ». ¹¹ К этим строкам Муральт добавил помету Тишендорфа, цитированную выше.

Греческий текст читается с трудом; кроме слов, приведенных Муральтом, можно различить лишь несколько отдельных букв и слово $\theta\epsilon\varsigma = \theta\epsilon\omicron\varsigma$ (строка?). Густые черные чернила и курсивный характер письма подтверждают сведения каталога, который относит греческие записи к XIII—XV вв.

Сиро-палестинский текст написан желтовато-коричневыми чернилами в два столбца по 19 и 20 строк; буквы большие, четкие и ясные. Заглавие каждого псалма написано мелкими, тесно связанными буквами. Формы букв весьма схожи с формами во фрагментах, опубликованных П. К. Коковцовым. Буква **א** пишется без подстрочной точки. Множественное число обозначается двумя точками. Пунктуация, определяющая грамматические формы, отсутствует, хотя плохое состояние рукописи не позволяет утверждать это вполне уверенно. Заголовок отделен от текста очень простым геометрическим орнаментом.

Цвет пергамена и чернил, форма букв, точки, обозначающие только множественное число и букву **א**, и другие палеографические признаки позволяют отнести рукопись к числу древнейших сиро-палестинских памятников. Лист представляет собой остаток псалтыри, содержащей библейские псалмы 123 и 124 (124 и 125 древнееврейского текста). В сиропалестинской версии Библии они до сих пор не были известны, исключая цитату в гомилии неизвестного автора, ¹² содержащую первый стих 124 (125) псалма.

Псалмы, как и следовало ожидать, переведены с греческой версии. Доказать это не представляет трудности. Опустив мелкие детали, достаточно указать, что в первом и втором стихах 124 (125)-го псалма сиро-палестинская версия совпадает с версией Септуагинты, называемая «жителей» Иерусалима, тогда как в еврейском тексте «Иерусалим» является подлежащим предложения, следующим за вторым стихом. При сравнении цитаты из псалма в гомилии и в нашей рукописи становится очевидным, что автор гомилии цитировал псалом по памяти или, что более вероятно, вольно перевел его, не пользуясь известным библейским текстом. Не совпадая буквально, цитата и текст одинаково следуют версии Септуагинты, в которой значение этого места не соответствует еврейскому тексту.

Нумерация псалмов, как и в других рукописях этого рода, также следует греческому тексту.

Лексика сиро-палестинского тесно связана с лексикой иудео-арамейского диалекта. Список явно еврейских слов сиро-палестинского, из которых наш фрагмент употребляет форму

му **ש** — имперфект 3-го л. ед. числа глагола **נתן**, может быть продолжен существительным, неизвестным в сирийском и не встречавшимся еще в сиропалестинских текстах: **חַתְּכֵּ** (евр. **חַתְּ** от корня **ענה** «гнуть, сгибать, отвращать», поро-

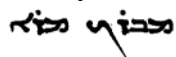

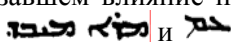

да **הַעֲנֵת** «поступать криво, ложно»; **עוֹן** «грешить»; **עוֹן** «грех, преступление»). ¹³ Это еврейское существительное в сиро-палестинском пишется с двумя йодами, чтобы выразить удвоением йода эмфатическое множественное число. Такая практика известна в иудео-арамейском: **לַחֲתֵּכֵּ** нашей рукописи точно соответствует **לַחֲתֵּכֵּ** во фрагменте, изданном Коковцовым. ¹⁴ **לַחֲתֵּכֵּ** должно соответствовать $\tau\acute{\alpha}\varsigma$ $\sigma\tau\alpha\gamma\gamma\alpha\lambda\acute{\iota}\alpha\varsigma$ Септуагинты, что обо-

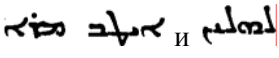
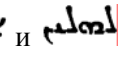
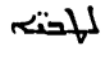
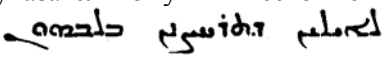
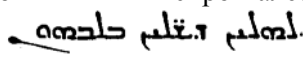

значает *tor tuosus laqueus* или в переносном значении *perversa consilia, dologas machinas*. ¹⁵ Та-

ким образом, греческий текст пытается передать еврейское слово **עקלקלות** (*viae curvae*). Сиропалестинский использует другое еврейское слово, чтобы передать редко встречающееся греческое выражение.

Особый интерес вызывают *marginalia* нашей рукописи. Это несколько слов, написанных сиро-палестинским почерком с более поздними формами букв. Они связаны с правкой

текста, сличенного с сирийской и греческой версиями.

Так, между словами (recto, левый столбец второй строки) под строкой позднее вписано . Оно не существует ни в греческом, ни в еврейском, но это местоимение имеется в сирийском тексте, оказавшем влияние на сиро-палестинский. То же слово написано на поле между словами и (verso, левый столбец, 16-я строка) и подтверждается словом Пешитты.

Между словами и на поле находится слово (verso, левый столбец, 10-я строка). Во второй части этого же стиха 4-й греческий артикль τοῖς соответствует указательному местоимению в сирийском и сиро-палестинском: сир. и сиро-палестинское . В первой части предложения тот же артикль, опущенный в первоначальной сиро-палестинской версии, на полях выражен через в результате последующего сличения текста.

Частица под строкой на поле (recto, левый столбец, 6-я строка) явно имеет целью усилить выражение hēkh de.¹⁶ Несколько знаков на поле читаются с трудом; мне кажется, можно прочесть ... и ниже (verso, левый столбец, 2-я строка).

Эти пометки на полях показывают, что сиро-палестинская версия Ветхого завета была объектом научных изысканий своего времени. Она подверглась внимательному сличению с сирийским текстом, а часть и с греческим, чтобы добиться полной точности выражений и более точной передачи смысла. Свидетельством такого сличения текстов и являются marginalia нашей рукописи. Это показывает, что Пешитта оказала влияние на сиро-палестинский библейский текст. Этот факт уже привлек внимание Дюнсинга, который и доказал это влияние сравнительным анализом сиро-палестинской версии библейского текста малых пророков и тех же текстов в лекционарии.¹⁷

Псалмы рукописи № CXIX Gr. Публичной библиотеки являются, несомненно, фрагментом палестинской псалтыри, основывавшейся на тексте Септуагинты. Как сами по себе, так и благодаря поправкам на полях они имеют важное значение для изучения сложных проблем истории и критики этого текста.

ПРИМЕЧАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

¹ См.: Амусин И. Д. «Народ земли» (К вопросу о свободных земледельцах древней Передней Азии). — Вестник древней истории, 1955, № 2, с. 14—35.

² Обзор литературы см.: Удальцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969, с. 229—253.

НИНА ВИКТОРОВНА ПИГУЛЕВСКАЯ

¹ См.: Пигулевская Н. В. Академик Павел Константинович Коковцов и его школа. — Вестник ЛГУ, 1947, № 5, с. 106—118.

² Первый некролог П. К. Коковцова принадлежит Н. В. Пигулевской, см.: Вестник Академии наук СССР, Казань, 1942, № 4, с. 103—107. Она не раз возвращалась к памяти любимого учителя, оказавшего большое влияние и на формирование ее научных интересов, и на всю ее деятельность, см.: Пигулевская Н. В. Академик П. К. Коковцов (к столетию со дня рождения и двадцатилетию со дня смерти). — Палестинский сборник, 1964, вып. 11 (74), с. 170—174.

³ Орбели Р. Р. Академик П. К. Коковцов и его рукописное наследство. — Очерки по истории востоковедения, 1957, вып. 2, с. 341—342.

⁴ В статье «Еще раз о сиро-тюркском» (1966 г.) сделан более подробный анализ третьего фрагмента из Хара-Хото, где тюркский текст, транскрибированный сирийскими буквами, перемежается сирийскими словами. Такая письменность смешанного типа известна по надписям из Семиречья, однако опубликованный Н. В. Пигулевской фрагмент представляет особенный интерес, так как он является частью рукописной книги и свидетельствует о наличии сиро-тюркской литературы и о большом влиянии сирийской культуры в Средней Азии.

⁵ См.: Райт В. Краткий очерк сирийской литературы. Под ред. и с дополнениями П. К. Коковцова. СПб., 1902, с. 1.

⁶ См.: Палестинский сборник, 1971, вып. 23 (86), с. 8: «Социальная терминология сирийских источников, при сопоставлении с греческими эквивалентами, привела к новым выводам относительно общественных отношений Византии... Византийское право через посредство „Сирийского законника" послужило основой для выработки системы обложения в сасанидском Иране».

- ⁷ Там же, с. 9.
- ⁸ Там же, с. 16.
- ⁹ Иран и Византия к концу VI и началу VII в. — Рабочая хроника Института востоковедения (Ташкент). 1944, I, с. 17—18.
- ¹⁰ Липшиц Е. Э. Византиноведение в Ленинградском государственном университете. — Византийский временник, 1947, I, с. 390.
- ¹¹ Липшиц Е. Э. Византиноведение в Ленинграде в 1946—1947 гг. — Византийский временник, 1949, II, с. 380.
- ¹² Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М.—Л., 1951.
- ¹³ Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П., Строева Л. В., Беле-ницкий А. М. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958.
- ¹⁴ См.: Пигулевская Н. В. 1) К вопросу об организации и формах торговли и кредита в ранней Византии. — Византийский временник, 1951, IV, с. 84—90; 2) Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв. — Византийский временник, 1947, I, с. 184—214; 3) Эфиопия и Химьяр в их взаимоотношениях с Восточно-римской империей. — Вестник древней истории, 1948, № 1, с. 89—97 и др.
- ¹⁵ См.: Wolska W. La topographie chrétienne de Cosmas Indicopleustes. — Théologie et science au VI a. Paris, 1962; Rougé J. Expositio totius mundi et getium. — Sources chrétienne, 24. Paris, 1966; Shahid I. The Martyrs of Najran. New Documents. Bruxelles, 1971.
- ¹⁶ См.: Лундин А. Г. Южная Аравия в VI веке. — Палестинский сборник, 1961, вып. 8 (71); Курбатов Г. Л. Ранневизантийский город (Антиохия в IV веке). Л., 1962; Altheim F. und Stiehl R. Christentum am Roten Meer. Berlin, 1971.
- ¹⁷ Pigulewska N. Byzanz auf den Wegen nach Indien. Berlin—Amsterdam, 1969.
- ¹⁸ Общественные отношения в Неджране в начале VI в. — Советское востоковедение, 1949, VI, с. 199—226.
- ¹⁹ Пигулевская Н. В. Переходные формы рабовладения в Иране по сирийскому сборнику пехлевийского права; Pigulevska N. V. Die Sammlung der syrischen Rechtsurkunden des Ischobocht und der Matikan.
- ²⁰ Pigulevska N. Les villes de l'Etat Iranien aux époques Parthe et Sassanide. Paris, 1963.
- ²¹ Бокщанин А. Г. 1) Парфия и Рим. М., 1960; 2) Парфия и Рим. (Исследование о развитии международных отношений позднего периода истории античного мира). М., 1968.
- ²² Klima O. Mazdak. Geschichte einer sozialen Bewegung in sassanidischen Persien. Praha, 1957.
- ²³ Altheim F. und Stiehl R. Finanzgeschichte der Spätantike. Frankfurt am Main, 1957; Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана. М., 1969.
- ²⁴ См.: Периханян А. Г. Сасанидский судебник «Книга тысячи судебных решений». Ереван, 1973.
- ²⁵ Удальцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969.
- ²⁶ См.: Пигулевская Н. В. Арабы VI в. по сирийским источникам. (Вторая сессия Ассоциации арабистов. Тезисы). Л., 1937, с. 21—22.
- ²⁷ См., например: Lammens H. Le berceau de l'Islam. Romae, 1914.
- ²⁸ См.: Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972, с. 564.
- ²⁹ Пигулевская Н. В. Арабы у границ Византии, с. 284.
- ³⁰ См.: Altheim F. und Stiehl R. Die Araber in der Alten Welt, Bd. I—V. Berlin, 1964—1969.
- ³¹ Фарадж Абуль. Книга занимательных историй. М., 1957; Изд. 2. 1961; От Ахикара до Джано. Л., 1960.
- ³² См.: Палестинский сборник, 1964, вып. 11 (74), с. 170—174.
- ³³ См.: Палестинский сборник, 1958, вып. 3 (66), с. 220—223.

МЕСОПОТАМИЯ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКУЮ И ПАРФЯНСКУЮ ЭПОХИ

¹ Вопрос о местоположении Паропотамии до настоящего времени является спорным. Одни исследователи считают, что это область вдоль течения Евфрата, простирающаяся по левому его берегу. Представляется более правильным считать (на основании текста Полибия), что под Паропотамией подразумевается область, лежащая на восток от течения Тигра.

² Преимущественно арабским городом считался Синджар (Сингара).

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ В ПАЛЕСТИНЕ В РИМСКУЮ ЭПОХУ

¹ Derenbourg. Essai sur l'histoire et la géographie de la Palestine. Paris, 1897; Weber W. System der altsynagogalen palestinischen Theologie. Leipzig, 1880; Kohlen. Les pharisiens. Paris, 1884; Wellhausen J. Pharisaer und Sadducaer. Greifswald, 1874.

² Schürer E. Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi, Bd. II. 4-te Aufl. Leipzig, 1907, S. 447—489.

³ Charles R. H. The Greek versions of the Testaments of the Twelve Patriarchs. Oxford, 1908, p. 52, 53.

⁴ Apocalypse Baruch 48 : 22—24. — Patrologia Syriaca, t. II. Romae, col. 1143.

⁵ Psalmi Solomonis, III, 8; XIII, 4.8. — Swete R. The Old Testament in Greek, t. III, p. 765, 780.

⁶ Иоанн, 7 : 48—49.

- ⁷ Geiger A. Uhrschrift und Übersetzung der Bibel. Breslau, 1857, S. 150.
- ⁸ 2-я кн. Царств, 11 : 20.
- ⁹ Иоанн, 7 : 48.
- ¹⁰ Например: Марк, 2 : 13.
- ¹¹ Schürer E. Geschichte des jüdischen Volkes..., Bd. I. Leipzig, 1901, S. 122.
- ¹² Там же.
- ¹³ Demaj, 1 : 2—3; 2 : 2—3; 6 : 6—12. Использовано издание: Goldschmidt L. Der babylonische Talmud nach editio princeps. T. I—XI. Berlin, 1896.
- ¹⁴ Montefiore C. J. Lectures on the origin and growth of religion as illustrated by the religion of the ancient Hebrews. См.: Hibbert's Lectures. London—Edinburgh, 1892, p. 498.
- ¹⁵ Schebuoth, 5—9; Thoroht, 74.
- ¹⁶ Pesahim, 3:7; Goldschmidt L. Der babylonische Talmud..., t. II, S. 495.
- ¹⁷ Goldschmidt L. Der babylonische Talmud..., Bd. VII, S. 1125.
- ¹⁸ Матфей, 23 : 25—26.
- ¹⁹ Марк, 7 : 1—8, 14—16.
- ²⁰ Марк, 7 : 17—23.
- ²¹ Pesahim, 3 (7.8), fol. 49b.
- ²² Goldschmidt L. Der babylonische Talmud. . . , Bd. I, S. 169.
- ²³ Марк, 2 : 15—18.
- ²⁴ Delitsch Fr. Jesus und Hillel. 1879.
- ²⁵ Aboth, 2 : 6.
- ²⁶ Soṭa, fol. 22a; Goldschmidt L. Der babylonische Talmud. . . , Bd. V, S. 245.
- ²⁷ Pesahim, 3 : 7, fol. 49b.
- ²⁸ Geiger A. Uhrschrift und Übersetzung der Bibel, S. 134.
- ²⁹ Friedländer M. Religiösen Bewegungen innerhalb des Judentums im Zeitalter Jesu. Berlin, 1905, S. 83—84.
- ³⁰ Pesahim, 3 : 8, fol. 49b.
- ³¹ Soṭa, 9 : 15, fol. 49b.
- ³² Pesahim, 3 : 7, fol. 49b.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Pesahim, 3 : 8, fol. 49b.
- ³⁵ Goldschmidt L. Der babylonische Talmud. . . , Bd. VI, S. 944.
- ³⁶ Mischna Sive Totius Hebraeorum Juris. . . Latinitate donavit ac Notis illustravit Gulielmes Surenhusius. Amsterdam, 1698—1703, 6 vols.
- ³⁷ Weber W. System der altsynagogalen palästinischen Theologie, S. 31—48: см. также: Hamburger. Real-Encyclopedie für Bibel und Talmud. 2-te Abt. 1883, S. 54.
- ³⁸ Bousset W. Religion des Judentums im Neutestamentliche Zeitalter. Berlin, 1903; Bertholet A. Biblische Theologie des Alten Testament, II. — In: Jüdische Religion von Zeit Esrae bis zum Zeitalter Jesu. 1911.
- ³⁹ Friedländer M. Religiösen Bewegungen. . .
- ⁴⁰ Ibid., II, A. 78—113.
- ⁴¹ Synagoge und Kirche, 1908.
- ⁴² Schürer E. Geschichte des jüdischen Volkes..., Bd. I, S. 468.
- ⁴³ Brunner C. Unser Christus oder das Wesen des Genie. Berlin, 1921, S. 255,

ХРОНИКА ПСЕВДО-ДИОНИСИЯ ТЕЛЬМАХРСКОГО О ЮЖНОЙ АРАВИИ

- ¹ Chronicon anonymum pseudo Dionysianum vulgo dictum ed. J. B. Chabot. C. S. C. O. Scriptorum Syriacorum. Series tertia, t. I. Parisius, 1927; t. II, Parisius, 1933.
- ² Malalas I. Chronographia. Bonnae, 1831, p. 433; Ps. Dionysius, p. 55.
- ³ Malalas I. Chronographia, p. 423, 433, 456₂₄ и сл., 459₃ и сл.
- ⁴ John of Ephesus. Lives of the eastern saints. — Pathrologia orientalis, XVII, p. 138, 155, 157.
- ⁵ La lettera di Simeone vescovo di Beth-Arsam. Ed. I. Guidi. Roma, 1881, p. k.
- ⁶ Nonnosius. Fragmenta historicorum graecorum, IV. Ed. Mullerus. Parisius, 1851, p. 173.
- ⁷ The Book of the Himyarites. Ed. A. Moberg. Lund, 1924.
- ⁸ Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию. Л., 1951, с. 233—238.
- ⁹ Martyrium st. Arethae. Acta sanctorum. Octobris, t. X. Parisiis et Romae, 1869, p. 661—762.
- ¹⁰ Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию, с. 238—241.
- ¹¹ Там же, с. 228, 230, 236.
- ¹² Ps. Dionysius, II, p. 67₁₂.
- ¹³ Ps. Dionysius, II, p. 68₁₆—69₆.
- ¹⁴ Ps. Dionysius, II, p. 111₁₂—112₂₀.
- ¹⁵ Pigulevskaja N. Theophanes's Chronographia and the Syrian Chronicles. — Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft, XVI. Graz, Wien, Köln, 1967, p. 55—60.

ИЗ ХРОНИКИ ДИОНИСИЯ ТЕЛЬМАХРСКОГО

- ¹ Исправляю текст по «Посланию» Симеона Бетаршамского.
- ² Texte **ܘܕ ܗܠܕ** (sic!), lege **ܘܕ ܗܠܕ** (Р. 634).
- ³ Ср.: Книга химьярптов, р. I, II и выше исследование. Харит не был мужем Румы.
- ⁴ **ܘܕ** (арабск.) — долина или река.
- ⁵ Имя **ܘܕ ܗܠܕ** и **ܘܕ ܗܠܕ**, см.: Book of the Himyarites p. LXXXVI.

ВИЗАНТИЯ И СЛАВЯНЕ

- ¹ *Johannis Ephesini Historiae ecclesiasticae, pars tertia.* Ed. E. W. Brooks. Lovanii, 1935, p. 327.

СИРИЙСКАЯ ХРОНИКА VI в. О СЛАВЯНСКИХ ПЛЕМЕНАХ

- ¹ *Ioannes Ephesius. Historia ecclesiastica, 3, cap. 25.* Ed. E. W. Brooks. — *Scriptores Syri, ser. III, t. III, p. 327—328.*
- ² Michel le Syrien. *Chronique.* Ed. Chabot, p. 380.
- ³ *Ibid.*, p. 381.
- ⁴ *Ibid.*, p. 380.

ХРОНИКА ФЕОФАНА И СИРИЙСКИЕ ХРОНИКИ

- ¹ Moravcsik G. *Byzantinoturcica, I.* Berlin, 1958, S. 166—168.
- ² Theophanes. *Chronographia, I—II.* Ed. De Boor. Lipsiae, 1883, 1885.
- ³ *Chronicon anonymum pseudo Dionysianum vulgo dictum.* Ed. J.-B. Chabot. C. S. C. O. *Scriptores syri. Series III, t. I.* Parisiis, 1927; t. II, Parisiis, 1933; Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. Л., 1941, с. 22—25.
- ⁴ Дьяконов А. П. Кир Батнский. СПб., 1912, с. 22—23.
- ⁵ Дьяконов А. П. Иоанн Ефесский и его церковноисторические труды. СПб., 1908, с. 193. 213—221, 247. — Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР, с. 15—28. 109—147.
- ⁶ Theophanes. *Chronographia, I,* p. 126, 127, 129—130.
- ⁷ Пигулевская Н. В. Месопотамия на рубеже V и VI вв. Л., 1940.
- ⁸ Theophanes. *Chronographia, p. 127, 129—130.*
- ⁹ Пигулевская Н. В. Месопотамия на рубеже V и VI вв., с. 26.
- ¹⁰ *Ioannes Malalas. Chronographia.* Bonnæ, 1831, p. 399; Пигулевская Н. В. Месопотамия на рубеже V и VI вв., с. 19—20, 32.
- ¹¹ Moravcsik G. *Byzantinoturcica, I,* p. 313—315.
- ¹² Дьяконов А. П. Иоанн Ефесский..., с. 259—260.
- ¹³ *Ps. Dionysius, p. 19, 20.*
- ¹⁴ Дьяконов А. П. Иоанн Ефесский..., с. 247—261.
- ¹⁵ *Ps. Dionysius, I, p. 160.*
- ¹⁶ Ortiz de Urbina. *Patrologia syriaca. Romae, 1958, p. 192;* Пигулевская Н. Эдесская хроника. — Палестинский сборник, 1959, вып. 4 (67), с. 79—96.
- ¹⁷ Дьяконов А. Иоанн Ефесский..., с. 215.
- ¹⁸ *Ps. Dionysius, I, p. 19—20, 44—47.*
- ¹⁹ *Ps. Dionysius, II, p. 150—154.*
- ²⁰ Theophanes. *Chronographia, p. 336—339.*
- ²¹ *Ps. Dionysius, II, p. 149—150.*
- ²² Theophanos. *Chronographia, p. 332—334.*

О СИРИЙСКОЙ РУКОПИСИ «ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ» ЕВСЕВИЯ КЕСАРИЙСКОГО В РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ

- ¹ Eusebo de Cesarée. *Histoire ecclésiastique.* Editée (en syriac) pour la première fois par P. Bedjan. Leipzig, 1897.
- ² *The Ecclesiastical History of Eusebius in Syriac.* Edited from the Manuscripts by the late prof. William Wright and Norman Mc Lean with a collation of the ancient Armenian version by prof. Adalbert Merx. Cambridge, 1898.
- ³ Райт. Сирийская литература. Под ред. акад. П. К. Коковцова. Приложение. Нитрийская коллекция, с. 220.
- ⁴ *Mélanges Asiatiques, t. II. St.-Petersbourg, 1853, p. 195.*
- ⁵ Wright. *Apocryphal Acts of the Apostles, vol. I.* 1871, p. VIII—IX.
- ⁶ Wright W. *Catalogue of the Syriac manuscripts in the British Museum, t. III.* London, 1872, p. 1039.
- ⁷ Merx A. *De Eusebianae historiae ecclesiasticae versionibus syriaca et armenica.* — *Atti de IV Congresso Internazionale degli Orientalisti tenuto in Firenze nel settembre 1878, vol. I.* Florenz, 1880, p. 199—214.
- ⁸ Ter-Minassiantz. *Die armenische Kirche in ihren Beziehungen zu den syrischen Kirchen.* — In: *Texte und Untersuchungen, Bd. XXVI.* Leipzig, 1904, p. 21—25.
- ⁹ *Eusebius Kirchengeschichte. Dritter Teil.* Leipzig, 1909, Einleitung, p. XLI.

¹⁰ Texte und Untersuchungen, Bd. XXI, 1901.

¹¹ Анализ, которому мы подвергли фрагменты Паппия Иеропольского, заставил нас отдать предпочтение сирийскому тексту. Так, он опускает наименование Аристона и Иоанна (μαθηταί του κυριου), а просто говорит «Аристон и Иоанн пресвитер» (в армянском тексте «пресвитеры»). Известно, сколько трудностей представляла эта вставка для исследователей (Eusebius. Hist. eccl. III, 39 (fol. 60b, col. 1)):

ܟܝܘܘܢ ܘܐܪܝܫܬܘܢ ܕܡܘܨܝܘܢ ܕܡܘܨܝܘܢ

ܘܐܪܝܫܬܘܢ ܟܝܘܘܢ ܐܪܝܫܬܘܢ ܘܐܪܝܫܬܘܢ ܐܪܝܫܬܘܢ
ܟܝܘܘܢ ܐܪܝܫܬܘܢ ܐܪܝܫܬܘܢ ܐܪܝܫܬܘܢ ܐܪܝܫܬܘܢ

МАРТИРИЙ КИРИАКА ИЕРУСАЛИМСКОГО

¹ Acta sanctorum, t. XII (Maius, t. I), p. 449—450.

² Delehayе Н. Catalogos codicum hagiograficorum graecorum Monasterii. S. Salvatoris nunc Bibliothecae Universitatis Messanensis. — Analecta Bollandiana, t. XXIII, 1904, p. 43.

³ Συλλογή Παλαίστινης και Συριακής αγιολογίας — Православный палестинский сборник. СПб., 1907, вып. 57, с. 164—172 (перевод — с. 184—192).

⁴ Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae. Ed. H. Delehayе. 1902, p. 170.

⁵ Великие Минеи-Четьи, вып. 6. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1880, стлб. 1967—1968.

⁶ Guidi Ign. Textes orientaux inédits du martyre de Judas Cyriaque évêque de Jerusalem, I. Texte syriaque. — Revue de l'Orient Chrétien, 1904, № 9, p. 87—95.

⁷ Ibid., 1904, p. 310—332.

⁸ Ibid., 1906, p. 337—351.

⁹ Wright W. Catalogue of the Syriac manuscripts in the British Museum, t. III. London, 1872, p. 1083.

¹⁰ Wright W. Aprocryphal Acts of the Apostles, vol. I. London, 1871, p. 1—65.

¹¹ Кроме 13 греческих, латинских и сирийских рукописей, существуют английский, исландский и старошведский тексты.

¹² Nestle E. 1) De sancta cruce. Ein Beitrag zur christlichen Legendengeschichte. Berlin, 1889; 2) Die Kreuzauffindungslegende. — Byzantinische Zeitschrift, 1895, Bd. IV, S. 324; Straubinger J. Die Kreuzauffindungslegende. Padebom, 1913, S. 74.

¹³ Straubinger J. Die Kreuzauffindungslegende, S. 75.

¹⁴ Peeters P. Traductions et traducteurs dans l'hagiographie orientale à l'époque byzantine. — Analecta Bollandiana, 1922, t. XXVI, p. 215.

¹⁵ Straubinger J. Die Kreuzauffindungslegende, S. 59.

¹⁶ Ginzel F. Handbuch der matematischen und technischen Chronologie, Bd. III. Leipzig, 1906, S. 31.

¹⁷ Straubinger J. Die Kreuzauffindungslegende, S. 51.

¹⁸ Ginzel F. Handbuch..., S. 190—192.

¹⁹ Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae, p. 170, 28 Oct., N 10.

²⁰ Ibid., p. 576₂₂.

²¹ Ibid., p. 601₂₃.

²² Ibid., p. 168.

²³ Великие Минеи-Четьи, вып. 6, стлб. 1967—1968 и 1981.

²⁴ Wiener Studien, 1891, S. 301.

²⁵ Liber pontificalis, t. I. Ed. Duchesne, Paris, 1877, p. 167.

²⁶ Bedjan P. Acta martyrum et sanctorum, t. I, p. 326; Nestle E. De sancta cruce, p. 11, l. 105 (по рукописи Британского музея add. 12.174), p. 25, l. 1 (по рукописи Британского музея add. 14.644).

²⁷ Nestle E. De sancta cruce, p. 7 (по рукописи Британского музея add. 12.174), p. 21 (по рукописи Парижской национальной библиотеки 234); Bedjan P. Acta martyrum, t. III, p. 175 (по рукописи Берлинской библиотеки Sachau 222).

²⁸ Phillips G. The doctrine of Addai. London, 1876, p. (fol. 7^b).

²⁹ Nestle E. Die Kreuzauffindungslegende, p. 324.

³⁰ Straubinger J. Die Kreuzauffindungslegende, S. 40.

³¹ Ibid.

³² Holder. Inventio sanctae crucis. Lipsiae, 1889, p. 38.

³³ По рукописи ГПБ и Британского музея add. 14. 644; Nestle E. De sancta cruce, p. 29, 108.

³⁴ Ibid., p. 16, 229.

³⁵ Nestle E. Die Kreuzauffindungslegende, p. 327, l. 30.

³⁶ Nestle E. De sancta cruce, p. 19, l. 318, p. 33, l. 205.

³⁷ Nestle E. Die Kreuzauffindungslegende, p. 351.

³⁸ Holder. Inventio..., p. 38 (οι παραγενόμενοι ειδον).

³⁹ Nestle E. De sancta cruce, p. 20.

⁴⁰ Бриллиантов А. И. Император Константин Великий и Миланский эдикт 313 г. Пгр., 1916, с. 12—31.

⁴¹ Греческий текст см.: Nestle E. Die Kreuzauffindungslegende, p. 324 (отсутствует у Гольдера и Вотке). Латинский текст см.: Acta sanctorum, Majus, t. I. Сирийский текст см.: Bedjan P. Acta martyrum, t. I, p. 326 (в рукописи add. 12.174 и в рукописи ГПБ); он отсутствует в рукописи Британского музея add. 14.644.

- ⁴² Holder. *Inventio...*, p. 45—46.
⁴³ *Ibid.*, p. 50—51.
⁴⁴ Straubinger J. *Die Kreuzauffindungslegende*, S. 93.
⁴⁵ Nestle E. *Die Kreuzauffindungslegende*, p. 339.
⁴⁶ Eusebius. *Historia ecclesiastica syriaca*, II, 18.
⁴⁷ Cureton W. *Ancient syriac documents*. London, 1864; рукопись ГПБ, сирийская новая серия, 4.
⁴⁸ Nestle E. *De sancta cruce*, p. 10, l. 80; Bedjan P. *Acta martyrum*, t. III, p. 184—187.
⁴⁹ Nestle E. *De sancta cruce*, p. 11, l. 102.
⁵⁰ Bedjan P. *Acta martyrum*, t. III, p. 187.
⁵¹ Eusebius. *Historia ecclesiastica syriaca*, IV, 5.
⁵² Nestle E. *De sancta cruce*, add. 12.174.
⁵³ Bedjan P. *Acta martyrum*, t. III, p. 187.
⁵⁴ Nestle E. *De sancta cruce*, p. 22, l. 46; p. 32, l. 181.
⁵⁵ *Ibid.*, p. 22, l. 37 и сл.; p. 23, l. 53 и сл., 59 и сл.
⁵⁶ *Ibid.*, p. 31, l. 148 и сл.; p. 34, l. 230.
⁵⁷ *Ibid.*, p. 11, l. 102.

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ НАДПИСИ RES 4337

¹ Höfner M. 1) Die Katabanischen und Sabäischen Inschriften der süd-arabischen Expedition im Kunsthistorischen Museum in Wien, II. — *WZKM*, 1935, 42, p. 47—61; 2) Eine süd-arabische Handelinschrift. — *Forschungen und Fortschritte*, 1934, X, p. 274—275; Beeston A. F. L. *Qahtan*. — *Studies in Old South Arabian Epigraphy*, I. The Mercantile Code of Qataban. London, 1959; RES 4337. — *Repertoire d'épigraphie sémitique*, v. VII, liv. 2. Paris, 1937, p. 199—206.

² RES 4337 C, 11—14; Beeston A. F. L. *Qahtan*, p. 13 (clause XI).

³ Wissmann H. *Zur Geschichte und Landeskunde von Altsüdarabien*. — *SBAW*, 246, Wien, 1964, p. 152, 169.

⁴ Wissmann H. *Zur Geschichte und Landeskunde...*, p. 64, 170—171; Pirenne J. *Le Royaume Sud-Arabe de Qataban et sa Datation*. — *Bibliothèque du Muséon*, 48, Louvain, 1961, p. 65—66.

⁵ Ghul M. A. *New Qatabani Inscriptions*, II. — *BSOAS*, 1959, v. XXII, p. 429—433.

⁶ Höfner M. *Die Beduinen in den vorislamischen arabischen Inschriften*. — *Lantica societa Beduina*, Roma, 1959, p. 62—63.

⁷ Wissmann H. *Zur Geschichte und Landeskunde...*, p. 168.

⁸ Ghul M. A. *New Qatabani Inscriptions*, It, o. 433—436.

⁹ Beeston A. F. L. *Qahtan*, p. 15.

¹⁰ *Ibid.*, p. 5.

¹¹ RES 4337A, 23—27 — *Repertoire*, p. 200—201; Beeston A. F. L. *Qahtan*, p. 12 (clause VI).

¹² Beeston A. F. L. *Qahtan*, p. 7—8, 12; Irvine A. K. *Some Notes on Old South Arabian monetary Terminology*. — *JRAS*, p. 33—34.

¹³ RES 4337C. 14—17. — *Repertoire*, p. 205; Beeston A. F. L. *Qahtan*, p. 13 (clause XII).

СИРИЙСКИЙ ТЕКСТ И ГРЕЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД МАРТИРИЯ ТАРБО

¹ *Acta sanctorum martyrum orientalium et occidentalium*. Ed. St. Ev. Assemanus. Romae, 1748, pars I, p. 10—59; *Acta martyrum et sanctorum*, t. II. Ed. Bedjan, Paris, 1891, p. 128—260.

² Baumstark A. *Geschichte der syrischen Literatur*. Bonn, 1922, S. 56.

³ *Acta sanctorum...*, pars I, p. 54—59.

⁴ *Acta martyrum...*, t. II, 254—260; Avant-propos, p. VIII; *Verzeichnis der syrischen Handschriften*, I. Ed. Sachau, Berlin, 1899, S. 290.

⁵ *Les versions grecques des actes des Martyrs persans sous Sapor II. Textes grecs et traductions*, publ. par H. Delehay. — *Patrologia Orientalis*, t. II, Paris, 1907, 410—411.

⁶ Пигулевская Н. *Города Ирана в раннем средневековье*. Л., 1956, с. 145—149, 242—250; Pigulevskaya N. *Les villes de l'Etat iranien aux époques Parthe et Sassanide*. Paris, 1963, p. 116—118, 169—175.

⁷ Wiessner G. *Zur Märtyrerüberlieferung aus der Ghristenverfolgung Schapur's II*. Göttingen, 1967, S. 145 — 147. — Книга Г. Висснера — это прекрасное и остроумное исследование, имеющее большое значение для проблемы сирийских «Деяний мучеников».

⁸ *Acta martyrum...*, p. 257; *Les versions grecques...*, p. 442.

⁹ *Ibid.*

¹⁰ *Acta martyrum...*, p. 255; *Les versions grecques...*, p. 440.

¹¹ Wiessner G. *Zur Märtyrerüberlieferung...*, p. 57, 146.

¹² *Acta martyrum...* p. 257.

¹³ *Les versions grecques...*, p. 441.

¹⁴ *Acta martyrum...* p. 257—258.

¹⁵ *Acta martyrum...*, p. 260; *Les versions grecques...*, p. 444.

¹⁶ *Ibid.*

¹⁷ Пигулевская Н. *Города Ирана...*, с. 147—149; Pigulevskaya N. *Les villes...*, p. 117—118; Peeters P. 1) *La date du martyr de St. Syméon*. — *Analecta Bollandiana*, 1938, t. 56, f. 1—2; 2) *Le passionnaire d'Adiabène*. —

Analecta Bollandiana, 1925, t. 43, f. 1—2, p. 266; 3) Recherches d'histoire et de philologie orientales, I. Bruxelles, 1951, p. 73; Devos P. Sozomène et les actes syriaques de St. Syméon. — Analecta Bollandiana, 1966, t. 84, f. 3—4, p. 443.

¹⁸ Wiessner G. Zur Märtyrerüberlieferung. . ., p. 64—65.

¹⁹ Assemanus J. S. Bibliotheca Orientalis, III, p. I. Roma, 1725, p. 73—74.

ЗАМЕТКА ОБ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ВИЗАНТИЕЙ И ГУННАМИ В VI в.

¹ Historia ecclesiastica Zachariae Bhetori vulgo adscripta edidit E. W. Brooks, v. II, 1,12, cap. 7, p. 214; Corpus scriptorum christianorum orientalium. Scriptores Syri, series tertia, t. VI.

² Златарски. История на първото българско царство, I. Sofia, 1918, p. 72—84.

³ Zacharias Rhetor, p. 213.

⁴ Excerpta historica Constantini Porphyrogeniti. Excerpta de legationibus, vol. II. Ed. De Boor. Berolini, 1903, p. 588 (Priscus Panites).

⁵ Zacharias Rhetor, p. 215. 6 Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. Л., 1941, с. 81, 87.

⁸ Procopius. De bello persico, I, 12. Recogn. I. Haury, ed. stereotypa G. Worth. Lipsiae, 1962, p. 56.

⁹ Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами. Пер. Г. С. Дестуниса. СПб., 1876; Артамонов Н. И. История хазар. Л., 1962, с. 92.

¹⁰ Stein E. Histoire du Bas-Empire, vol. II. Publ. par J. R. Palanque. Paris, 1949, p. 270—271.

¹¹ Zacharias Rhetor, p. 216.

¹² Ibid., p. 217.

¹³ Ibid.

¹⁴ Theophanes Chronographia II. Ed. de Boor, p. 161—162; Ioannes Malalas. Chronicon, cap. 16. Bonn, 1831, p. 406; Georgius Cedrenus, t. I. Bonn, p. 644,

СИРО-ПАЛЕСТИНСКИЕ ФРАГМЕНТЫ ПСАЛМОВ 123—124

¹ Eusèbe de Césarée. Histoire ecclésiastique. Ed. par P. Bedjan. Paris, 1897; The Ecclesiastical History of Eusebius in Syriac. Ed. Wright and Me. Lean. Cambridge, 1898. — Пигулевская Н. О сирийской рукописи «Церковной истории» Евсевия Кесарийского в Российской Публичной библиотеке. — Восточный сборник Государственной Публичной библиотеки, 1926, № 1, с. 115—122.

² Philipps. G. The doctrine of Addai. London, 1876.

³ Wright W. Apocryphal acts of the Apostles. London, 1871.

^{4—5} Pigoulewsky N. Le martyre de Saint Cyriaque de Jerusalem. — Revue de l'Orient chrétien, 1929, t. VI, N 3—4.

⁶ Pigoulewsky N. Das Ende des Strassburger Sahdona-Handschrift. — Oriens christianua, 1927.

⁷ В этом каталоге принята следующая классификация рукописей: 1 — библейские книги; 2 — патрология; 3 — агиография; 4 — светская литература и документы. Этот каталог был опубликован позднее: см.: Пигулевская Н. В. Каталог сирийских рукописей Ленинграда. — Палестинский сборник, 1960, вып. 6 (69). — *Прим. редакции.*

⁸ Land J. Anecdota syriaca, t. IV. Lugduni Batavorum, 1875.

⁹ Kokowzoff. Nouveaux fragments syro-palestiniens de la Bibliothèque de Saint-Pétersbourg, 1906.

¹⁰ Tischendorf. Notitia. . . codices biblicorum Sinaitici. Lipsiae, 1860, p. 48, lin. 9 (N 12).

¹¹ Muralt. Catalogue des manuscrits grecs de la Bibliothèque Publique. Pétersbourg, 1864. p. 70.

¹² Kokowzoff. Nouveaux fragments. . ., p. 37.

¹³ Gesenius. Hebräisches Wörterbuch. 1921, p. 523.

¹⁴ Kokowzoff. Nouveaux fragments..., p. 15, 36.

¹⁵ Stephanus. Thesaurus graecae linguae, t. VII. 1848—1854, col. 829. Tortuosus laqueus, laquei, tendiculae. Ps. 124, 5 quo loco τοις εκκλίνουσιν εις τας στραγγαλιὰς opp. Psalmistes τους αγατους. Hebr. textui adjuncta versio habet qui autem declinant ad pravitates suas. Στραγγαλιων nomine potes accipere etiam: Perversa consilia, dolosas machinas, Versutias.

¹⁶ Schulthess. Grammatik des christlich-palästinischen Aramäisch. 1924, 132, 2, p. 57.

¹⁷ Duensing. Christlich-palästinisch-aramäische Texte und Fragmente. Göttingen, 1906, p. 83, 84, 92, 109.